

Влад Савин

МОРСКОЙ ВОЛК

Морской волк

Поворот оверштаг

Восход Сатурна

Военная фантастика
коллекция

Морской волк

Владислав Савин

Морской волк (сборник)

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Савин В. О.

Морской волк (сборник) / В. О. Савин — «АСТ»,
2017 — (Морской волк)

ISBN 978-5-17-982495-4

Атомная подводная лодка К-119 «Воронеж», выйдя в поход в наше время, проваливается в 1942 год. И некуда возвращаться – нет больше базы, нет дома. Андреевский флаг, двуглавый орел на рубке, погоны у офицеров – примут ли их в сталинском СССР? Но нет сомнений, на чьей стороне вмешаться в войну, – ведь если немцы победят, русских не будет вообще. Лето 1942 года – ничего еще не предрешено. И людям из 2012 года придется принять участие в боях, да и просто жить в мире, который они считали историей. И в итоге выйдет совсем другая история и уже иной мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982495-4

© Савин В. О., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Морской волк	6
Часть первая	6
Часть вторая	132
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Влад Савин

Морской волк

© Влад Савин, 2017

© Борис Царегородцев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Автор благодарит за помощь: Станислава Сергеева, Сергея Павлова, Александра Бондаренко, Михаила Николаева, Романа Бурматнова, и читателей форумов ЛитОстровок и Самиздат, под никами Andy18ДПЛ, Андрей_М11, Комбат Найтов (Night), Дмитрий Полковников (Shelsoft), Superkashalot, Борис Каминский, Михаил Маришин, Тунгус, Сармат, Скиф, StAl, bego, Gust, StG, Old_Kaa, DustyFox, otikron и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Морской волк

Часть первая

Позвольте представиться – капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович. В настоящий момент волею Господа Бога и Верховного главнокомандующего командир атомной подводной лодки К-119 «Воронеж». Потомственный морской офицер и полный тезка того самого адмирала, который Антарктиду открыл. Батя у меня в отставку каперангом вышел, а я мечтаю все же помереть адмиралом – тут надо бы дополнить: в преклонных годах, на покое, окруженный многочисленными внуками. Контр-адмирала, положим, я имею все шансы получить лет через пять. И жить хочется, конечно, подольше. А вот с внуками, боюсь, выйдет промашка.

С жизненным путем все у меня было просто и ясно. Жили мы тогда еще в Ленинграде – никак не могу привыкнуть к тому, что Собчак вернул городу его имперское имя – на Васильевском острове. Морской корпус, сиречь училище Фрунзе – через два квартала, и стены там досками мемориальными увешаны: кто здесь учился и чем потом Россию прославил. Крузенштерн бронзовый напротив стоит. И корабли на Неве. В день флота мы с батей на морской парад каждый год ходили, это было свято! Ну и конечно, brave ребята в форменках каждое воскресенье улицы, именуемые «линиями», заполняли. А фрунзенцы в увольнении – предмет зависти всех мальчишек и мечта девчонок.

Родился я в семидесятом, и через две недели мой сорок второй день рождения, который я имею все шансы встретить в море, а не на берегу за праздничным столом. В Бога не верю, считаю, что главное – не грешить, жить по чести, и тогда, если тот свет есть, там по справедливости рассудят. А вот бабка у меня верующая была, от нее и перешли ко мне незаметно всякие слова библейские.

Поступил я все-таки не во Фрунзенку, а в подплав имени Ленкома. Семьи у меня нет. В увольнение с девушками – это святое, тем более что внешность у меня примечательная: глаза голубые, а волосы иссиня-черные. С одной, красивой самой, всерьез намечалось, уже семьями обговаривали, когда распишемся. Лето девяносто первого, последнее безоблачное, когда будущее еще казалось мне радужным и прекрасным, как обложка журнала «Техника – молодежи». Где-то был Карабах, Месхетия, на просторах Союза люди уже резали друг друга за веру, – а мы с Ирочкой гуляли, обнявшись, белыми ночами, смотрели на разведенные над Невой мосты, целовались – и нам было запредельно хорошо.

А в сентябре она уехала с каким-то шведом. Вот так: «Знакомьтесь, это Ингвар, мой... в общем, ясно, обойдемся без диких сцен, мы же культурные люди. Ты меня пойми, любовь любовью, но я устала от нашего хамства, очередей, дефицита, бескультурья и хочу в цивилизованном мире пожить, пока красива и молода!» Года через три прислала письмо из Стокгольма, рассказала, как хорошо живет: за ребенком смотреть – приходит няня, жилье убирать – приходит домработница, обедать – ходят в очень милый ресторанчик; короче говоря, ничего делать не надо, лишь бы быть при муже. Что любопытно, швед на фото с ней был уже другой. Ну, Бог ей судья!

И я уехал на Север. Служил, исправно тянул лямку. В годы правления «царя Бориса», сиречь Борьки-козла, народ разбежался с флота со страшной силой. А я остался. Наверное, потому, что некуда мне было идти. Коммерция, бизнес – ну не мое это, не умею! Служил пока служится. И поскольку людей на должностях не хватало – а кому-то надо и корабли в море водить! – делал карьеру.

Пять месяцев назад вступил в командование «Воронежем». До того был командиром одной из лодок типа «Барс», проект 971, которую уже полгода как списали. Мой новый

корабль – три выхода на сдаточные после ремонта – и, наконец, в море! Нет, сама лодка, проект 949А, кто понимает, уже восемнадцать лет как в строю – просто только из капремонта, три года у стенки стояла. Полностью заменили ГАК (гидроакустический комплекс) на новейший, последней разработки, также поставили абсолютно новые БИУС, навигационный комплекс, противоторпедную защиту «Пакет-П»; сменили активную зону в реакторе и добавили еще много всего по мелочи, хотя мелочей на ПЛ не бывает. В общем, сделали из старой лодки просто великолепие, но вот экипаж... Так как корабль только с завода – экипаж, по сути, формировали заново, поэтому набрали очень много новичков, были и такие, кто в автономку на большой срок не ходил вообще! О сплаванности, сработанности меж собой – вообще молчу: команда на моей «Щуке» прежней в сравнении с ними день и ночь! Всего же у меня четыре дальних, да раз пять ходил поблизости – и все. Итого – из двадцати четырех лет моей службы (считая училище) два с половиной года в море. А этого мало.

Хорошо хоть, комсостав удалось собрать – лучших, ссылаясь на важность задания. Старпом, «первый после Бога и командира», капитан второго ранга Золотарев Иван Петрович, или просто Петрович, один из троих из моего прежнего экипажа, кого я взял с собой. Это наш последний поход вместе: ему уже обещано собственное командирство. Еще из моей «старой гвардии» – штурман (командир БЧ-1), капитан третьего ранга Головин Александр Александрович, для своих Сан Саныч, я с ним уже пятый год. И самый лучший снабженец на флоте – Сидорчук Богдан Михайлович, всего лишь старший мичман, но как раз такой, про которого, помните, в фильме советском адмирал говорит: «За такого снабженца я двух командиров БЧ отдам, не раздумывая, да еще коньяк поставлю дураку командиру, который мне столь ценный кадр уступит».

Из офицеров только один мне незнаком: переведенный из штаба флота на должность зама по воспитательной работе капитан второго ранга Елезаров Валентин Григорьевич, после этого похода ему пообещали с повышением в отставку. Самый старший по возрасту из экипажа – не знаю, как он выдержит этот поход, последний раз он на лодке был лет двадцать назад. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище еще при Горбаче, в девяносто первом уже стал капитан-лейтенантом, а после развала СССР уволился – сам говорит, что по политическим мотивам, как несогласный с политикой правительства. Ага, все уволенные в те годы так говорят – и кого по несоответствию выгнали, и кто в коммерцию сбежал! Замполит наш (мне так привычнее эту должность называть) был из вторых. Вроде неплохо начал, а после... Капитализм – это джунгли: если не ты съел, так тебя! В общем, прогорел – спасибо еще, что живой – и опять пошел на флот через каких-то знакомых при штабе, где и служил, приобретя прозвище Комиссар. А теперь ему плавстаж понадобился, перед увольнением, и не нашли, куда еще его засунуть, кроме как не к нам! Успел уже у нас получить прозвище, когда его рядом нет, «затычка в заднице». С ним будет тяжело в походе, это не Петрович или другой из офицеров.

Еще к нам перед самым выходом в море зачем-то прикомандировали девятерых подводных диверсантов, да еще с полным техническим обеспечением, под командой коренного мурманчанина, капитана третьего ранга Большакова Андрея Витальевича. Что они собираются на Средиземном море делать, я не в курсе. У них свой приказ. И он будет зависеть от конкретной обстановки. Может, нашим адмиралам не дает спокойно спать слава князя Боргезе.

Перед походом провели учения, на которых нас гоняли наши противолодочники, изображая корабли охранения авианосной группы. А нам предстояло прорваться как можно ближе к изображающему американца «Кузнецову» – чтобы в реале был шанс, если наши ракеты не успеют перехватить. Наверху четыре БПК плюс самолеты и вертолеты с «Кузнецова», а у нас, сами понимаете, какая лодка, это вам не «Лада», которую натовцы прозвали «черной дырой», – железнодорожный вокзал, погруженный под воду. Ежу понятно, что нас слышно за сто миль, но и мы не лыком шиты. Трое суток мы пытались прорваться к условному противнику, а нам

мешали – все было как в реале, кроме, естественно, боевой стрельбы. В итоге мы заработали оценку «хорошо» – хотя, я думаю, ее нам поставили авансом. Но все же на 120 миль нам удалось подойти незаметно. Короткая стоянка в базе, пополнение всех припасов – и вот наш поход начался!

План наших действий в вариантах был обсужден заранее. Или сразу на север подо льды, посидеть несколько дней там, пока окно в космосе на пару часов закроется, выскочить между Шпицом и Гренландией – и потихонечку-полегонечку на юг к Гибралтару. Или внаглую сразу на запад, вдоль Норвегии, между Англией и Исландией выходим в Атлантику. Так быстрее, но там нас сосусовская система засечет, цепь датчиков, которую амеры через океан протянули, – значит, горячий прием обеспечен! Окончательный выбор пока еще не был сделан – мы беседовали с Петровичем, когда штурман объявил:

– Тащ командир, подходим к точке погружения! Завершайте – наверху!

– Все вниз, погружение! – объявляю я.

Пока все идет точно по плану¹.

Атлантика возле побережья США.

Подводная лодка U-215. 3 июля 1942 года

«Ну до чего же хорошо так воевать... – размышлял штурман Эдгар Херманн, разглядывая спокойный океан, блестящий в лучах солнца. – Шарим тут, как лиса в курятнике! И хоть бы одна собака нас заметила и прогнала».

Но Херманн был неправ. Довольно далеко, на трехкилометровой высоте, прошла летающая патрульная лодка, с которой заметили на поверхности моря длинный продолговатый предмет. Но так как горючее было на исходе, летчики лишь передали на базу координаты. И после информация кочевала по линиям связи из одного штаба в другой, пока решали, кого именно направить в тот район. Летом сорок второго противолодочная оборона флота США еще не была организована так, как станет всего через год, и очень много времени уходило на всякого рода согласования. Так что у немцев, до появления противолодочных сил, было еще достаточно времени, чтобы уйти, даже не заметив, что их обнаружили.

Но судьба распорядилась иначе, и в этот промежуток времени случилось очень много всего.

Херманн этого не знал. И самолета не заметил. Оттого продолжал благобно размышлять: «Нет, все ж хорошо воевать с таким командующим, как наш “папа” Дёниц! Бережет корабли и людей. Ведь что есть субмарина на море? Не солдат, который идет в атаку на пулемет или сидит в траншее, ожидая танков, – а партизан, диверсант, нападающий там, где его не ждут, и

---

¹ В реальности управление подводной лодкой намного сложнее. Одной команды и поворота штурвала недостаточно – например, при погружении уставная последовательность действий: Командир отдает приказ: «ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ, К ПОГРУЖЕНИЮ». Вахтенные отсеков осушают трюмы, выгородки, продувают баллоны гальюнов. С разрешения вахтенного офицера вентилируются подводная лодка и аккумуляторная батарея. Докладывают командиру об исполнении. Приняв доклады, командир отдает следующий приказ: «ВСЕ ВНИЗ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПОГРУЖЕНИЮ». Личный состав занимает места согласно расписанию по боевой тревоге. Командиры отсеков докладывают: «В таком-то отсеке стоят по местам к погружению. Присутствуют все». Выслушав доклады, командир приказывает: «ОТВАЛИТЬ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ РУЛИ» (на многих ПЛ в надводном положении горизонтальные рули, по крайней мере носовые, убираются в надстройку, во избежание их повреждения волнами). Рули выдвигаются в рабочее положение. Доклад командиру. Его следующая команда, передаваемая по общекорабельной трансляции: «ЗАДРАИТЬ ВЕРХНИЙ РУБОЧНЫЙ ЛЮК». Причем перед закрытием люка командир лично осматривает ограждение выдвижных устройств и трижды оповещает о погружении. Герметизируются отсеки, система вентиляции переводится по замкнутому циклу. Передвижение личного состава по лодке прекращается, КП и БП переходят на таблицы подводного хода. Прием докладов командиром, его следующая команда: «ПРИНЯТЬ ГЛАВНЫЙ БАЛЛАСТ, КРОМЕ СРЕДНЕЙ». Командир электромеханической боевой части подает команды об открытии (закрытии) кингстонов, аварийных захлопок (вторых запоров) и клапанов вентиляции с последующим докладом командиру подводной лодки о приеме балласта. Аналогичным образом происходят все прочие маневры ПЛ. Но так как читателям-подводникам все это знакомо, а прочим читателям покажется неинтересным и однообразным (интересующиеся же могут сами найти Корабельный Устав, где все написано подробно), то в дальнейшем подобные процедуры в тексте будут опускаться, подразумеваясь неявно. – В. С.

потому наносящий противнику большие потери при минимальных своих. Стало тяжело вблизи Британии – “папа” оперативно перебросил нас к Америке, где эти тупые янки словно не знали, что наш фюрер, вообще-то, объявил им войну!»

Казалось, вернулось жирное время, лето сорокового! Горели маяки, все навигационные огни, и транспорты шли без всякой охраны, с положенными огнями ночью! Никакой ПЛО не было в природе. Можно было даже высадиться на берег, посидеть в ресторане, сходить в кино, снять девочку и под утро вернуться на подлодку сытым и довольным! Некоторые парни нагтели настолько, что ходили на берег в форме кригсмарине со всеми регалиями. И сорили долларами, которые совсем нетрудно было достать в оккупированной Франции на черном рынке². А потом – топили суда этих кроликов-янки. Часто работали артиллерией, жалея торпеды. Делали в тех водах, что хотели. Нет, до чего же славно быть доблестными героями кригсмарине! Время пройдет – и о нас легенды будут слагать, о «белокурых рыцарях морей».

Боже, помилуй! Шкипер, не сдрейфь!
Да перископ след не выдай!
Нас одарили: скоростью – верфь,
И торпеды – победой.
Боже, пошли нам британский конвой,
Дабы сработать на славу:
Орден «с дубовыми» в боевой
Рубке сверкает по праву.
Крутит винты рурский мотор
С рокотом чертовых мельниц.
К дьяволу фюрера! Наш командор –
Морем просоленный Дёниц.
Мы не потоплены. Что нам до них,
Пышно сидящих в Берлине?
Капитуляция?! Teufel fur dich!
Мы на родной субмарине!
Мы будем драться, пока соляр
Плещется в наших цистернах,
Покуда команду не душит угар,
Покуда винты без каверны.
Лишь бы удача не встала спиной,
Да скрыла б наш след пучина...
Боже! Пошли нам британский конвой –
И охрани кригсмарине.

Нет, сейчас стало хуже. Огни погасили, стали все чаще встречаться противолодочные самолеты и корабли. Правда, самолеты обычно были безоружны и могли лишь сообщить об обнаруженной лодке, а корабли часто представляли собой наспех вооруженные траулеры и даже яхты, ну а взаимодействие и организация этих «сил» вызывала лишь ухмылку «волков» Дёница, уже знакомых с беспощадной травлей в английских водах. Но все же это было что-то – и вспоминалось, что близ Британии в сороковом поначалу было так же.

---

² Это было! Когда одну из потопленных у восточного берега США подлодок подняли, в карманах мертвых немцев нашли оплаченные счета ресторанов и использованные билеты в кино. Уже после этого какой-то ушлый репортер, где-то добыв форму офицера кригсмарине, целый день ходил по Норфолку, главной базе ВМФ США, причем громко говорил по-немецки. Никто его не остановил.

А, к дьяволу, что будет после – плевать! Хорошее есть сейчас! Неделю назад остановили в море яхту, на которой путешествовал какой-то богатый янки, считающий, что война не для него! С ним были его жена с дочкой и трое матросов. Ну, последних сразу пристрелили, затем и хозяина, убедившись в его бесполезности. Что ценного может знать торгаш, разбогатевший на продаже автомобильных шин? А вот с женщинами развлеклись всей командой! Дочка, светловолосая и пухленькая, была совсем как немка, да и мамаша еще не старая, вполне ничего. Парни даже хотели взять их в Сен-Назер, но командир, капитан-лейтенант Хекнер, решительно воспротивился. Женщина на корабле – к несчастью! Погуляли, и хватит! Хорошего понемножку. А нашим леди пора домой.

Что ж, воля командира – ордунг! Женщин галантно вывели на палубу, затем закрыли люки и погрузились. До берега было миль пятнадцать, как сейчас. Интересно, дамы утопили сами, или их съели акулы по пути? А яхту, кстати, не топили – так и оставили плыть пустой. Говорят, у этих вод, отсюда и до Бермуд, дурная слава, исчезают люди и корабли – ну так мы прибавим к легендам еще одну, когда яхту найдут, вот будут гадать газетчики!

Ленивые и приятные размышления штурмана были прерваны воплем из рубочного люка: – Шум винтов с левого борта, совсем близко! Подводная лодка!

– Наши, что ли? – недовольно спросил Хекнер, стоящий рядом с Херманном. – Или нам повезло встретить лодку янки, у них они вообще есть?

И тут что-то огромное ударило лодку снизу. Херманн вылетел через ограждение в воду, головой вперед. Хекнеру повезло меньше: он с размаху ударился виском о край ограждения. Внизу, в центральном посту, старший помощник орал, отдавая команды. Прочный корпус лодки был цел, но легкий распорол почти на четверть длины, вскрыв ЦГБ средней и кормовой группы. Корма лодки ушла под воду, и вода хлынула с палубы в открытый люк в дизельном отсеке – по инструкции этот люк нельзя было держать открытым, но так часто делали здесь, чтобы провентилировать машинное. И это оказалось смертельным, иначе, возможно, лодка бы спаслась.

Через минуту U-215 скрылась под водой. Ее экипаж еще отчаянно боролся за жизнь, – но это уже была агония: не зная о разрушении кормовых цистерн, они лишь тратили драгоценный воздух, пытаясь их продуть – результатом были лишь пузыри на поверхности, вместе с соляной. А рядом барахтался в воде ошалевший Херманн.

Ему удалось наконец сбросить ботинки, после чего плыть стало легче. «Господи, неужели ты решил так наказать меня! Я ведь притронулся к тем бабам по одному лишь разу, ну и еще... другие грешили больше! Вот потому они и задыхаются сейчас, заживо замурованные на дне, а я еще могу! Только бы не акулы, нет! Вода теплая, пятнадцать миль, но ведь сумел же какой-то британец в тридцать четвертом – или в каком другом? – переплыть Ла-Манш! А я – ариец, герой кригсмарине!»

Херманн огляделся. Он был один. Куда делись командир и те трое, что остались наверху? Акулых плавников, к счастью, тоже не было видно. И надо было плыть, пока они не появились.

Что будет на берегу? Вот будет юмор, если ему не поверят и будут гнать вон, как беспаспортного бродягу! А он будет доказывать в тамошней полиции, что он моряк кригсмарине и, согласно конвенции о военнопленных, должен быть обеспечен казенным содержанием – крышей, едой, одеждой. Но об этом после – сначала доплыть. А уж там найти первого же полицейского или иного представителя власти и сдать себя ему в плен. Американцы все ж цивилизованный народ. Простой и незлобивый, как деревня, и пока не имеют оснований быть так же злы на нас, как «лимонники». А там и война кончится, через год или два, когда фюрер завоюет достаточно жизненного пространства на Востоке, загнав всех этих азиатов-русских за Уральские горы и оставив разбираться с ними японского союзника: пусть те сами захватывают Сибирь, если она будет им нужна!

Тут Херманн поблагодарил судьбу, что его U-215 не включили в состав Одиннадцатой (арктической) флотилии. Это было бы воистину страшно, потому что там альтернативой смерти мог быть только русский плен. А это, по словам пропагандистов, было что-то настолько ужасное, что и представить нельзя. Сначала жидо-комиссары будут страшно пытаться, показывая свою звериную суть недочеловеков. Затем погонят в страшную ледяную Сибирь, в их концлагеря, которые у них называются гулаги, и будут морить в шахтах непосильной работой и тела умерших укладывать в вечную мерзлоту вместо шпал железной дороги или скармливать сторожевым белым медведям. Нет, Херманн был здравомыслящим человеком и знал, что нельзя полностью верить пропаганде. Но даже если малая часть того была правдой – этого хватало с избытком.

Берег не приближался – совсем. И тут что-то заставило Херманна повернуть голову, оглянуться назад.

Из моря всплыла огромная подводная лодка. Каких просто не могло быть, если верить справочникам. Удивляли непривычно сглаженные очертания и отсутствие орудий на палубе, кажется, на рубке были какие-то надписи и номер – но откуда не разобрать. Вот от лодки отвалил быстроходный катер, матросы в оранжевых спасжилетах, кто-то указывает рукой в его сторону. Точно, американцы – не было у Англии таких подлодок, а вот американцы при высоком уровне техники всегда отличались страстью к гигантизму, у них двадцать лет назад уже были подлодки под три тысячи тонн! Нет, еще у японцев есть большие подлодки, с которых даже самолеты могут взлетать. Но что делать самураям в Атлантике, и как бы они сюда прошли? Американцы – без сомнения, вот почему они нас и протаранили, не заметив. Лодку построили, а моряки из них, как из...

Зато не надо плыть пятнадцать миль, рискуя попасться акуле. Да здравствует американский плен! В соответствии с Гаагской конвенцией, надо сразу потребовать, как положено, медицинскую помощь, еду, сухую одежду! Ну вот, меня уже кто-то хватается за шкуру и тянет вверх, еще кто-то тащит за руки – и вот я в лодке. Лодка надувная, похожа на резиновую, но очень плотная, незнакомой конструкции, с подвесным мотором, таких я нигде не видел, на боку написано латинскими буквами YAMANA. Японцы все ж – но нет, эти все вполне европейского вида. Один из них что-то спрашивает – но я не слышу, вода в ушах, да и шок. Смотрю на приближающую подлодку, трясусь головой и наконец слышу РУССКУЮ речь (по-русски не говорю, но с их моряками встречался, язык их узнать могу). О боже, нет, лучше за борт – не дают, хватают, укладывают лицом вниз! Лучше бы я утонул – все равно мне не жить!

То же место два часа спустя.

Противолодочный корабль «Le Tiger», Британский Военно-морской флот

Ну какой из бывшего траулера боевой корабль? Поставили пушку времен еще той войны, пару столь же древних пулеметов, с десятком глубинных бомб. Но из-за того, что какой-то воздушный кретин якобы увидел здесь подводную лодку – ползем проверять. Это при том, что у нас скорость десять узлов, а у лодки минимум пятнадцать, и еще пушка ахт-ахт, получше нашей, да и комендоры наверняка опытнее. Одна надежда, что лодка уже ушла от греха подальше, если фрицы тоже самолет заметили!

– Сэр, слева на десять какой-то мусор плавает и, похоже, масляное пятно, – раздался голос сигнальщика.

– Наверно, кому-то не повезло, попались лодке в прицел, пока мы ползли. Хотя что-то маловато мусора для корабля. Всем смотреть внимательно, – приказал капитан, еще не привыкший называть себя командиром.

– Человек за бортом, похоже, утопленник! – выкрикнул сигнальщик.

– Вот словим рыбку в борт, сами так же плавать будем, – бросил капитан, глядя на труп. – Эй, на штурвале, давай держи поближе. Машина, самый малый вперед.

После третьей попытки тело было выловлено из воды. Это оказался немец. Да еще сам командир подводной лодки, судя по бумагам, найденным в его кармане.

– Вот так дела, и как он здесь оказался? Упал с лодки и утонул? Тогда откуда этот мусор и пятно? Кто-то уже поработал, а нас не предупредили, и мы плелись сюда, как полные идиоты? Вернемся – все штабным выскажу по этому поводу! Радист, запроси базу, кто бомбил подводную лодку в этом районе. Наверное, конвой проходил, корабли охранения отличились!

Через полчаса пришел ответ, что за последние трое суток через этот район никакие корабли не проходили. Так кто же тогда отправил гансов на дно?

– Может, у них случайно торпеда взорвалась? – предположил артиллерист. – И отправила всех на небеса, тьфу ты, в ад.

– Ну, раз нет того, кто это сделал, запишем себе! – здраво предложил капитан. – Вон доказательство на палубе лежит, сейчас еще пару обломков выловим, и награда в кармане. Кто-то против?

Никто не возражал. Зато послышался голос акустика:

– Капитан! На дне что-то происходит, слышны удары чем-то металлическим о металл, пеленг семь градусов на восток. Похоже, у них там большие проблемы.

– Вот видишь, Генри, не все еще в ад попали фрицы, упираются, жить хотят. Ну ничего, мы им поможем. Машина, полный вперед, руль вправо, приготовиться к бомбометанию.

Вот так на счету противолодочного корабля «Le Tiger» появилась записанная победа над подводной лодкой U-215.

Подводная лодка К-119 «Воронеж».

Время и место не определено

Впереди лодки, по ее курсу, в воде происходило что-то необъяснимое, хотя на экранах ГАК было все чисто. Затем в ста метрах появилась какая-то светящаяся субстанция, похожая на гигантскую медузу, в которую лодка вошла с одной стороны, но не вышла с другой, а просто исчезла или растворилась там. Наверное, так это выглядело бы со стороны. Но мы, находясь внутри лодки, не видели ничего, зато очень хорошо почувствовали. Сначала лодка затормозила, как будто кто-то попытался удержать двадцать тысяч тонн стали и сто тысяч лошадей на месте. Затем какая-то сила подхватила ее и стала выбрасывать с глубины сто восемьдесят метров на поверхность океана.

– На рулях, держать глубину, олухи царя морского! – заорал я.

Попали в слой воды, резко отличающийся плотностью. Такого размера? В Баренцевом море?

Подъем закончился у самой поверхности. В центральном уже перевели дух, думая, что все закончилось, и задавая себе вопрос, что это могло быть. И тут удар, от которого все попадали с ног. И страшный скрежет разрываемого железа над нашими головами.

Честно скажу – мне было страшно. И любому на моем месте было бы страшно. Когда ожидаешь, что на голову сейчас хлынет водопад ледяной воды – и все!

– Стоп, машина! – заорал Петрович, опомнившийся первым. – Да вы что, глазастые, куда, на х..., смотрели? Спите, что ли?

– Так чисто было на экране, тащ капитан первого ранга! – попытался оправдаться оператор ГАКа.

– Осмотреться в отсеках и доложить, – скомандовал я.

Блин, вот вляпались! Айсберг, что ли? Южная часть Баренцева моря, летом?

Через несколько секунд поступили доклады из отсеков. Повреждений и поступления воды нет. Энергоустановка в норме. Видимых повреждений не обнаружено.

– Так, Петрович, и куда это мы приплыли, кого поцеловали?

– Да черт его знает. Вообще-то рыбаков предупредили, что будут учения в этом районе. Так им это... могли и влезть на свою и нашу голову. А может, янки или их шавки кого-то послали подсмотреть, что мы тут делать будем.

Тут в центральный, даже не знаю, как сказать, вломился, вбежал, влетел, но только не вошел, наш комиссар с круглыми глазами, испуганным лицом, правой рукой держась за локоть левой, видимо, во время удара не удержался и ударился обо что-то.

– Что случилось? Кто-то нас протаранил? Повреждения есть? Что будем делать?

И это, как ни парадоксально, разрядило обстановку. По крайней мере, сделало ее менее напряженной.

– Успокойтесь, товарищ капитан второго ранга, сейчас все выясним, – ответил я.

– Глубина? – это уже вахтенному.

– Перископная, тащ капитан первого ранга!

– Акустики, прослушать пространство вокруг лодки, включить видеонаблюдение и доложить.

– Есть объект, лево двадцать, погружается, слышны шумы вырывающегося воздуха.

– На сонаре?

– Объект, дальность три кабельтова, пеленг двадцать! Товарищ командир, похоже, он тонет, и больше вокруг ничего не наблюдаю, все чисто.

– До этого тоже ничего не наблюдал. Всплываем, аварийная команда наверх.

Так это мы кого-то протаранили, как это могло случиться, мы же шли на глубине? Отчего же мы так быстро всплыли? Лодка, похоже, нормально управляется, слушается рулей.

– Сейчас всплывем, все выясним и доложим в штаб о происшествии. А что у вас с рукой?

– Да ударился о переборочный люк и, похоже, не слишком удачно.

– Тогда пройдите в медблок, пусть наш медик посмотрит, что с вами.

На ограждении рубки заметная вмятина, половины стекол на ходовой нет – и это при том, что рубкой вообще-то можно пробивать лед! Однако корпус не пострадал совершенно. Ну, если ущерб ограничился лишь этим, нам крупно повезло! Хотя все одно хреново. Только из ремонта – и вот снова вставить!

– И кого это там угораздило подставиться под нас?

Вдали, у самого горизонта, на западе проглядывала полоска суши, которой там в принципе не должно быть! Прочий горизонт был весь чист. А вот кабельтовых в двух-трех на поверхности расплывалось масляное пятно и плавали какие-то обломки. Сейнер утопили, что ли?

– Что за черт, здесь слишком тепло для Арктики, – заметил наш второй штурман Дима Мамаев по кличке Мамай. – Градусов тридцать, как в Сочи! И солнце высоко, в наших широтах так не бывает! Это не север, так куда же мы попали?

– Определиться, где мы находимся, – сказал я, обращаясь к Сан Санычу.

Если ты не знаешь, что делать – действуй по уставу.

– Человек за бортом, – раздался голос сигнальщика.

Все взглянули в сторону обломков, в волнах прыгала голова.

– Бот на воду! – скомандовал Петрович. – Достать!

– Товарищ командир! – это снова Дима Мамаев. – Спутниковая система не работает, спутники не отвечают, как будто их там нет.

– Может, после столкновения антенны повреждены?

– Никак нет, все в порядке, проверил, исправны. Просто спутники исчезли, будто их и не было!

– А другие спутники как?

– Да никак, их просто нет.

– Как нет? И куда же они делись?

– Да не знаю я, куда они все подевались, ничьих нет! Ни Глонасс, ни «Джипиэс», ни гражданских связных!

– А у нас? Остальные системы работают?

– Да, остальные все в рабочем состоянии.

– Задействовать все и определиться, где мы находимся!

Через несколько минут наверх поднялся Сан Саныч с озадаченным лицом, осмотрел море вокруг лодки, затем на солнце зачем-то глянул.

– Командир, я, конечно, извиняюсь, но мы заплыли черт знает куда. Глубины и рельеф дна не совпадают с Баренцевым морем – есть некая схожесть с Атлантикой у американского побережья, точно сказать не могу.

Еще одна сцена из «Ревизора». С минуты была тишина, прервавшаяся матом.

– Ты это серьезно?

– Обижаешь, командир.

– И как это нас сюда занесло? Что будем докладывать на базу? – спросил Петрович.

Мне больше всего сейчас хотелось ляпнуть что-то типа: «Да, как мы сюда попали, только что были в Баренцевом море, а теперь за тысячи миль? да этого не может быть, да что тут за бя... происходит, кто-то может нам хоть это объяснить?» Но я сдержался – потому как командир по должности обязан знать всё. Ну, а если нет, так ни в коем случае не показывать подчиненным. Потому я авторитетно изрек, указав на возвращающийся бот:

– А вот мы у того спросим. Он местный? Значит, должен что-то знать! Вот тогда и решим, что наверх докладывать!

Спасатели подняли на борт какого-то бородатого типа в некогда белой рубашке и вроде бы форменных брюках, босого. Он был в шоке – его трясло так, что был слышен стук зубов, и он тараторил на нас с жутким испугом и что-то причитал себе под нос.

– Узнали, кто он?

– Нет, все время молчал. Никаких документов при нем не было – вообще ничего в карманах.

– Этого – вниз в медблок, обтереть, обогреть, переодеть, – команду я. – А нам – срочно убираться отсюда, пока не прихватили. Все вниз, погружение!

Погрузились неглубоко, под перископ. Но вели сканирование – и эфира, и окружающего пространства, так что могли быстро нырнуть на глубину. Убедившись, что срочных дел больше нет, вернее, самое срочное – это установить, как мы сюда попали, решили вместе с Петровичем навестить нашего «гостя» в медицинском отсеке. Войдя, я сначала увидел нашего комиссара с загипсованной рукой, который что-то доказывал нашему бортовому медицинскому светилу Святославу по кличке Князь, а уж потом нашего спасенного, сжавшегося на койке в углу.

– Док, что с Григоричем?

– Перелом лучевой кости, не менее месяца ходит в гипсе. Вот я ему предлагаю, пока далеко не ушли, вызывать вертолет, чтобы переправить его на берег и подождать замену. А он ни в какую, говорит, что тут останется до конца похода. Это его последний поход – и в отставку. Если мы его сейчас снимем, то все, говорит, пойдет прахом. А возвращаться – плохая примета, удача отвернется.

– От нас и так удача отвернулась с этим инцидентом, или как его назвать помягче, не прибегая к другим словам. Ну, а как он, с ним все в порядке? – указал я на второго пациента.

– Да в принципе все в порядке, наглотался воды, шок, несколько царапин да ссадин и большой синяк на спине, переломов нет. Но, похоже, ударился головой обо что-то. Хотя на голове ни ссадин, ни шишки нет, – сделал заключение наш эскулап.

– Это еще почему? – спросил Петрович. – Четверть часа в воде маловато, чтоб рехнуться. Чай, не десять суток на плоту один.

– Так мне пришлось его обследовать с помощью двух матросов – не давался. Думал, что с ним что-то очень плохое хотят сделать – кастрировать, например. Сейчас вроде успокоился, но все равно, вы только посмотрите! И похоже, что это немец, я не знаю, но язык лающий такой, не спутаешь ни с каким. Надо нашего снабженца спросить – он знает немецкий.

Надо спросить – спросим.

– Старший мичман Сидорчук, срочно зайти в медблок, – разнеслось по «Лиственнице»³.

– Мы что, какое-то корыто или шхуну с немцами утопили? – пошутил Князь. – Ну, так им и надо, пусть не подглядывают, когда российский флот напрягает мышцы. А то каждый норовит в наш огород залезть. А откуда они здесь взялись? Вот будет шуму на всю округу, и начнут у нас выкручивать яйца, мало не покажется.

– Князь, помолчи, и без тебя тошно, а ты со своими приколами лезешь.

Тут входит Сидорчук. Начинает доклад, но тут же замолкает, смотрит на нас, ничего понять не может. Наш ут пленник так вообще в угол забился, с таким ужасом на лице, будто попал в племя людоедов, которые сейчас будут его живым на вертеле жарить.

– Доктор, дай чего-то такого, чтоб успокоиться и прийти в себя, от таких известий в голове ролики за шарики заскакивают и серое вещество вскипает. Нечасто такое в природе встречается, чтобы лодка за мгновение переместилась за тысячи миль. И природу этого феномена никто не может объяснить.

– Как за тысячи? Какие тысячи! А мы что, разве не в Баренцевом море?

– Нет, Князь! Похоже, что мы где-то в Атлантике, у берегов Америки.

– Ну ни х... себе, и как мы сюда попали?

– Если бы мы знали, как это все произошло. Доктор! Ну ты даешь или нет что-то для снятия стресса?

Минутная задержка, пока наш доктор переваривал только что полученное известие. Затем он сказал, глядя куда-то в стенку и как будто к чему-то прислушиваясь:

– Самое лучшее лекарство от всех стрессов – это стопка спирта, командир. А может быть, и две.

– Ты опять со своими шутками.

– Нет, я не шучу, какие тут могут быть шутки после таких известий. А как же наш клиент, он тогда откуда?

– Блин, дошло наконец! А вот именно это мы хотим у него узнать!

– Товарищ капитан первого ранга, вы только что сказали про Америку.

– Да, Валентин Григорьевич, по каким-то неведомым нам природным или дьявольским причинам, не знаю, как это еще назвать, но мы оказались в Атлантике. Короче! Богдан Михайлыч, расспроси его, с какого он судна, что здесь делали, сколько их было, куда шли, ну и все такое.

– Эй, Сидорчук, когда немца допрашивать будешь, только до смерти не забей! – это опять наш доктор.

Ну не может Князь без шуток! Хотя, глядя на нашего снабженца, любой бы поостерегся с ним связываться: рост под два метра, кулаки как пудовые гири, косая сажень в плечах, в рубочный люк с малым зазором проходит. Недаром он наш снабженец, всегда выбивает все и сверх того, что положено, а как он там это проворачивает, не наше дело.

– Гитлер капут, Гитлер капут! – залепетал наш немец. – Меня не надо убивать, их бин простой моряк, я есть призвать с торгового судно. Я есть бывать ваш страна до война!

Оглядываюсь. Князь, твою мать! Разложил на столике свои инструменты самого жуткого вида, для непосвященного очень похоже на пыточные, и перебирает, задумчиво поглядывая на «клиента».

---

³ Внутриллодная система связи.

– Прекрати, – говорю, – а то его сейчас кондратий хватит!

Немец наконец стал что-то говорить мичману, глядя на него, как кролик на удава. Оказывается, мы утопили подводную лодку Германии. И откуда она здесь взялась?

– Ну все. Приплыли. Пи... ц котенку, срать не будет, – изрек Петрович. – Теперь точно с дерьмом смешают. Весь цивилизованный мир будет вопить, что русские пиратством занимаются, и с Германией теперь отношения могут испортиться.

– Так, может, этого фрица отправим к Нептуну, а сами рванем до дому? – произнес доктор. – Нет человека – нет проблем.

– А что, всего-то полдня как вышли из базы. Да за это время мы сюда не только дойти, даже долететь не могли, рванем домой, и пускай доказывают, что это мы здесь были, – высказался Петрович.

– Да что вы такое говорите, это же подсудное дело, мы все можем под трибунал попасть! – негодовал наш комиссар. – Как можно, взять, поначалу спасти, а потом взять, и снова утопить человека!

Я понял, что мои офицеры решили немного разыграть нашего комиссара, поэтому отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки на лице и еще больше не разошелся.

– Так! Все, пошутили – и хорош. Что будем делать? Положение хреновое, думайте, как выпутываться из этой ситуации. Давай, мичман, расспроси его поподробнее обо всем, какого черта они здесь делали и что за лодка была у них? Мы даже до самого столкновения ее не обнаружили. Это что, новый тип покрытия, который никакой сонар не берет? Может, здесь какие-то их маневры с америкосами проходили? А теперь из-за них нам надо делать ноги, пока весь их флот не сел нам на хвост, а то будет второй Карибский кризис за потопление немецкой подлодки в территориальных водах америкосов!

Подробный ответ немца ввел нас в ступор. Что это за х... ю он там несет, какой, на х..., Гитлер и что за бл...во тут происходит? Сейчас лето 1942 года, идет второй год войны. После того как немцы в декабре получили по мордам под Москвой, они повели наступление на юге и теперь рвутся к Волге в районе Сталинграда, захватили Крым, окружили Ленинград. Ну в точности как в нашей реальности. Сам он штурман на подводной лодке – минном заградителе U-215, которая вышла в первый поход, для нее и последний, более месяца назад к берегам Америки. Видно, лодка случайно нами была протаранена, после чего и затонула.

Вот этого уж точно никто из нас не ожидал! Прямо как в книжке, которую Саньч недавно давал всем читать, даже рекомендовал очень – Колюшевский, «Попытка возврата», так там герой один в прошлое провалился, а мы – целой подлодкой! Хотя, может, у немца и впрямь крыша съехала, после того как мы его яхту, или что там еще, утопили, и он себя сейчас героем кригсмарине вообразил? А мы из-за одного психа...

– Тащ командир! Михаил Петрович! – В дверь медблока осторожно заглядывал Леня Ухов, наш командир БЧ-4 (связи).

– Ну что там у тебя? Давай!

Приплыли. Наши маркони наконец поймали местное радио, на КВ. Благо английский понимали все. Основные новости – о героической борьбе англичан в Северной Африке, вскользь упомянули о тяжелом положении русских на фронте. И в завершение, аккордом, на пределе слышимости:

– «От Советского Информбюро, 3 июля 1942 года. Наша авиация, действующая на Курском направлении, уничтожила несколько десятков немецких танков, до 200 автомашин, 15 зенитных орудий и взорвала склад с боеприпасами противника. В воздушных боях советские летчики сбили 20 немецких самолетов и 5 самолетов уничтожили на аэродромах»⁴.

---

⁴ Сообщения Совинформбюро в этой книге подлинные.

Нет, я могу еще поверить, что некие шутники устроили суперрозыгрыш и организовали на нескольких радиостанциях подобные передачи. Но вот что они сумели как-то убрать из эфира то огромное количество текущих современных передач, телевидение, Интернет или заглушить их так, что наши приемники не уловят ничего – в это я не верю! И какой смысл?!

С одним приятелем моим мурманским было, реальная история. Он сильно фантастикой увлекался – так жена ему на день рождения решила сюрприз устроить, благо деньги позволяли. Картина маслом: едет человек в лифте, к себе домой, после трудового дня – вдруг кабина на секунду останавливается, гаснет свет – затем все в порядке, едет дальше. Но ключ не подходит к замку квартиры! Человек звонит, открывает абсолютно незнакомая женщина.

– Вы кто?

– Я хозяин.

– А мы тут живем уже давно. Вадик!

Тут выходит громила два метра ростом, желание лезть в драку сразу пропадает. Громила, однако, настроен миролюбиво, предлагает зайти, разобраться. В квартире все по-другому – причем мебель и аппаратура явно авангардистского вида, а на стене календарь 2020 года! На столике лежат газеты и журнал, датированные им же, работает телевизор, по которому передают новости – абсолютно незнакомые и непонятные! Да как же так!

– А скажите, вы знали... – тут он называет фамилию-имя-отчество своей жены.

– Конечно, знали, она нам эту квартиру и продала двенадцать лет назад, после того как ее муж пропал без вести.

– Как пропал?

– А никто не знает!

– И где она?

– Вышла замуж, уехала, кажется, во Францию.

И когда приятель уже совсем съехал крышей, распаивается дверь, входит «уехавшая» жена, родня, гости – с днем рождения! Нанятые артисты раскланиваются. А мебель и новая плазма – «так я ведь давно о таких мечтала, ты не возражаешь, милый?»

Честно скажу: я бы за такое жену прибил. Поскольку нервные клетки не восстанавливаются. А несколько лет жизни куда дороже, чем какая-то мебель!

Но там, блин, реквизит: мебель, бумажки, видео и пара актеров. А здесь – кто-то телепортацию втайне изобрел? Бред собачий!

Однако один момент для нас чрезвычайно важен. И может заодно и искренность нашего «гостя» показать.

– Богдан Михалыч! Что он там сказал насчет штурмана?

– Командир, так он и есть штурман той подлодки.

– Ну, тогда он должен знать, куда нас забросило.

Вызываю Сан Саныча. Ждем. Наш немец немного успокоился и уже осмысленно оглядывает помещение. С неподдельным любопытством смотрит на приборы и предметы в медблоке, что дополнительно меня убедило: ну надо быть очень хорошим актером, чтобы так сыграть. Пришел наш штурман, и немец опять весь подобрался, ожидая, что последует дальше.

– Сан Саныч, вот он, штурман с подлодки, поговори с ним.

– Откуда?!

– С подводной лодки U-215, фашистской Германии.

Делаю жест рукой, чтоб остановить встречный вопрос, готовый сорваться с уст Сан Саныча. Тот молчит, обводит всех взглядом, думая, что его разводят, и кто-то смехом сейчас это выдаст. Но все были предельно серьезны. А наш комиссар уже находился в прострации под действием лекарства, которое успел ему вколоть Князь.

– Что, как рыба на суше, рот раскрываешь, но нечего не слышно? Вот и мы в таком же положении были, когда все это услышали.

– Командир, какая, на хрен, Германия, да еще фашистская, когда на дворе две тысячи двенадцатый год? Они что, где-то до сих пор все скрывались? Я слышал, как будто у них база где-то в Антарктиде подо льдом была. Они что, оттуда приплыли?

– Нет, Сан Саныч, это мы сюда.

– Как сюда, куда сюда, я что-то не пойму?

– А вот так. Как в книжке твоей – только всерьез. Сегодня третье июля тысяча девятьсот сорок второго года.

– Ну не ху... себе девки пляшут.

– Вот-вот, и у нас такое мнение. Давай, Сан Саныч, порасспроси это немца, нам надо знать, где именно мы вынырнули.

Штурман, начал расспрашивать немца, а мичман переводить. Узнали наконец последнее место и время, когда он определялся, а также примерное место столкновения.

– Командир, теперь мы знаем примерную точку нашего нахождения с погрешностью в полмили. В пятнадцати милях восточнее Бостона, в заливе Массачусетс. Я предлагаю осторожно спуститься южнее на шесть миль, там есть очень приметный мыс с маяком, и вот тогда у нас будут точные координаты.

– Давай спустимся, посмотрим, где мы очутились. А то я до сих пор не верю, что такое может быть.

Я до последнего надеялся, что это ошибка. Нет, мы находились на расстоянии видимости с тем самым мысом. Да, это Атлантика, и вот оно побережье США. В какой-то паре миль от нас прошел, коптя небо угольным дымом, старинный пароход. Это для нас старинный, а для этого времени, может, и нет. Я наблюдал в перископ и все не мог поверить, что все это правда. Но надо было – верить, решать, жить и делать свое дело. В чем это дело теперь заключается? А вот сейчас и решим!

Это верно, что командир, а особенно в автономке – царь и бог. Его слово, его воля – закон для подчиненных. Но и отвечает он в случае чего тоже один за всех.

Вот только перед кем и за что сейчас отвечать?

– Товарищи офицеры!

Все смотрели на меня. Петрович, Сан Саныч, командиры всех БЧ, Князь, Сидорчук, а также Большаков – все, кто знал. Прочие, конечно, активно обсуждают происходящее – после такого-то, да и верхняя вахта, видевшая и теплое солнце, и берег вдали, и «спасение утопающего», не станет молчать. Но вот точной информацией о том, что именно случилось, не владел никто, кроме присутствующих здесь.

Еще, конечно, немец, сейчас запертый в изоляторе, у двери которого был поставлен кто-то из ребят Большакова с категорическим приказом: никого не пущать! И дежурный радист, который сейчас ловил на перископную антенну все, что удавалось выловить из эфира, также со строжайшим приказом – ничему не удивляться, молчать как рыба и доложить после лично мне или старпому.

– Примем как данность: сегодня третье июля тысяча девятьсот сорок второго года. У кого-нибудь есть соображения по поводу, как мы сюда провалились и можем ли вернуться обратно?

Если не знаешь, что делать – действуй по уставу и инструкции. Если нет инструкции – делай, как учили. Хуже нет, чем метаться без плана, попав в переплет – огребешь гарантированно, по полной, причем со всех сторон. А потому надо выработать план, которому неукоснительно следовать.

– А что тут может быть? – подал наконец голос Петрович. – Да что угодно! Умники на коллайдере могли чего-то запустить – а мы побочный результат. Или умники из какого-нибудь тридцатого века на своем коллайдере, который там у них, доигрались! Или вообще какая-то природная аномалия. Гадать можно до бесконечности.

– Что-то на массу завязанное, – добавил Сан Саныч, – отчего мы в немцев так «удачно» въехали.

Все молчали, но видно было, что они полностью согласны.

– Тогда принимаю решение, – говорю я. – Надеяться, что нас выкинет обратно, нет смысла. Во-первых, ждать можно до ишачьей пасхи, а во-вторых, где гарантия, что повторно нас не бросит куда-то в палеозой? Мы остаемся здесь. В смысле, в этом времени.

Смотрю на Сидорчука. Принять у него доклад – а впрочем, зачем? Я не хуже него знаю, что у нас принято на борту. А так как наш поход лишь начался, – то почти все должно и остаться. На четыре месяца, штатно – а если растянуть, так и на полгода хватит.

У нас полный боекомплект. Включая шесть ядерных боеголовок в «Гранитах». И две такие же торпеды.

– Надеюсь, у нас не будет разных мнений, к какой стороне присоединиться?

– Обижаешь, командир, – говорит Сан Саныч. – А что, у нас есть выбор? К фашистам, что ли, или к тем, кто через десять лет план «Дропшот» разработает, чтобы атомные бомбы на Москву кидать? Даже хотели бы в какую-нибудь Аргентину или на экзотические острова – так ведь и там достанут! Отечество, какое-никакое, но одно. Не нам его менять!

– Вот только как бы не в ГУЛАГ, – буркнул под нос Три Эс, командир БЧ-2, капитан третьего ранга Скворцов Сергей Степанович.

– А кто у нас Сталина больше всех ругал? – вскинулся Саныч. – Новодворская и прочие «правозащитники». Ты их словам веришь, или напомнить, что это за публика? Что они там про Россию и русских говорили? Ну а если это все вранье, так значит...

– И впрямь, командир, – поддержал Петрович, – это ж было, «принял разоренную страну с сохой, оставил сверхдержаву с ядерен батоном». Одним самодурством такого не сделаешь. Крут был мужик, к врагам беспощаден, но все ж человек серьезный, вполне адекватный и вменяемый. С таким можно дело иметь. Ну, если только не под горячую руку.

– Присоединяюсь, – сказал Большаков. – Саныч, ты вот мне книжку дал, «Красный монарх». Я Бушкова уважаю, про Пиранью он здорово написал! Если хоть половина того, что он про Сталина написал, правда... то он и Лаврентий Палыч – и впрямь вожди, нашим дерьмократам, строителям капитализма, не чета! Вдруг и в самом деле историю переиграем? Что бы стоило социализму еще двадцать лет продержаться, до кризиса, когда вся их система в штопор ушла! Хотя там они нас в девяностые здорово ограбили – а так свалились бы раньше...

– Погоди, а как же будущее? – спросил Бурый, капитан третьего ранга Буров Сергей Константинович, командир БЧ-3. – Или ты считаешь, что это параллельный мир?

– А какая разница? – повернулся к нему Большаков. – Наш это мир, если мы сейчас здесь! А параллельный он или перпендикулярный – мне это по барабану! Посмотрю, как он под нас гнётся будет.

Я подвожу итог:

– Со вторым вопросом решили. Теперь конкретика: куда и как?

– Ну, тут выбора нет! – отвечает Петрович. – Черноморские проливы для нас закрыты, Балтика тоже – тяжело с нашим размером по мелководью. И мин там – суп с клецками.

– И гогландский противолодочный рубеж, – добавляет Сан Саныч, – не пройдем! Так что остается Север.

– Ну, еще во Владивосток можно, – задумчиво произносит Бурый. – Вокруг мыса Горн и наискосок. Они там на Гуандаканале рубятся – хрен нас перехватят! А если по дороге встретим «Саратогу» или «Энтерпрайз», как раз для нас цели!

– Погоди, не понял? – едва не вскакивает Петрович. – Ты что, хочешь за японцев сыграть?

– А что, за штатовцев? – огрызнулся Бурый. – Они ж такие союзники, что с ними и врагов никаких не надо. Пусть застрянут на Тихом еще годика на два. Чтоб после Япония была как

Финляндия – и никакой корейской войны! Тихо утопим – и уйдем. Спишут все на японцев – доказывай, что мы вообще там были!

– Ты во Владике был? – спрашиваю я. – А мне вот приходилось. Если придется, зайди на Светлановский бульвар. Там памятник стоит нашим морякам торгфлота, погибшим в Отечественную. На постаменте доски – много. На каждой, рисунок корабля и список экипажа, кого самураи утопили без войны. Последний, «Трансбалт» – в июне сорок пятого⁵. Ладно, это эмоции, но вот по жизни там наши отлично справились сами. Без чьей-то помощи. И это будет через три года. А немцы наших бьют сейчас!

– Да я-то что, командир? – виновато отвечает Бурый. – Я про то лишь, что целей для нас на севере нет! «Тирпиц» вроде «Луниным» уже битый. А кто там еще был?

– А вот это у Сан Саныча спросим.

У нашего штурмана конек – военная история и история Отечественной в частности. Из-за чего он в свое время переживал нешуточные баталии с женой, очень недовольной, что часть Санычевой зарплаты уходит на «эту макулатуру», которую она не раз грозилась выбросить вон. В конце концов, Саныч решил эту проблему радикально, перетащив три больших ящика книг на борт. А заодно и личный ноут, хранящий кучу скачанного по теме из Инета, после того, как любимая доча, ставя на домашний комп «Висту» вместо старой XP, нечаянно отформатировала весь «винт», а не один диск С. А значит, быть Сан Санычу главным нашим советником.

– Саныч, твоя главная сейчас задача: прошерсти всю свою информацию, но найди. Обстановка на северном театре на данный период, крупные военные корабли Германии, где, будут ли совершать переходы.

– «Шарнгорста» там нет пока, – сразу отвечает Сан Саныч. – Перейдет только в январе сорок третьего. А вот «Лютцов», «Шеер» и «Хиппер» – в Нарвике. «Шеер» выйдет в конце июля в Карское море. А «Лютцов», якобы повредивший винты при выходе на PQ-17, вроде должен начать переход в Киль для ремонта. Но, может, я ошибаюсь.

– Вот и узнай! Помню, ты мне показывал подборку информации с историей службы всех кораблей кригсмарине. Выбери и распиши мне, кто, когда и куда пойдет! Так же – про весь северный театр. Военно-морские базы, аэродромы, минные заграждения, береговые батареи – все как полагается, ну, не мне тебя учить, товарищ капитан третьего ранга. Исполниай. К тому времени, когда мы подойдем туда, я должен знать всё!

– Расход боеприпаса, – недовольно говорит Петрович. – Может, все ж предкам? Они решат, если что.

– Бурый, Три Эс, сколько ваши «изделия» без нормального ТО проживут? Чтоб не рванули при пуске. Так, теперь вопрос второй: кто-нибудь считает, что нам это сумеют обеспечить на берегу здесь? Не говоря уже о воспроизводстве. Конструкция – это ладно, а материалы, технология?

– Когда в сорок четвертом на Балтике У-250 подняли, это ведь очень хорошо было, – замечает Бурый. – Кроме акустических самонаводящихся там на торпедах, даже обычных, были всякие полезные штучки. Приборы маневрирования, например.

– Потому я решил. Оставим по одному образцу предкам для ознакомления. Остальные – по немцам. Кроме спецбоеприпасов, конечно.

– А почему, собственно?

– Три Эс, если мы встретим авианосец «Мидуэй» под германским флагом, я сам прикажу тебе бить ядерн батонном. Иначе в кого ты собираешься стрелять? По берегу – вони будет, – я не про радиоактивную, а международную говорю. Вот это пусть решает САМ. Когда ему доложат, что за оружие он получил за семь лет до...

⁵ Тут Лазарев ошибается или нагнетает – доказано, что «Трансбалт» утопила американская ПЛ.

– «Тирпиц» еще может вылезти. Если мы здесь, значит, что-то может пойти не так. И «Тирпиц» выйдет раньше. И, конечно, не один, с эскортом. У нас торпед не хватит. А вот один ядерный «Гранит» накроет всех. Вдали от берега – никто не узнает.

– Хм, а ведь ты прав. Считаю «Тирпиц» единственной целью, по которой не жалко и спецбоеприпас. Есть возражения?

– Может, вообще сомнительную честь первого применения ядерного оружия оставить американцам? – спрашивает Пиночет, кап-три Ефимов Сергей Степанович из особого отдела, прикомандированный к нам на этот поход.

– Если до того дойдет, – буркнул Три Эс. – Теперь еще неизвестно, у кого первым появится свой ядерен батон! И на кого он свалится.

– Вы что, хотите войну в ядерную превратить? – едва не вскочил Пиночет. – Башкой думайте! Мы – «Тирпица», американцы в ответ всячески форсируют «Манхэттен» – и ядерное оружие готово к сорок четвертому, что тогда?

– Некуда было им форсировать, – возразил Сан Саныч. – «Манхэттен» у них и так шел на пределе. Как бы они пупок ни надрывали, больше единичных экземпляров сделать никак не могли. На наш уровень, восемь наличных боеголовок, они выйдут к году сорок седьмому.

– Так вы их Сталину хотите отдать? А если он решится применить? На Берлин сбросить. Решение о применении ядерного оружия исключительно в компетенции высшей власти должно быть, а не в нашей!

– И где сейчас эта высшая власть? – спрашиваю. – Не подскажите, Сергей Степанович, как с ней на связь выйти, может, вы по своим каналам сумеете? Еще возражения есть?

Возражений не было. Я встал.

– Петрович, объявляй общий сбор. В столовой, как обычно. Надо и команде что-то сказать.

От Советского Информбюро, 6 июля 1942 года

На Курском направлении идут кровопролитные бои, в ходе которых противник несет огромные потери. В последних боях на одном из участков танкисты уничтожили полк немецкой пехоты и артиллерийский дивизион про тивника. На другом участке наша танковая часть уничтожила до 600 немецких солдат и офицеров, сожгла несколько танков и уничтожила 16 станковых пулеметов, 11 орудий и 17 автомашин. Активно действуют наши легчики. За сутки они уничтожили несколько десятков немецких танков, свыше 70 автомашин с пехотой, 6 орудий и сбили в воздушных боях 14 немецких самолетов.

Третьи сутки меряем мили винтами.

Атлантический океан – как пустыня. В эту войну, в отличие от Первой мировой, союзники сразу ввели систему конвоев. А шансы посреди океана встретить одинокого нейтрала, английский крейсер, немецкий рейдер или блокадопрорыватель из Японии – исчезающе малы.

Мы тоже не в претензии. До чего же хорошо, когда против тебя нет ни лодок-охотников класса «Лос-Анджелес» или «Вирджиния», ни постоянно висящей над головой противолодочной авиации с радиогидроакустическими буями, ни проклятья наших подводников – системы СОСУС, стационарной акустической, которой янки перегородят всю Атлантику через какие-то тридцать лет. Надводные корабли, эсминцы или фрегаты, – их сонары мы услышим задолго до того, как они сумеют обнаружить нас. И легко уклонимся – океан бесконечен. Впрочем, даже если нас каким-то чудом обнаружат – самонаводящихся по глубине торпед еще нет, а преследовать эсминцы не смогут, скорости-то хватит, но больше, чем на двадцати узлах, даже БПК конца века уже не слышали ничего, кроме собственных винтов. И опускаемых глубоководных буксируемых ГАС тоже нет, а вот «слой скачка», под которым обнаружить лодку реально лишь с помощью оных – встречается. Так что идем на север, к Европе. К фронту. На фронт.

Вчера показывали экипажу фильм «Они сражались за Родину» – тот самый, с Шукшиным. Петрович после толкнул речь: вот, мол, что сейчас происходит там, в степях за Доном. Так что боевой дух личного состава после всего случившегося можно назвать «высоким». Конечно, кто-то жалел об оставшихся дома родных. Но были и не сожалеющие.

– Детдомовский я, тащ капитан второго ранга! Никто меня там не ждет. Может, повезет – после во Фрунзенку поступлю или в Дзержинку. Офицером стану, как вы.

– Отец умер, мать алкоголичка. С приходом Ельцина пить и начали. Может, теперь не будет никакой «перестройки». Помню, как батя, веселый, непьющий еще совсем, меня мальцом на рыбалку брал.

– А Сталин – что Сталин? Он-то уж точно Родиной торговать не будет и другим не даст. Если б еще Ельцина с Горбачевым и этого, Солженицына, в ГУЛаге сгноить, совсем было бы хорошо!

После этого Петрович явился ко мне повеселевший.

– Воевать можно, командир. Признаться, я худшего ожидал. Вплоть до открытого неповиновения.

Так что идем крейсерским ходом, курсом норд-ост, сорок пять, на ста метрах.

– Командир, множественные шумы винтов, пеленг триста пятьдесят!

– Боевая тревога!

Хорошо если конвой, а если корабельная поисковоударная группа? Хотя, помнится мне, такие группы из авианосца-эскортника с десятком «авенджеров» и трех-четырех эсминцев союзники начали массово применять только в сорок третьем. Массово. А если нам повезло наткнуться на одну из первых? Время еще есть, уклониться успеем.

Наконец стало ясно, что конвой, так как акустика выделила больше трех десятков надводных целей. Корабельные группы такими не бывают. Разве что штатовцы решили перебраться в Англию пару линкоров и авианосец со всем подобающим эскортом. Но нет – винты явно гражданских судов.

– Вправо, курс восемьдесят пять!

Идем параллельно конвою. Нас не обнаружить – слишком далеко. Хотя слышим работу как минимум одного гидролокатора. Сан Саныч по пеленгу определяет цели. Примерная дистанция, курс, скорость – картина ложится на планшет.

– Акустик, «портреты» пищешь? – спрашиваю я.

– Так точно, тащ капитан первого ранга! Только определить бы подробнее, что есть что!

У каждого типа корабля или судна есть свой уникальный акустический «портрет», позволяющий опознать под водой, с кем имеем дело. Но если по кораблям начала двадцать первого века у нас было полное собрание – и наших, и штатовских, и прочих стран (а вы думаете, зачем наши за ними слежение ведут в мирное время? и за этим тоже!), то вот сейчас возник громадный пробел.

Решаемся всплыть под перископ, надеясь на его противорадарное покрытие. Впрочем, в сорок втором радары на каждом корабле союзников – это из области фантастики.

Я ожидаю увидеть силу, вспоминая плакат времен училища – тридцать судов шестью кильватерными колоннами идут параллельно друг другу, такой вот огромной «коробочкой». При них должны быть: эскортный авианосец или на худой конец МАС-шип, торговое судно, оборудованное полетной палубой, ангаром и катапультной для трех-пяти самолетов; не менее десятка кораблей эскорта – эсминцев, фрегатов; и поодаль – соединение поддержки, не связанное общим строем, крейсер и три-четыре эсминца, а то и линкор вместо крейсера.

Видю: впереди коробочки, зарываясь в волны, отчаянно дымят четырьмя трубами два кораблика, очень похожих на наши древние эсминцы-«Новики» времен еще Первой мировой. По флангам, чуть впереди, один слева, другой справа, идут два... траулера? Очень похожи, но в силуэте есть черты и военного корабля, такая «заостренность», не говоря уже о пушке на

полубаке – явно не «сорокапукалка», не меньше чем сотка или даже пятидюймовка, как на эсминце. И наконец, замыкает строй пара уже явных траулеров, но тоже со стволами малого калибра.

И никого больше нет – в радиусе полусотни миль. Уж крейсер бы акустики услышали!

– Саныч, глянь, – уступаю место штурману.

– Акустик, пиши! – Штурман собран и деловит. – Цель номер два и три – эсминцы типа «Таун». Они же «гладкопалубники», постройки шестнадцатого года – из той полусотни, что штатовцы уступили англам за базы в их полушарии. Цель один и четыре – корветы, тип «Флауэр». Спасители Британии в битве за Атлантику, построено аж двести штук – несут одну «сотку» и пару «хенджегогов». Не РБУ-6000, конечно, но близко к ним подлодке лучше не подходить. Купцов три десятка, тоннажем от трех до десяти тысяч. Цели тридцать четыре и тридцать пять – вооруженные траулеры... нет, похоже, один – большой морской буксир-спасатель. У меня все – можно нырять.

Уходим на глубину. Курс и скорость прежние – параллельно конвою.

– Все это позже будет! – отвечает Саныч на мой вопрос. – Ну, а пока... Самый первый британский эскортник-авианосец «Одесити, в строй вошел в июне сорок первого, потоплен в декабре. После него в первой половине сорок второго у бриттов прибавилось лишь четыре, тип «Арчер», от штатовцев. Притом, что сами юсы имели – имеют на сегодня! – лишь один типа «Лонг-Айленд», постройки сорок первого, и пятый «Арчер», что оставили себе от британского заказа. К сорок третьему развернутся – и будут те же эскортники сотнями штамповать. Некто Кайзер, владелец верфи в Ванкувере, брался сто штук построить за год, с нуля, но заказ получил на полсотни и лепил тип «Касабланка», одиннадцать тысяч тонн, двадцать семь самолетов – за сто двенадцать дней от закладки до принятия флотом. Про прочую мелочь вассе молчу, эсминцы, фрегаты, корветы – по-нашему МПК, малые противолодочные – сотнями и тысячами! Одних лишь эсминцев типа «Флетчер» сто семьдесят пять штук за три года, за ними «Самнеры», «Гиринги» – но это все будет. Перелом в битве за Атлантику наступит в апреле-мае сорок третьего. Сейчас положение только начинает меняться – и уже не все коту масленица, – но вот кораблей союзникам отчаянно не хватает, и тактика еще не отработана. Можно сказать, что в Атлантике сейчас неустойчивое равновесие, даже, пожалуй, еще чуть-чуть в пользу немцев. Англичане очень удачно решили с этими «цветами»⁶ – корпус и паровые машины гражданского судна очень дешевы в постройке и просты для вчерашних рыбаков, но достаточно серьезный враг для тех подлодок. Имеют по сути такую же противолодочную «огневую мощь», что и настоящие эсминцы, не говоря уже об этих, бывших американских переделках. У тех, пожалуй, один лишь плюс – гидроакустика: англы сразу их перестраивали, только получив. Снимали половину или все торпедные аппараты, заменяли одно из «родных» орудий еще Первой мировой на современную «универсалку» и ставили сонар. Вообще-то типовой охраной атлантического конвоя, утвержденной в марте сорок второго, были два эсминца и четыре корвета – но после беспредела, учиненного немецкими подводниками в американских водах, союзникам потребовалось там много кораблей – и вот, видим: эсминцы старые, а вместо двух корветов бог знает что!

– А северные конвои? – спрашиваю я с недоверием. – Семнадцатый, он ведь два линкора имел в эскадре поддержки – а раз линкоры, то эсминцев сколько?

– Семнадцатый и был по тому времени уникальным, – отвечает Саныч. – Потому и обидно было, что его про...ли! Но на Севере все ж охрана вынужденно была посильнее – там к немецким базам ближе. В реале PQ-12 на шестнадцать транспортов имел крейсер и четыре эсминца. Следующий, тринадцатый – на девятнадцать купцов, крейсер «Тринидад» и три эсминца. PQ-15, двадцать три судна, два крейсера, один крейсер ПВО, девять эсминцев

⁶ Flower (англ.) – цветок, корветы этой серии имели «цветочные» названия.

и три траулера. Ну, а моща, когда на каждый транспорт по одному, а то и два корабля охранения – это уже сорок третий год. Кстати, к концу войны, когда лучших немецких подводников выбили, а опыт у союзников накопился, охрана конвоев снова стала меньше.

На военно-исторические темы Сан Саныч может говорить часами. Если его не остановить.

– Саныч, а вот скажи, – прерываю его, – какая вероятность, что вот этот конвой в ближайшее время встретит немецкую лодку?

– Довольно большая. Тактика у немцев к сорок второму была уже отлажена, да и конвой шли одним и тем же путем; это позже появилось – смена маршрутов и патрулирование всей зоны поисковыми группами с авианосцами в составе. Еще в сорок первом немцы активно применяли «Кондоры» – разведчики с французских баз в связке с подлодками, в сорок втором это как-то сошло на нет, но если сейчас июль, то эпизодически еще было. Хочешь помочь союзникам, командир?

– Нет.

Саныч смотрит недоуменно, но быстро догадывается:

– Акустика?

– Да. Хрен с грузами – англичане с американцами не обедают. Но вот нам получить «портрет» немецкой лодки будет очень желательно. Не дай бог на севере свою «Щуку» утопим! Ну а чем искать немецкие лодки в океане – лучше ждать там, куда они сами придут.

– Разумно, командир!

Идем на правом траверзе конвоя – на безопасном расстоянии. Вахта обычная, боевая готовность понижена – нет нужды изнурять людей. Пришлось лишь ради тишины отменить очередной киносеанс, пообещав показать завтра. А так – идиллия.

Так проходят почти сутки. Впрочем, нам почти по пути. С небольшим отклонением к востоку. Еще часов двенадцать – и мы продолжим путь: значит, не судьба.

И вдруг.

– Шум винтов, подводная лодка, двадцать справа, дистанция три тысячи. Скорость четыре, идет на пересечение курса с конвоем.

Так. Сбылось все же. Акустикам напоминать не надо – уже «пишут».

– Боевая тревога! Сережа, что у нас в аппаратах? Две УГСТ? Отлично!

– Атакуем, командир?

– Ждем пока. Но вот если нас обнаружат...

Ныррем на семьдесят. Не хватало еще попасть под раздачу. Когда диспозиция уже срисована на планшет, по изменению пеленга вполне можно следить за обстановкой – в пассивном режиме. Ну, акустики, не подведите!

Вообще-то можно было вмешаться. Даже не тратя торпеду. Выставить перископ метра на два, чтоб заметили. А как только ближайший корвет или эсминец отреагирует – в темпе уходить хоть под конвой, одновременно выпустив имитатор, – шум максимальный, – задать курс на «немку» и повторять все ее движения. Уцепятся, если моряки, а не му...!

Но имитатор тоже жалко. Главное – зачем?

Ради грузов союзников? Напомните мне, сколько получила отсидживающаяся на острове Британия, и сколько истекающий кровью СССР? Разница, если не ошибаюсь, в разы? Так на хрена мне беречь сейчас их богатство, тратя, между прочим, свое?

Нет, если б это был груз, идущий к нам для фронта, уже наш груз. Но конвой – не РQ, а... как там назывались штато-британские конвой? Надо после у Саныча спросить. Есть вероятность, что малая доля того, что сейчас на нем, после поплывет в Мурманск. Но это будет после, распределенное уже из британской копилки, куда течет этот вот ручеек. И если в нем станет на каплю меньше, это вряд ли непосредственно повлияет на нашу ленд-лизговскую долю.

– Слышу пуск торпед! Не по нам: пеленг – три, дистанция – две тысячи пятьсот.

Пара минут ожидания.
Взрыв! Второй! Третий!

Я ничего не слышу. Хотя читал, что наши подводники, при удачном попадании, слышали это без всякой акустики.

– Цель один поворачивает вправо, пеленг.

Так, правофланговый корвет, естественно, спешит на помощь. Не предотвратить, так хоть отомстить.

– Лодка поворачивает влево. Пеленг два, один, ноль.

Решил уйти в тыл конвоя или...

– Саньч! У «семерок» немецких как быстро перезаряжались аппараты?

– Не меньше десяти минут. А то и двадцать.

Ай да фриц! Кажется, он решил сделать то, от чего отказался я. Уйти под караван, перезарядиться и ударить снова. Если он стрелял полным залпом – это четыре торпеды, попал тремя.

– Цель один – дистанция... пеленг.

Похоже, фриц не успевает. У корвета скорость все ж побольше. Отрежет от конвоя.

– Лодка замедляет ход. Глубина сорок.

Упертый фриц, решил переждать, авось англичанин его не заметит, проскочит дальше. А это мне ну очень не нравится, потому что тогда он выйдет прямо на нас. Пожалуй, зря поспешил на имитатор. Если корвет минует немца, нам придется уходить. И отрываться на скорости – не угнаться за нами «цветку» с его парадными шестнадцатью узлами. А портрет «немки» мы уже срисовали хорошо. Интересно, «семерка» это или более крупная «девятка»?

– Корвет поворачивает... Слышу взрывы глубинных бомб!

Засек все ж. Ну, доигрался, фриц!

– Лодка резко уходит влево! Пеленг триста пятьдесят, дистанция. Конвой... весь конвой меняет генеральный курс! К норду!

Облом тебе, фриц, – даже если вывернешься, караван к тебе кормой. Уже не достанешь! Слежу за планшетом, пытаюсь увидеть обстановку.

Корвет заходит на лодку снова. Бомбит. Акустик докладывает о «непонятном звуке». Корвет возвращается к каравану – надо полагать, подобрав спасшихся с потопленного судна.

– Лодка уходит влево... пеленг... дистанция.

Живой, паразит!

– Акустик, что за звук был? Похож на разрушение корпуса?

– Нет, тащ командир, больше на выстрел воздухом из аппарата!

Ясно. Слышал про этот трюк еще в училище. Сунуть в аппарат заранее взятый мешок со всяким мусором и дерьмом, на поверхности хороший такой пузырь, дрянь плавает, можно еще топлива немного добавить – полная иллюзия, что лодка погибла.

Что ж, посмотрим, что фриц будет делать дальше! Любопытно, скольких он утопил? Попаданий три – все в одного, или двум сразу прилетело?

Проходит час. Конвой скрывается за горизонтом.

– Лодка продувает ЦГБ!

Фриц решил всплыть. Резонно – что ему, тратить заряд аккумуляторов?

Мы ждем с единственной целью. Взглянуть, чей портрет мы записали – «семерки» или «девятки»? Тоже всплываем, под перископ.

– Саньч, глянь!

Штурман смотрит и выдает вердикт:

– «Семерка», похоже. По пропорции, рубка-корпус. И у «семерки» рубка точно посредине, а у «девятки» чуть сдвинута в корму. «Семерка», однозначно.

Фриц тем временем резво идет под дизелями в сторону ушедшего конвоя, чуть забирая к югу. Упертый попался! Его ход – семнадцать, и он легко обгонит караван, держась чуть в

стороне. Ясно, отчего к югу – если конвой, идя на восток, отклонился на север, то скоро он вернется на прежний курс, а фриц просто срежет угол и пройдет напрямую.

– Лодка ведет радиопередачу кодом! Записано...

И без расшифровки ясно – докладывает об обнаруженном конвое, его составе, месте, курсе, скорости, следующей лодке завесы. Или наводит на него всю стаю. И в следующий раз на караван выйдет уже теплая компания!

Да, сейчас мы узнали, как немцы едва не поставили Британию на колени. И как англичане сумели отбиться... Фриц – опытный подводник, умелый и не трус. Интересно было бы с ним встретиться в бою на симуляторе, в училище, сойтись в подводной дуэли – кто кого?

Также интересна его реакция на нестандартную ситуацию. Что там писали про тупой немецкий шаблон? А ведь это наш будущий противник, когда мы придем на Север. Изучить его сейчас – все равно что в лабораторных условиях. Никто нам не мешает, океан чист.

– Курс сто, скорость шестнадцать, глубина пятьдесят.

Идем почти в кильватер немцу, отставая от него мили на две.

– Акустик – в активном режиме, мощность максимальная, фокусировка максимальная, по немецкой лодке!

Я успел хорошо изучить Санычевы материалы по немецким «семеркам». Основная «рабочая лошадка» кригсмарине, весьма удачная, надежная, хорошо сбалансированная. В сорок первом, пожалуй, лучшая лодка в мире, да и в конце войны не сильно отстала. Но вот гидролокатора на ней не было. Никогда. Был очень хороший шумопеленгатор, с одним лишь недостатком: «мертвый угол» за кормой.

Сейчас фриц задергается. От такой мощности сигнала корпус цели звенит, как посыпaeмый песком. Но вот определить, кто его облучает и откуда, не сможет. Зато хорошо знает, что для лодки это самое страшное, что может быть. Естественно, перед попаданием торпеды.

Пытается прибавить ход. Ну-ну – а вот те хрен! Мы-то и тридцать можем выдать, а вот он... Если он попытается повернуть, чтоб вывести нас из «мертвого угла» – акустики доложат, пеленг меняется, ну мы тоже облучение прекратим. Что он тогда предпримет?

– Лодка пошла на погружение!

Разумно. Потому что в те времена лодки под водой были абсолютно неуязвимы друг для друга (ну, если только таранить) – не было торпед, идущих на глубину. И предсказуемо, потому что у нас такие торпеды есть.

– Сергей Константинович, – неторопливо говорю я, – одна цель, одна торпеда!

По тактике – положено стрелять двумя. Это если цель активно ставит помехи, сбрасывает имитаторы, имеет хороший ход. В данном же конкретном случае промах невозможен даже теоретически: жалко тратить невозполнимый боезапас. Утешает лишь то, что фриц, судя по всему, тоже был не из последних, а значит, его гибель – это ощутимая потеря для кригсмарине.

Ты был хорошим подводником, неизвестный фриц. Мне действительно было бы интересно встретиться с тобой после войны, поговорить на профессиональные темы. Если, конечно, на тебе нет нашей крови. Но вроде бы – тут надо уточнить у Саныча – лодки, действующие в Атлантике против союзников и бывшие в Норвегии против нас, принадлежали к разным флотилиям. Если ты топил одних лишь англичан – странно, но мне совсем их не жаль, – знаю, что в те годы многие простые люди, и моряки, и солдаты, относились к Советскому Союзу с искренней теплотой и дружелюбием. Но я также знаю слова их борова Черчилля: «Хорошо если последний русский убьет последнего немца и сам сдохнет рядом». Или это Трумэн сказал? Неважно, судя по тому, что началось после, ясно, кто у них там решал, куда идти. Если ты топил лишь англичан с американцами – лично мне нечего с тобой делить (или это послезнание играет, отчего я сейчас воспринимаю так называемых «союзников» едва ли не большими врагами, чем будущие битые немцы).

– Слышу взрыв! Звуки разрушения прочного корпуса!

Торпеда УГСТ (универсальная глубоководная самонаводящаяся) на конечном участке пути до цели включает малошумный водометный двигатель, чтоб потенциальные утопленники не успели напугаться. Ты так и не понял, фриц, откуда пришла смерть, а может, даже в последние секунды радовался, что сумел оторваться. Дай Бог тебе быстрый и легкий конец. Быть раздавленным ворвавшейся внутрь водой лучше, чем если переборки выдержат, и ты будешь умирать долго и мучительно, заживо похороненным в лежащем на дне стальном гробу. Впрочем, глубины здесь километровые – так что тебе это не грозит.

Однако надо сказать слово экипажу.

– Товарищи моряки, говорит командир. Поздравляю вас с нашей общей победой. Только что нами была атакована и потоплена немецкая подводная лодка «тип семь» водоизмещением девятьсот пятнадцать тонн с экипажем сорок четыре человека. И эти фашисты никогда уже не совершат гнусных преступлений. Наподобие того, как в нашей истории, лодка У-209 этого же типа возле острова Матвеева в Карском море, утопив наш буксир с баржей, всплыла и расстреливала в воде советских людей – триста человек! Другая лодка, У-255, потопив наше судно «Академик Шокальский», также после всплыла, чтобы гитлеровские палачи расстреляли выживших из пулеметов и автоматов. И это лишь те преступления, о которых стало известно, – не мне вам говорить, как море умеет хранить тайны. Таков моральный облик нашего врага, фашистских головорезов, палачей и убийц, вообразивших себя «сверхчеловеками», господами над всеми, ну а мы, естественно, по их мнению, имеем право жить лишь как их рабы! Мы попали, пусть не по своей воле, на великую войну, когда речь идет прежде всего о выживании нашего народа. Сейчас враг силен – но мы знаем, что однажды мы уже победили его. Так сделаем это второй раз – и так, чтобы нашим дедам и отцам не было за нас стыдно!

Я оглядываюсь. Все присутствующие, включая матросов, впечатлены.

– Спасибо, командир! – говорит кто-то. – Правильные слова.

Вот зачем мы тратили торпеду. Споры, что дороже – стандартная немецкая «семерка», пусть даже с очень хорошим командиром, или ценный невосполнимый боеприпас, – неуместны. Потому что взвешивать надо иное.

Между экипажем, пусть даже прошедшим десятки, сотни учебных боев, и одержавшим хотя бы одну реальную победу над живым врагом – огромная разница. Самураи называли это когда-то путем воина, «буси-до». А в преддверии того, что нам предстоит в этом мире совершить, я могу рассчитывать только на такой экипаж!

– Саньч! Курс тридцать, глубина пятьдесят, ход крейсерский.

Вечером, как обещано, в столовой показывали кино. В этот раз был «Горячий снег».

От Советского Информбюро, 16 июля 1942 года

В течение ночи на 16 июля наши войска вели бои с противником в района Воронежа и юго-восточнее Миллерово. В районе Воронежа наши войска на ряде участков контратакуют противника и наносят ему большой урон. Наша часть, поддержанная танками, за сутки уничтожила 1200 немецких солдат и офицеров, 8 танков, 12 пулеметов, 7 минометов и 9 автомашин. На другом участке наши бойцы несколько потеснили противника и уничтожили 5 немецких танков и 350 гитлеровцев. Наше танковое подразделение разгромило штаб крупного немецкого соединения. Захвачены штабные документы, два танка и пленные.

После встречи с конвоем, закончившейся утоплением немецкой лодки, ничего не произошло. Прошли к северо-западу от Британских островов, техника работала исправно. Дважды обнаруживали подводные лодки – один раз это была уже знакомая по «портрету» «семерка», наверное, спешившая в Атлантику, второй раз что-то неизвестное. Саньч предположил, что это или пока не встреченная нами «девятка», или англичанин. Нас не обнаружили, мы тоже не атаковали. Еще несколько раз попадались надводные корабли – эти уже явно английские.

По одной из целей, опознанной Санычем как крейсер типа «Саутгемптон», мы даже, объявив учебную тревогу, имитировали торпедную атаку, чтоб экипаж не расхолаживался. Нас не обнаружили – по меркам этой войны мы были невероятно далеко, вне рубежа охраны эсминцев сопровождения.

Сейчас идем на север вдоль норвежских берегов.

– Курорт! – сказал после Петрович. – Нас не трогай, мы не тронем. Между прочим, это тоже не есть гут, командир!

Петрович прав. Вам не приходило в голову, как считается срок автономности атомарин? Девяносто, сто суток? Дозаправляться не нужно – заряда реактора хватит намного дольше. Вода – из опреснителя. Провизия – при размерах лодки можно взять и на полгода. Капитальное – на берегу, ТО механизмов и докование – вполне нормально и через год.

Самым слабым местом, как ни странно, являются люди. Три месяца быть запертыми в ограниченном объеме, вдобавок почти не видя солнца, зато наблюдая вокруг одни и те же рожи... Чтоб вы поняли – ну представьте, что вас, мирного служащего, заперли бы со всеми коллегами в вашей конторе, замуравов выход. И заставили бы работать в режиме «четыре часа через восемь отдыха», причем из этих восьми еще четыре – общие работы, а бывают еще и «авралы», то есть готовность один, за которую никаких отгулов, и, естественно, без всяких выходных! Тогда поймете, отчего на лодках случается, что какой-нибудь матросик, живя третий месяц без дневного света, вдруг пытается в истерике открыть входной люк на стометровой глубине! Положим, это случается редко, хотя этот случай хорошо известен в военно-морской медицине как типовой. Но вот то, что через девяносто суток резко возрастает вероятность того, что какой-то член экипажа по команде повернет не тот клапан или включит не тот рубильник – это объективная реальность. Факт установлен опытным и весьма печальным путем, и мне совершенно неохота его проверять!

Когда-то давно, еще в СССР, я смотрел фильм «Ответный ход». Там есть эпизод на подлодке, где герой Бориса Галкина видит на переборке красную крышечку с надписью «открыть при пожаре». Естественно, он ее открывает – а под ней другая с надписью «Дурак! Не сейчас, а при пожаре». И не дай бог он попробовал бы и дальше, потому что это был пуск системы пожаротушения ЛОХ (лодочная объемная химическая), при срабатывании которой весь отсек почти мгновенно заполняется огнегасящим газом. И кто не успел включиться в дыхательный аппарат, то простите, мужики, в раю передайте привет тем двадцати с «Нерпы» во Владике, где какой-то придурок на эту кнопку нажал!

В отличие от дизельных лодок, нам не надо беспокоиться – кислород, полученный электролизом воды, поступает в отсеки, автоматически поддерживая его уровень в атмосфере на привычных двадцати процентах. Но атомная лодка «Комсомолец» в восемьдесят девятом погибла именно из-за того, что в кормовом отсеке кто-то отключил автоматику или сбил настройку. И вспомните школьный опыт из химии: железо горит в чистом кислороде. Отсек, где кислорода не двадцать, а сорок, пятьдесят, шестьдесят – никто не знает точно, сколько было на «Комсомольце», – это пороховой погреб и бензиновый склад в одном флаконе. И от любого «коротыша» или малейшей искры превратится в мартеновскую печь.

И таких мелочей много. Перечислять их все у меня нет ни времени, ни желания – учи матчасть, читай инструкцию, – просто прошу поверить на слово, что один дурак, ротозей или псих, нажав одну маленькую кнопочку или открыв не тот кран, может устроить нам всем как минимум громадную кучу проблем с ремонтом, а как максимум – коллективную встречу с апостолом Петром. Если будет кому за тебя просить, как в том восемьдесят девятом, когда к религии еще относились с опаской. Слышал это сам от нескольких человек – не знаю, байка или нет, но очень похоже на правду. Пришел тогда командующий Северным флотом к главному мурманскому попу, архиерею или митрополиту, не знаю их иерархии, и сказал: «Отслужи за ребят! Не знаю, есть тот свет или нету, но если есть – чтобы их всех в рай, по справедливости».

А наш случай и вовсе особый. Провалились черт-те куда, и что впереди – неясно, про дом и родных забудь навсегда, и вообще, война наверху – САМАЯ СТРАШНАЯ война в истории. Это без всякого пафоса, ну если только, не дай бог, Третьей с ядерн батонами не будет! И это серьезно бьет по психике – да тут что угодно могло случиться, вплоть до открытого неповиновения: «А ты ваще кто такой, командир?», «Нет больше такой страны, которой присягали». А уж сдвиги крыш по-тихому – вдруг уже начались у кого-то? Вот почему Петрович вместе с Григоричем стараются, отслеживая общее настроение, ведя душевспасительные, а то и в душу влезавшие беседы. Командиры БЧ, проинструктированные надлежаще, также бдят. В общем, все как в песенке из старого фильма с Мишей Боярским: «Чихнет француз – известно кардиналу!»

Григорич, кстати, неожиданно для всех оказался очень при деле. Зашел ко мне еще после того совещания – и сразу в карьер:

– Михаил Петрович, я тут как бы на сутки выбыл из общего дела, даже можно сказать, по боевому ранению, показывает на свой гипс. – Я уже говорил с народом и знаю про ваше, нет, общее решение идти на Север помогать нашим в войне с фашистами. Я на все сто с вами. Я служить еще при Брежнев начинал, присягу принимал советскую и от нее не отрекался! И все же я на десять лет вас старше, а потому очень хорошо знаю, чем был СОЮЗ и что от него осталось. Горбача я еще терпел, так как Союз был единым. Но как начали все разваливать, продавать в угоду «вашингтонскому обкому» – мне смотреть было больно, я из флота ушел! А теперь у нас шанс все переиграть сначала, предупредить руководство об ошибках, совершенных ими и их последователями. Чтоб было, как в книжке, что Александр Александрович всем нахваливал – Конюшевский этот, где в девяносто четвертом город Сталинград!

Ага, голубь. Так больно было смотреть, что активно сам поддался, доподлинно знаю, к некоторым делам руку приложил в начале девяностых! Теперь, значит, почувал, куда ветер дует, не дурак все ж, хоть и замполит. А поскольку в этой эпохе капитализм очень не в почете, решил оперативно сменить поприще, снова в товарищи политруки. Ну не верю я чистейшим идеалистам – если человек на груди рубаху рвет с воплем «жизнь положу», так это он или на публику играет, чтоб лишнюю цену за свою честность взять, либо от него последует самый непредсказуемый закидон, и в самый неподходящий момент. Я же, как бушковский король-майор Сварог, предпочитаю иметь дело с людьми, которым не просто идея симпатична, но и за душой что-то есть. От таких хоть точно знаешь, чего ждать. Ну, а здоровый карьеризм никто еще не отменял. Решил человек активно к нашей команде присоединиться – мне это мешает? Да бога ради! А если и хочешь после в новые мехлисы или сусловы – чтоб всяких новодворских, солженицыных и боннэр давить, как клопов, пока они еще «чайники» – так это вообще святое дело! Только насчет предупредить – это ты загнул. Представляю, как ты будешь Иосифу Виссарионычу или Лаврентию Палычу на их ошибки указывать! Ну, это пока прекрасное далёко.

Нужен же ты мне сейчас – поднимать дух команды. По-моему, не прониклись еще люди, что дома у них нет. А когда по-настоящему поймут, вот тут-то и начнутся нервны срывы, и сумасшествие у кого-то вполне реально – смотри выше, чем это всем нам грозит. Так что, товарищ замполит, ты у меня хоть массовиком-затейником поработаешь, но удержи ситуацию под контролем! Петрович тоже старается, но у него своих забот хватает. А вот тебя, краснокрылый ты наш, в экипаж взяли исключительно за этим! Я же иного лекарства не вижу, кроме пафоса самого оголтелого, с надрывом – за святую идею. Как там у фантаста Ефремова в романе «Лезвие бритвы» сказано: когда люди видят перед собой цель, для всех важную, они становятся равны богам по силе совершить невозможное.

Положим, долго так не протянешь. Но тут за нас играет, что мы все же не пехота: окопной грязи и смертей, которые пафос ломают вернее всего, у нас не предвидится, делай что учили, а

если гибнуть, так всем. Выстоим до конца похода, ну а что после будет, как к предкам придем – будем проблемы решать по мере их поступления. А пока же – вперед и с песней, марш!

Григорич не подвел. Честно пашет, как целый отдел агитации и пропаганды. Мы одни в этом мире, и ничего еще не решено, если это и впрямь мир параллельный. А вдруг в этой реальности какой-нибудь идиот в генеральских погонах – хотя погон еще нет, но это неважно – угробит не Крымский, а Сталинградский фронт? Сейчас решается, жить ли нам вообще – русским, украинцам, белорусам, да и чеченцам с дагестанцами – поскольку все мы для Адольфа унтерменши, рабы, удобрение! Мы – или они. Победа – или смерть. Убей фашиста – или сдохни сам в рабстве. Никаких сложностей, чтобы было все просто и понятно, на уровне агитки двадцатых. Все ж старая гвардия, Ильич и иже с ним, были гениями слова, мастерски умели заводить толпу! Именно это требуется сейчас.

Когда-нибудь после, в новом СССР, мы будем говорить, что мир не черно-белый. Что все сложнее, чем кажется. И что немцы – тоже были люди. Пусть – но это будет после. Когда в Берлине встанет монумент нашему Солдату-победителю. А полки немецкой Народной армии будут маршировать под команды наших генералов. Ну, а пока мы воюем с нелюдьми, зверьми, толкиеновскими орками (слово «нечисть» в наш век атеизма как-то увяло).

Вчера показывали людям «Обыкновенный фашизм». Старшее поколение хорошо помнило этот фильм, как и знало без подсказки, что такое блокада, Хатынь, Освенцим. А вот двадцатилетние – ровесники «перестройки» – надо было видеть их лица после! Надеюсь, они теперь, случись нам вернуться, сразу дадут в морду любому, кто скажет, а отчего мы не сдались, жили бы теперь в цивилизации и пили баварское пиво. Даже если это известный лидер демократической оппозиции, бывший чемпион, лауреат, член ЦК ВЛКСМ, кавалер всех мыслимых советских наград, а ныне просто предатель своего народа и страны, сказавший такое в интервью американскому журналу.

Убей немца. Сколько раз встретишь его – столько раз и убей. Тем более, нашим «комиссарам», в отличие от Геббельса, ничего не надо придумывать, это ведь все было: и план «Ост», и концлагеря, и тысячи хатыней. Я хочу, чтобы вы все сдохли, сволочи. Хороший немец для нас – мертвый немец. Эх, попался бы нам в море какой-нибудь «Густлоф» с десятью тысячами их на борту! Или «Тирпиц» – надеюсь, до него мы все же доберемся, как раз у нас боеприпас на крупную дичь. Или тот и другой вместе.

М-да, а агитация, оказывается, вещь очень заразная. Сам не заметил, как начал накручивать себя!

Впрочем, это уже психология. Назначить виноватого – ответственного за все беды. В Средневековье это были ведьмы, которых посылали на костер; при социализме – империалисты всех мастей; в двухтысячных – Усама бен Ладен; ну а для нас – немецкие фашисты. Так прямо и заявил Григоричу главстаршина Логачев:

– ...А кто же еще? Ведь тех, кто нас сюда закинул, нам не достать! Значит, фашисты и ответят!

Нет, я-то понимаю, что по сути Германия двадцатых – это еще хуже, чем Россия девяностых! Из второй державы мира – разом ниже плинтуса опуститься! Плюс война, которой у нас все же не было – миллионы убитых и искалеченных неизвестно за что. Плюс отдать почти треть территории, и кому – полякам, и как – из Берлина в Кенигсберг с визой! Это как если бы у нас Новгород и Бологое Эстонии отдать и из Питера в Москву через границу ехать. Ну, и конечно, дикая инфляция – «разменяйте десять миллионов» – и безработица. И запрет иметь армию – в стране, где «кайзер, криг, каноне» исторически считались сутью мужчины. И на закуску, вместо привычной монархии, что-то запредельно подлое, продажное и вороватое – кто помнит ельцинскую дерьмократию, тот сразу меня поймет!

И кому при таком раскладе на германщине жить хорошо? Ну конечно же тем, у которых «папа юрист» с их исконным занятием «купи подешевле, продай подороже». Читал где-то в

Инете, что клятва Гиппократы, немецкого врача тех лет, звучала: «Я никого не буду лечить бесплатно» – чтоб не сбивать цену коллегам! Можно представить, как их искренне «любили» коренные немцы – примерно так же, как голодный российский рабочий или крестьянин торговца с Кавказа: «Понаехали тут!». Остается лишь пожалеть, что когда рвануло, под раздачей оказалась в большинстве ни в чем не повинная мелочь, а не высоко сидящие главари.

Ну а теперь представим, что если бы у нас, году в двухтысячном, пришел бы вождь, который навел бы порядок. Восстановил бы промышленность, ВПК, армию. Чтобы инженеры и рабочие вовремя получали хорошую зарплату, а безработных бы не стало вообще! Резко прижал бы и преступность, и коррупцию. Восстановил бы Союз, присоединив «исторически наши земли» – ведь в Австрии и Судетах процент желающих воссоединиться был не меньше, чем в современной Белоруссии или Украине. Прижал бы шелупонь по соседству, смеющую на нас гавкать, – всякую там Польшу... ах, простите, Грызию и Шпротию. Заставил бы весь мир снова уважать нашу силу.

Вы бы голосовали за такого вождя в двухтысячном? Я – ДА!

Евре... простите, лица кавказской национальности? Отобрать у них все несправедно нажитое – кто против? Концлагеря? Самое то для всяких новодворских, открыто призывающих расчленивать Россию, «потому что она остается угрозой для цивилизованного мира». Правда, у немцев было еще круче – аналогом наших пятнадцати суток у них было заключение в Дахау и другие подобные места, причем не на срок, а «до исправления». Ну, это уже особенность немецкого сознания и корень их законопослушности, вдолбленный в подкорку.

Такая вот дойче юбер аллес! Идея лишь чуть слабее коммунистической. Но все же идея, про которую Ильич заметил, что «овладевая массами, становятся материальной силой». Сравните, как воевали наши с немцами – и все прочие, и союзники, и всякие там румыны-итальянцы. Впрочем, такой враг и нужен, ну не против же крысы призывать: «сплотимся все, победа или смерть»?

Короче – драка нужна. Как заметил, опять же, Ильич – массам нужен успех, пусть даже небольшой, но постоянный. А то разброд в умах появляется и разные мысли.

Так что идем вдоль норвежского побережья. Кто попадется навстречу?

Лучше всего, конечно, войсковой транспорт. Чтоб вез свежий полк. Вода ледяная, хоть и июль. Пять минут не выловят, считай, покойник, с вероятностью процентов восемьдесят, ну а четверть часа – все девяносто девять! Сколько там с «Густлофа» спаслось, едва ли один из десяти. Слышал, конечно, байку, что там фрицы детские сады вывозили – как говорят в Одессе, не делайте мне смешно! Туева хуча драпавших фашистских бонз, чинов СС и прочей сво... Разве они вперед себя на корабль гражданских с детьми пропустят? Ну, может быть, на последний. Наши на Одер выходят – и кого срочно на рубеж везти, беременных кенигсбержек или боевые части? После трупы утопших аж на шведский берег выбрасывало – но что характерно, про женщин с детьми даже Геббельс не заикался, который про «русские зверства» тогда глотку сорвал, «чем чудовищнее ложь, тем легче поверят». Так что те, кто сейчас про утопших немецких деток рассказывает, обогнали самого Геббельса, с чем их и поздравляю!

Ну а мы не гордые. Отправим на дно любого.

Двадцать третьего августа немцы будут бомбить Сталинград несколькими тысячами самолетов. Возникнет «огненный шторм» – это когда не тут или там горит, а все сливается в один мегакоштер высотой в два-три километра и такой же ширины. После чего в закрытых убежищах будут находить лишь расплавившуюся металлопосуду – и прах. Как в Хиросиме, как в Дрездене в сорок пятом.

Так что попадись мне сейчас любое корыто с десятью тысячами немцев, без разницы, военных или гражданских, любого возраста и пола – плевать. Поплавают.

– Звереешь, командир! – сказал подошедший Петрович. – Заметно. В бою это нормально поначалу, но... Татьяна Петровна моя, эх! – говорила: главное, надо не против быть, а за. Тогда

и воевать с тем, что этому «за» угрожает. А если одно лишь «против» – то рано или поздно озвереешь. Будет все равно, кого рвать. А так нельзя.

– И как тут разобраться? – отвечаю. – Ну не знаем мы совсем, как в сорок втором было. Хорошо, если Сталин такой, как в книге у Бушкова, или этого, Конюшевского, которые мне Саньч прочесть дал. А если все-таки зверь и самодур? Себя успокаивать, что вожди приходят и уходят, а Россия остается, махая кайлом в ГУЛаге? Воевать все же проще, как в песне: «Где враг в прицеле, сзади свои – и никого кроме них».

– И это тоже, – соглашается Петрович. – Нужна до зарезу еще парочка побед. Как ты сказал, разница будет большая: придут к нашим неизвестно кто и откуда, или уже оказавшие хорошую помощь! И если врага отпускать станем – команда не поймет. Ясно, ничего не скажут, но настроение... И так верить уже не будут.

Это он про транспорт, что встретили вчера. Тысячи на три, шел на север – значит, не порожняк! Дистанция была подходящая – вполне бы достали, и фрицев не спас бы сам бог Нептун. Но задушила жаба тратить самонаводящуюся торпеду конца двадцатого века на, очень может быть, груду солдатских ботинок и шинелей!

– Дальше легче будет, – отвечаю я. – Вдруг этот транспорт снабжение вез какому-нибудь гарнизону или батарее в местную тьмутаракань. А вот севернее – точно наш клиент! Возле Тронхейма какое-то оживление слышно – похоже, кто-то к Петсамо идет. Догоним?

Одним из бонусов, которыми обеспечил нас Леня Ухов, было то, что мы могли свободно читать немецкие радиосообщения «Энигмы». Этой машиной у фрицев пользовались все рода войск, и кригсмарине тоже. По меркам сороковых очень круто, но против современных компов не тянет. Тем более что у Лени нашлась готовая программа на «Делфи» как раз для расшифровки сообщений «Энигмы», правда другой модели, написанная из спортивного интереса кем-то уже в нашем времени и скачанная Леной из Инета неизвестно зачем. Не составило труда немного ее доработать, после чего любой немецкий текст «крякался», как выразился Леня, максимум за десять минут.

Проблема заключалась в том, что ловить эфир мы могли, естественно, лишь всплыв под перископ и выставив антенну. Что было реально опасно – засечь на радаре наши выдвижные устройства проблематично, а вот увидеть лодку со случайно пролетавшего самолета – легко! Тут уже Сан Саньч вспомнил, что в сорок втором еще не умели работать на сантиметровых волнах. У союзников вроде что-то было, но у немцев точно нет, они на этом горели, когда их самолеты с новыми локаторами обнаруживали ночью, и прибор «Наксос», пассивная РЛС, обнаруживающая и пеленгующая эти частоты, появился у немцев лишь в конце сорок третьего.

А значит, мы могли пользоваться РЛС дальнего обнаружения без ограничений, что противоречило всему нашему опыту того времени, но было вполне оправдано здесь.

Попутно устроили посвящение нашим прикомандированным по «Пакету». Двое гражданских спецов с ГНПП «Регион» Гоша и Родион, молодые еще ребята, лет до тридцати, имеющие классический вид «молодых гениев», каковыми и являлись, во флоте не отслужили, прошли ускоренный курс подготовки только перед нашим выходом. Поэтому учинили мы им все по полной – заставили и плафон морской воды выпить, и качающуюся кувалду в солидоле поцеловать. И парням гордость – подводники! И нам меньше опаски, ждать от них проблем не придется. А затем Бурый по моему совету припахал их на всю катушку, нагрузив по сути мичманскими обязанностями по своей БЧ-3. «Пакет» на лодках раньше не ставился – лишь на кораблях, и мы первыми на флоте получили модификацию «Пакет-П», о работе которой «гении» должны были дать отчет и, естественно, нас оперативно консультировать.

По идее, «Пакет» – противоторпедная защита. Вместо двух ракетных шахт у нас теперь по восемь пусковых, под антиторпеды-малютки, калибр всего триста двадцать, бьют, в зависимости от глубины, на тысячу четыреста – две четыреста метров, на пятидесяти узлах. Но есть и режим против кораблей и лодок, тридцать узлов на двадцати километрах, и ГСН захватывает

цель на предельной дистанции от километра до двух, в зависимости от глубины акватории. Несмотря на малый калибр и размеры, несут шестьдесят кило «морской смеси», что эквивалентно сотне кило тротила – как в торпедах эсминцев-«Новиков» Первой мировой. Немецкой «семерке» или «девятке» хватит, позволив нам не тратить торпеды из основного боекомплекта.

Кстати, у нас, как положено при выходе в автономку, в двух аппаратах торпеды со спецбоприпасом. По несколько Хиросим в каждой, кто не понял – на крупную дичь, вроде америкосской АУГ. Снаряжены по-боевому, крышки аппаратов опечатаны, у входа в отсек вооруженный часовой – вход, кроме торпедистов, дозволен лишь мне, старпому, особисту и начальнику БЧ-3. Придется теперь перезаряжать: против фрицев это все же перебор, а нам иметь в залпе лишние две трубы не помешает. Хотя Пиночет был против такого нарушения установленного порядка.

– Сергей Степанович, когда мы вернемся – если вернемся! – я готов ответить за все свои решения. Пока же я своей властью приказываю извлечь из аппаратов спецторпеды и зарядить обычные. Можете записать это куда угодно и после передать куда угодно. Три Эс, ты приказ понял? Исполнять!

Вот будет геморрой с бюрократией, лично у меня, если все-таки вернемся – а, как-нибудь отпишусь!

От Советского Информбюро, 17 июля 1942 года

В районе Воронежа бои продолжаются с прежней силой. Многочисленные попытки противника продвинуться вперед успеха не имели. На поле боя остались груды трупов гитлеровцев и десятки сожженных немецких танков. На одном из участков полк вражеской пехоты атаковал нашу часть. Наши бойцы подпустили гитлеровцев на близкое расстояние, а затем открыли огонь из минометов, пулеметов и винтовок. Потеряв свыше 800 человек, противник отступил. Преследуя немцев, наши танки ворвались в населенный пункт, уничтожили 2 артиллерийские батареи, 7 станковых пулеметов, 3 бронемашину и истребили свыше 200 гитлеровцев. На другом участке отряду советских автоматчиков удалось прорваться в район укрепленных рубежей противника и посеять там панику. Подоспевшие к этому времени наши танкисты и пехотинцы заняли выгодные позиции. В этом бою противник потерял 5 танков и до 600 солдат и офицеров.

Мы патрулируем у Вест-фьорда, на траверзе Буде, в двухстах километрах от Нарвика. Рассудив, что обнаруженная синица важнее журавля, который еще неизвестно, когда появится, рванули в темпе открытым морем. Пока никого не видели, кроме древнего угольного пароходика, пыхтящего, как самовар, и полудесятка рыболовных баркасов. А вот самолеты возникали часто, причем последние два с интервалом всего в полчаса! Проверяют, чист ли путь.

– Цель! Дистанция... пеленг... – доложил акустик.

Почему только одна?

– Еще цели! Один, два, три... четырнадцать!!

Ну, это еще не показатель. Среди островков во фьордах эхо отражается многократно.

Но вот миновать нас они не смогут никак. Все же норвежские фьорды – не финские шхеры: нельзя пройти в глубине, совсем не выходя на открытую воду! Где-нибудь да покажешься – например, здесь!

Идем на выбранную позицию. Глубина 200, скорость 15. Время есть.

Проходит час с четвертью.

Вот они! Дистанция – шесть миль. Впереди тральщик, тип М, восьмисоттонный – я уже набил глаз на данных Саныча, врага надо знать в лицо. Эти корабли использовались у немцев и как тральщики, и как противолодочные, и для артподдержки, и даже как миноносцы. Имели пару стопятидесятиметровых орудий и два торпедных аппарата, строились огромной серией, тремя подвидами, «тип 35-39», «тип 40», «тип 43», по году проекта, всего свыше двухсот штук.

Корабли крепкие, мореходные, но вот скорость всего 16, у них паровые машины! Акустика... черт, был у них сонар или нет – впрочем, неважно, нам они ничего не успеют сделать!

Они – потому что следом, на дистанции примерно мили, ползли еще два таких же противолодочных тральщика, держа фланг. Впереди по курсу летающая лодка крутится, а следом – вот, выползают, торопятся скорее уйти за острова! – пять, нет, шесть купцов. Вокруг них свора мелочи, кажется, траулеры или китобойцы переделанные, и еще два тральщика замыкают строй.

Один купец, самый «жирный», тысяч на десять – даже отсюда вижу, почти по палубу сидит. Шестой корабль какой-то мутный – на торговца не совсем похож, вижу орудие на баке, и окрашен как военный, но по надстройкам и мачтам торговец. Плавбаза? Штабной?

И что у них в трюмах? Не дай бог – сено или бревна. Впрочем, строевой лес на палубе везли.

– Саныч, глянь, – уступаю место у перископа.

Кто у нас спец по кригсмарине?

– Минный заградитель «Ульм», – решительно сказал Сан Саныч. – Двести девяносто мин вместимости. В нашем времени был потоплен в Баренцевом море британцами двадцать пятого августа. Еще до или уже после того, как выставил мины – не помню. Торговцы – «жирные». Особенно тот, второй, самый крупный. Нет, не сено у него в трюме – явно железо: палуба пустая совсем, а на такой переход, в шхерах погода тихая, обязательно взяли бы наверх добавочный груз! Вот у четвертого какие-то ящики видны, а пятый точно что-то легкое или объемное везет, если не порожняк – ватерлиния высоко! Надо бить, командир!

– Сергей Константинович, только пятьдесят третьей, второй транспорт, который самый крупный, минзаг, и. первый и третий в колонне тоже!

Нет смысла тратить 65-е на такие цели. Чай, не «Тирпиц» и не «Мидуэй».

БИУС загружен, пошел обратный отсчет! Первая пошла, хорошо, вторая, третья, четвертая! Одна торпеда – одна цель, противник не применяет никакого противодействия, страховаться парным залпом нет нужды. Время!

Заградитель рванул так, что мы услышали. Сначала, конечно, увидели, так как, обнаглев, вторично подняли перископ чуть раньше расчетного времени. Взрыв и разлет обломков были впечатляющие. У борта большого транспорта встал столб воды – небольшой, торпеда с неконтактным взрывателем рванула не у борта, а под днищем, что гораздо опаснее, вся сила пошла не на столб выше мачт, эффектный, но бесполезный, а непосредственно на разрушение конструкции. Когда такие торпеды появились, о них говорили: «ломают хребет линкорам одним попаданием». И это чистая правда, потому что противоминная защита линкоров и тяжелых авианосцев – пять-шесть метров ширины герметичных отсеков, вперемешку пустых и заполненных поглотителем, разделенных броней – прикрывает лишь борт, а даже киль «Айовы» не выдержит взрыва мощной боеголовки в непосредственной близости, тем более что в воде большая часть взрывной волны идет вверх. Куда уж там транспорту!

Я волновался, как курсант. Потому что, несмотря на свое звание и опыт, впервые стрелял торпедами по реальной и видимой цели. Как сам легендарный Маринеско – а также Кольшкин, Щедрин, Матияевич, чьи мемуары я прочел еще в училище.

Большой транспорт разорвало пополам. Его половинки накренились в разные стороны и синхронно исчезли, – совсем как у Щедрина, – он писал, что успел даже сфотографировать эту сцену через перископ. Второй просто нырнул в волны, как подлодка. Явно железо в грузе – техника, авиамоторы, орудия, оборудование для никелевых рудников или ремонта битого «Тирпица» – ну точно что-то ценное, раз так охраняли! Куда делся третий, я даже не заметил – наверное, опрокинулся мгновенно, и днище уже не видно из-за горизонта.

Затем пришел звук. Затухающий гром, от которого двадцать тысяч тонн лодки слегка содрогнулись, и где-то в отсеках закричали «ура!» – впрочем, возможно, это мне лишь показалось?

– Товарищи подводники, спасибо за отлично проделанную работу! Нами потоплены немецкий минный заградитель с запасом мин, а также три транспорта общим водоизмещением до двадцати тысяч тонн. Что наблюдал лично.

– Дистанция... пеленг – взрывы глубинных бомб! – доклад акустика.

Рыбу глушат. Давайте – меньше бомб у вас останется!

– Все, уходим! Перископ убрать, ныряем на двести, курс вост, двести семьдесят.

– Командир, а чего бояться? Кто из этих нас догонит?

– Нас не видели – пусть и не знают. И думают, что наши лодки везде! А мы отойдем мористее и будем слушать. Саныч, проложи курс!

От Советского Информбюро, 20 июля 1942 года

В районе Воронежа наши части ведут упорную борьбу с перешедшим к обороне противником. Бой в одном населенном пункте, длившийся весь день, закончился победой наших пехотинцев и танкистов. На улицах села немцы потеряли только убитыми 1500 солдат и офицеров. Дополнительно захвачены 5 орудий, 2 минометные батареи, 24 пулемета и склад с боеприпасами. На одном из участков гитлеровцы предприняли танковую контратаку. Наши артиллеристы и бронебойщики открыли огонь и подбили 7 немецких машин. Затем ударили с фланга наши тяжелые танки. Потеряв еще 12 танков, немцы отступили. На другом участке батальон немецкой пехоты пошел в «психическую» атаку. Гитлеровцы шли в атаку пьяными. Огнем нашей артиллерии, минометов и пулеметов почти все наступавшие немцы были уничтожены. На других участках фронта существенных изменений не произошло.

Мы ждали три дня. Слушая эфир, узнали много интересного – причем как от немцев, так и от англичан. Немцы объявили, что при отражении нападения на конвой потопили две английские подлодки. Англичане же заявили об утоплении шести немецких кораблей при отсутствии своих потерь. Как ни странно, английские данные были ближе к истине, потому что в расшифрованных нами немецких сообщениях говорилось, что еще один транспорт получил при взрыве «Ульма» такие повреждения, что его едва дотянули до порта, а три противолодочника (бывшие траулеры) приложило взрывной волной – причем один так, что почти половина команды убиты или ранены, а саму лоханку проще списать.

Сан Саныч ошибся. «Лютцов» действительно при выходе на конвой PQ-17 вместе с «Тирпицем» поймал подводную скалу, повредив руль и погнув лопасти одного винта, из-за чего едва ковылял на десяти узлах, управляясь с трудом. Прочтя упоминание «был в ремонте с... до...», Саныч здраво решил, что его перегоняли в Германию. Это было неправдой – на самом деле ремонт и его, и «Тирпица», поймавшего в борт две лунинские торпеды (два метра углубления в броневой пояс! ниже – и разворотило бы борт!), был проведен с помощью кессонов к базе в Нарвике.

Но юмор в том, что (как мы узнали много позже, но это совсем другая история), спецоборудование для ремонта «Лютцова» погибло на одном из утопленных нами транспортов! И вышло, что мы изменили историю под себя, сами того не ожидая!

Сначала Саныч, как и все раздосадованный ожиданием, прочел материалы более внимательно, схватился за голову и прибежал ко мне. Сильно ругаться не хотелось. Летеху какого-нибудь обматерил бы и непременно придумал наказание. Ну а Саныч – старая гвардия, боевой конь, в общем, ему прощалось. На первый раз.

И если б не мой день рождения... Пустяк, но оказавшийся решающим. Отчего-то взбрело в голову отметить, а после – ходу. Попросил кока испечь торт или пирог, а также придумать

что-то на закуску. В нашем времени мы всегда праздновали вместе, все друзья за одним столом, жена Петровича пекла свой фирменный пирог с голубикой, готовила утку с клюквой – такая вкуснятина, что даже в желудке заурчало. А теперь вон как вышло... В штабе, наверное, сейчас места себе не находят, мы же пропали три недели назад. Ищут всем флотом – гадают, куда исчезла атомная подводная лодка таких размеров, и думают про второй «Курск» или С-80, что пропала без вести в шестьдесят первом. Ее долго искали – а нашли случайно, через семь лет. Лодка лежала на грунте всего в пятидесяти милях от берега, с затопленными четвертым и пятым отсеками. Остальные были сухие, люди жили там еще не меньше недели. Тела еще можно было узнать в лицо, воздушные резервуары торпед и баллоны ИДА были пусты. Двести метров глубины, а выброситься через аппараты наверх можно было максимум со ста двадцати. Лодку подняли тогда же, в шестьдесят восьмом – и семьдесят восемь могил на кладбище в Оленьей Губе.

Ладно, не будем о плохом. Может, мы вернемся к себе в тот же день и тот же час, и никто не заметит нашего исчезновения в будущем.

И как тогда отчитаемся за потраченный боезапас?

Кок не подвел, приготовил отличный торт, и не один, по куску досталось всему экипажу, да и остальные блюда тоже хороши, настоящий праздничный обед с обязательной рюмкой красного вина. Были поздравления, пожелания и даже подарки. Как без подарков?

И вдруг – сообщения из центрального. Сначала о двух воздушных целях, кружащих над выходом из фьорда. И почти сразу после – о множественных шумах винтов. Причем не транспортов, а боевых кораблей.

– Боевая тревога!

Сначала я подумал, что это по нашу душу. Обозленные немцы взялись за нас всерьез, сформировав корабельную поисковую группу, как поступил бы я сам на месте немецкого адмирала. Четыре-пять эсминцев с гидролокаторами и полным запасом глубинных бомб при поддержке базовой авиации. Добыча пытается охотнику зубы показать? На что была заточена противолодочная оборона в эти времена? Не умели еще субмарины работать на скорости и на дистанции. Когда десять узлов полного подводного хода разряжают аккумуляторы за час, и остается лишь тихо, не дыша, ползти на трех-четырёх узлах (скорость гребной шлюпки), моля Бога, чтобы цель не отвернула, чтобы корабли охранения не заметили. Если заметят, то развернутся «гребенкой» и прочешут весь подозрительный район, слушая акустикой. И лодка уйти не может – даже у траулеров, переоборудованных в охотники, ход вдвое-втрое больше, ну а эсминцы перед субмариной – так это вообще гончие и черепаха! И одна надежда потихоньку-полегоньку оттягиваться, отползая в сторону или затаиться в полной тишине, надеясь, что не заметят.

Но если кораблей в охранении конвоя много, или лодке «повезло» нарваться не на конвой, а на особую поисковую группу, то охотники наверху могут ждать до посинения несколько суток, пока на загнанной в глубину субмарине экипаж задыхаться не начнет. Всплыть ночью – а если на охотниках радары, или вообще полярный день? Фильм «Командир счастливой „Щуки“», кто помнит? Песец. Ну а мы можем метко стрелять с дистанции, абсолютно предельной по здешним меркам. И нас не догонят и не загонят с нашими тридцатью узлами, на которых мы можем идти длительное время. Эсминцы могут бегать и быстрее – но, как я уже сказал, при такой скорости их собственные винты забьют любую акустику. Вот атомарина-охотник на глубине услышала бы нас хорошо – так до появления этого самого страшного для нас врага еще лет двадцать! Потому в открытом океане, имея глубину и свободу маневра, мы с успехом сыграем в кошки-мышки хоть с целой эскадрой, причем есть мнение, что мышкой будем не мы. Ну, а в узость и на мелководье мы сами не полезем, не самоубийцы же?

– Цели! Первая, вторая...

Ого! Больше двадцати штук! Глянем, уйти успеем всегда.

Показались. Впереди, гребенкой, сразу четыре противолодочных тральщика, все те же восьмисоттонники. За ними – крейсера? Нет – два эсминца типа «Нарвик», это у них была такая характерная двухорудийная башня на полубаке, шестидюймовый калибр! Еще эсминец, тип «Маас» – орудия в обычных одинарных установках. За ним уже точно крейсер, тип «Кельн» – или «Лейпциг»? – три трехорудийные башни, причем две в корме. Все-таки «Кельн». «Лейпциг» вроде в сорок втором был на Балтике, а вот «Кельн» отмечился здесь. И еще дальше – «Лютцов»! Уж его-то силуэт я изучал, готовясь к этой атаке, много раз! Около него еще кто-то непонятный, опять минзаг или плавбаза, и замыкает еще один эсминец. И целый рой всякой мелочи – тральщики, траулеры, еще кто-то, с такого расстояния не разобрать. И самолеты – два, нет, три, крутятся чуть впереди и в сторону моря, но до нас не достают.

Эскадра. Сила. Моща.

А для нас – дичь.

– Сережа! Готовь две шестьдесят пятых и четыре пятьдесят третьих – полный залп!

Цели...

БИУС принимает данные. Эскадра уже несколько впереди нас – но нам это лишь на руку, потому что меньше помех между нашими главными целями и прочими. Лодки времен войны должны были атаковать с носовых курсовых углов и с относительно малой дистанции, которую сейчас и контролируют эсминцы. Ну, а дальнеходным управляемым торпедам по фигу!

В последний момент решили чуть сменить приоритеты, так как Саныч, взглянув, заявил, что это что-то, плетущееся рядом с «Лютцовом», уж больно смахивает на штабной корабль! Разумно разместиться там штабу перехода!

– Ну а крейсер что тогда тут делает?

– Могли придать для охраны от надводных кораблей англичан. Еще писали, что у них обитаемость была спартанская – если чину да со штабом, то там тесно и некомфортно будет.

Одиннадцатиметровая дура весом пять тонн выскальзывает из аппарата. За ней, с положенным интервалом – вторая. И четыре поменьше, калибра 53 сантиметра. Идут, повинувшись заложенной в головки программе – каждая на свою цель, игнорируя мелочь.

Ныряем. Отсчет времени. Когда он почти вышел – снова всплываем под перископ.

Кажется, торпеды заметили? Мелочь вдруг задержалась, концевой эсминец изменил курс. Поздно!

Первой дошла шестьдесят пятая – по «Лютцову». И это выглядело, как если бы по хрупкой фарфоровой вещи врезали кувалдой, причем снизу. В воду быстро погружалось уже что-то бесформенное, разъятое на фрагменты, – похоже, что в дополнение к боеголовке на броненосце рванули погреба, – но и без этого говорить после о подъеме и вводе в строй будет издевательством над здравым смыслом. Затем пятьдесят третья разорвала пополам концевой эсминец, почти одновременно с попаданием в штабной корабль – или плавбазу – плевать, пусть черти в аду сортируют! У крейсера после взрыва второй шестьдесят пятой просто исчезает кормовая половина вместе с орудийными башнями, – здесь точно артпогреб рванул! – а то, что осталось, быстро заваливается на борт и задирает форштевень. И последними взлетают оба «Нарвика» в голове конвоя.

А мелочь – ну прям тараканы на кухне, где включили свет! Последний уцелевший эсминец разворачивается в сторону предполагаемого места атаковавшей лодки, даже стреляет куда-то, – но снаряды ложатся с большим недолетом. И, обгоняя его, мчатся катера – так вот это кто, шнельботы, они же стотонники, торпедные, но также и сторожевые, если взять бомбы вместо торпед! И самолет идет в нашу сторону!

– Влево, курс норд, пять, глубина двести, мощность семьдесят процентов!

Заметил нас самолет или бросал абы куда – не знаю. Бомба упала кабельтовых в полутора от нас, – но мы уже прошли стометровую отметку и быстро уходили на глубину, так что ущерба никакого не понесли, только трянуло, правда, довольно прилично. Затем наверху и в стороне

начали во множестве рваться бомбы, очевидно, с эсминца и катеров, – но это тем более не могло никак нас достать.

Через час все стихло вдали. Рыбы же немцы наглушили! А сколько потратили бомб?

Однако – десять штук! Кто из наших подводников-североморцев в реальности имел такой счет? Выходит, я уже сравнялся с такими героями, как Колышкин, Котельников, Видяев, Фисанович – с которыми, надеюсь, познакомлюсь в Полярном вживую. А еще ведь и половина БК не потрачена, и «Граниты», и «Водопад»! Вот бы и дальше так пошло: одна цель – одна торпеда...

Как же мало нужно человеку для полного счастья! Всего лишь осознание себя на своем месте, при своем деле, которое ты делаешь хорошо!

– Теперь в Мурманск, командир?

– Пока – держать курс норд! Есть еще одна задумка.

От Советского Информбюро, 22 июля 1942 года

В районе Воронежа наши войска теснили противника и наносили удары по его переправам через реку Дон. На одном из участков гитлеровцы упорно защищали шоссе. Наши танкисты сломили сопротивление противника и, уничтожив 17 танков и до батальона немецкой пехоты, овладели этим шоссе. На другом участке артиллеристы товарищи Шеметов, Фесин и Иванов, выдвинувшись вперед, прямой наводкой разбили 10 вражеских автомашин с пехотой и разрушили дорогу к переправе. Наводчик тов. Куликов захватил немецкое орудие и, повернув его в сторону противника, расстреливал отходящих немцев. Красноармеец тов. Сокол из противотанкового ружья подбил три немецких танка. На других участках фронта никаких изменений не произошло.

– Подведем общий итог, – говорю я. – С одной стороны, результат впечатляющий. Броненосец, крейсер, три эсминца, минзаг, плавбаза, три транспорта, две подлодки – насколько я помню, ни у кого из наших подводников в прошлом такого не было. С другой стороны, извините, занимаемся полной херней! Тот же «Лютцов» в реале не сделал по нашим ни одного выстрела, как впрочем и «Кельн». Так же и эсминцы – последние боестолкновения их с нашими кораблями были на Севере весной сорок второго, когда торпедировали «Тринидад» – и всё. Я к тому, что наши потрясающие успехи не оказали ни малейшего влияния на советско-германский фронт, на общий ход войны!

– погоди, командир, так ты хочешь сказать, что весь наш Северный флот, наши подводники, всю войну херней занимались?! – едва не вскочил Сан Саныч.

– Они-то как раз делали большое дело, – отвечаю я, – отправив на дно от одной пятой до четверти всего снабжения армии Дитля, из-за чего им наступать на Мурманск было ну очень хреново. Тянули исправно воз, как ломовые лошадки. А мы по той же шкале – призовой скакун. Сидеть на коммуникациях и топить транспорты – ну не хватит у нас торпед! А крупной, разовой цели, имеющей стратегический характер, на Севере нет. Даже если утопим «Гирпиц» – эффект будет лишь моральный. Поскольку в реале он опять же, после того самого выхода, работал исключительно пугалом. И вылез в море лишь однажды – по Шпицбергену пострелять. Вернее, стратегический объект есть – с нашей стороны. Порт Мурманск, конечный пункт маршрута ленд-лиза, в отличие от Архангельска – круглогодичный. Но с обороной его наши там справились и сами. У меня задумка есть, но хотелось бы выслушать прежде и ваши мнения. Три Эс, скажи сначала ты – то, что мне вчера доложил.

– Киркенес! – вскочил наш командир БЧ-2. – Аэродром Хебуктен. Там базируются бомбардировщики, которые на Мурманск – ну, тут Саныч подробнее укажет, у него инфа есть. У нас в боекомплекте «Граниты-И»⁷ новой модификации, с возможностью стрельбы по назем-

---

⁷ «Гранит-И» – это вымысел автора.

ным целям. Причем есть резервный режим наведения, помимо спутникового: со сканированием рельефа местности, как было на «Томагавках». И наличествуют все необходимые данные по объектам «вероятного противника» – то есть по всем норвежским военно-морским базам! Конечно, за прошедшее время могло что-то поменяться, включая даже расположение взлетных полос, но не рельеф же! Да и полосы, если подумать, передвинуть сложно – все ж не равнина, не так много удобных мест и направлений. Короче – можно аэродром и порт Киркенес со всем содержимым помножить на ноль. С расходом БК от четырех до шести «Гранитов». Нужно лишь целеуказание.

– А почему именно Хебуктен? – спросил Бурый, рассматривая карту. – Тут я вижу с полдюжины объектов. Луостари, Алакуртти...

– Так я ж говорю, ЦУ нужно! – перебил его Три Эс. – А вот тут я с Большаковым согласен. Все дружно взглянули на командира наших пловцов-диверсантов.

– Хебуктен, – сказал он, как гвоздь вбил. – На карту гляньте: тут подобраться удобно. Нет, если надо, мы и к любому другому пройдем, но с большим риском и за большее время. А тут – смотрите! Всего-то четыре кэмэ от точки высадки, и вот отсюда аэродром как на ладони: лазерным дальномером координаты снять – и готово. Командир БЧ-2 сказал – ему хватит!

– Положу в цель с точностью плюс-минус тридцать метров, – подтвердил Три Эс. – Для боеголовок «Гранитов» это тьфу! Если только не долговременное бетонное сооружение, каких на аэродроме, смею предположить, нет.

– Самолеты могут быть в капонирах, – покачал головой Петрович. – И что тогда?

– А нам не самолеты в первую очередь нужны! – ответил Три Эс. – Приоритет – это летный состав! Летчика или штурмана быстро не подготовить, особенно немцам, у которых вся система была заточена не на массовость, а на штучных бойцов. И если они живут, как у нас было, в «общежитии барачного типа» при аэродроме.

– Ну не было здесь тогда ни партизан, ни диверсантов! – подключился Большаков. – Потому не верится мне, что тут у немцев противодиверсионная оборона в тонусе! Скорее всего, обычная патрульно-постовая служба силами охранной дивизии – сиречь старших возрастов, для фронта негодных. Колючка, вышки, доты вокруг объектов – это по уставу положено. А вот налаженная система, чтоб и план действий готов, и егеря-волкодавы в секретах, и мобильная группа на товсь, и чтоб вся территория под контролем – сильно сомневаюсь! Да и выучка тех егерей была не чета нашей – короче, пройдем!

Все дружно закивали.

– План хороший, – говорю я. – Мы посоветались, и я решил... Это верно, что нам до официальной встречи с нашими надо показать себя ну очень хорошо – чтоб заметили и отметили. И удар по Киркенесу очень даже подходит. С одним лишь «но»: какого черта – сейчас?

Все молча смотрели, ожидая, что дальше.

– Есть тут один стратегический объект у немцев, – продолжаю я, – и такой, что реально может повлиять на весь ход войны. Никелевые рудники у Петсамо. Сколько я помню, другого источника никеля у немцев не было. А никель – это и броневая сталь, и камеры сгорания реактивных. В конце войны броня «Королевских тигров», при неподъемной толщине, была худшего качества, чем у «Тигров» обычных – даже снаряд держала хуже. А реактивные «Мессершмитты» почти не оказали влияния на ход войны в воздухе, потому что их моторы «Юмо-004» имели ресурс десять часов – сделали «двести шестьдесят вторых» довольно много, а вот боеготовных среди них мало было. Так что, товарищи офицеры, вопрос: а если Петсамо-Киркенесскую операцию провести на два года раньше?

– Не выйдет, – нарушил молчание Саныч, – сил нет. Морская пехота СФ легла почти вся на Пикшуеве. А все подкрепления – под Сталинград.

– А вот тут и пригодятся наши «Граниты», – отвечаю я. – Тут уж сыграем по полной: и удар по аэродромам, и охота на транспорты – чтоб ни одна сво... носа в море высунуть не смела! Кроме того, есть у нас еще один бонус. Леня!

Встает наш гений связи и электроники:

– Ну, про «Энигму» я уже докладывал. Любые немецкие секреты читаем – на раз. Но вот еще: радиоэлектронная борьба в этой эпохе, если не на пещерном уровне, то очень близко. И вполне реально, сканируя эфир, прицельно забивать помехами только их станции. Одновременно с пеленгацией. То есть наши могут говорить свободно – а вот немцы мало того, что ни хрена не услышат и не передадут, так еще и с каждой попыткой связаться будут лишь давать нам свои координаты. Ну, а если учесть, что на этом театре радиосвязь – это почти все, а проводную просто по условиям местности трудно протянуть...

– То в нужный момент, – продолжаю я, – немцы утратят всякое взаимодействие. Чем они были традиционно сильны. Этого достаточно, чтобы уменьшить потребное количество сухопутных сил в сравнении с той историей? Для операции Петсамо-Киркенес-42?

– Согласен, – быстро отвечает Петрович, – но это уже вне нашей компетенции. Неизвестно, как власти нас встретят. И как послушают. Командир, все же наш ограниченный удар по Киркенесу ну очень бы помог. Для нашего авторитета – с чем придем.

– Ладно, будем думать, – соглашаюсь я. – А пока – по пункту второму. Связь и контакт с нашими.

– Так уже все решили! Как в Полярный придем...

– Гораздо раньше. Леша!

Снова вскакивает наш связист.

– В списке установленных нами абонентов эфира есть также и советские. Больше того, нами перехвачен и расшифрован ряд сообщений, которые однозначно можно классифицировать как указания штаба СФ нашим подлодкам в море. То есть мы знаем частоты, шифр и позывные. И если мы включимся...

– То сумеем, например, навести наши лодки «от лица штаба флота» на обнаруженный нами конвой, – снова нетерпеливо вмешиваюсь я. – А то у наших подводников в начале войны была большая беда: слишком тесная привязка к позициям, которые часто нарезались в стороне от путей конвоев. Метод «спускающейся завесы» и взаимодействие с разведыванием появились лишь в конце сорок третьего.

Отличить передачу именно для лодок просто. В военно-морском флоте есть несколько установленных порядков связи. Самый распространенный – это когда принимающий абонент отвечает установленным кодовым сигналом-«квитанцией», что означает «сообщение принято без помех». Однако на ПЛ в море, у вражеского берега, где демаскировать себя крайне нежелательно, сообщение уходит в «бесквитанционный» режим, но при этом текст обязательно повторяется дважды. Есть еще третий режим, «полного повтора», когда абонент повторяет отправителю текст так, как принял – используется редко и лишь для особо важных сообщений.

Также для связи с лодками обычно не используется шифроблокнот со сменой страниц для каждого сообщения, поскольку нет уверенности, что абонент это сообщение принял и, значит, на новую страницу перешел. Ну, а любой постоянный шифр этого времени компами следующего века легко ломается.

После совещания, проходя по коридору, обнаруживаю в столовой толпу свободных от вахт. Все смотрят на стену – ага, Григорич наконец вывесил обещанный стенд «наглядной агитации». Решаю тоже оценить. Мля!!!

Челюсть у меня отвалилась, наверное, как у тех персонажей, которые наблюдали творчество художника О. Бендера на пристани Васюки.

Чего не было на компе Саныча – так это Кукрыниксов и прочих образцов плакатов тех лет. Зато у нас было изобилие фильмов, и не только патриотических. Поскольку бумаги давно

уже от руки не пишут – даже у Сидорчука для документации и учета был персональный комп с программой 1С, – команде не возбраняется в свободное от вахты время рубиться на личной оргтехнике в «Морровинд» или «Цивилизацию», или смотреть разное кино – иначе от скуки просто спишишь. Короче, был исходный материал – и был Дима Мамаев, виртуозно владевший «Фотошопом», который к заданию Григорича оформить агитацию подошел весьма творчески и оригинально.

То, что он слепил из кадров «Титаника», штатовского блокбастера «U-571» и «Семнадцати мгновений весны» – еще куда ни шло. Тонущий лайнер со знакомым четырехтрубным силуэтом, подводная лодка со свастикой на рубке, на палубе эсэсовцы в черных парадных мундирах стреляют из автоматов в людей, спасающихся на плотках. Но дальше основой стал, очевидно, «Властелин колец»! Черному Властелину прилеплена Адольфова морда с усиками. Над руинами бывшего мира, прямо над башней Черного Замка вместо глаза багрово горит свастика. И в завершение – под немецкими касками с рожками скалятся клыками зеленые орочки морды, причем у орков на переднем плане в лапах «шмайсеры», задние же так и остались с ржавыми клинками устрашающего вида, с которых капает кровь.

Твою мать, ну что стоило мне приказать – прежде чем вывесить, предъявить на утверждение! Это ж чистая профанация выходит вместо важного дела, «вредительство», как сказал бы товарищ Сталин! И что мне теперь делать?

– Тащ капитан первого ранга, разрешите обратиться? А правда, что Толкиен свою книгу в сорок шестом написал? Как аллегория – не только о Гитлере, а вообще обо всех, кто власти над миром хочет?

Я оборачиваюсь. Все смотрят и ждут. И вопрос абсолютно серьезен.

– Правда! – отвечаю. – Только не власть, другое. Покорять, что природу, что соседа, чего греха таить, в сути человеческой заложено. Но вот нельзя так – мы одни цветы, а все прочие для нас удобрение. Все равно кто – немцы, арабы, евреи, негры, да и русские тоже. Кто так говорит – тот фашист. А с фашистами не спорят – их бьют. И чтоб было так на вечные времена.

– Так тогда и штатовцы не лучше. «Золотой миллиард» их.

– А ты что, сомневался? – отвечаю. – Фрицы хоть открыто говорят: «Вы недочеловеки и рабы, и потому мы будем вас убивать и грабить». А штатовцы – то же самое, но с улыбкой и якобы «дружбой». Или забыл, как их президент, кажется, говорил: «Голод в бедных странах – это ужасно, но надо помнить, что именно мы, развитые державы, даем этим беднякам работу и их право на кусок хлеба». То есть пашите, как таджик в подвале черкизона, и будьте довольны тем, что есть! А предложение отдать все мировые ресурсы, такие как нефть и газ, под контроль «мирового сообщества», то есть тех же америкосов? Или как их сучка Кондолиза заявляла, что богатства Сибири должны принадлежать не одной России, а всему мировому сообществу?

– Так ведь и Сталин тогда... тоже? – раздается голос из заднего ряда.

– А вот это не ровняй! – отвечаю я. – Чем фашизм от коммунизма отличается? У нас в идеале – Всемирный Советский Союз, и любой, кто идею нашу принял – нам товарищ, в одном строю. А у них – если ты не ариец по крови, то недочеловек и раб. Разница понятна?

М-да, вот и ответил на вопрос самого Толкиена – о партийности орков!

Пожалуй, снимать плакат не надо, пускай висит.

23 июля 1942 года. Полярный.

Особый отдел Северного флота

– В полученной радиограмме вам ничего не показалось непонятным?

– Нет, товарищ капитан первого ранга! Все было как положено – оповещение по флоту. Обнаружен немецкий конвой, состав, место, курс и скорость. Волна, позывные – как обычно. И зашифровано нашим шифром. Да, немного странным показалось, что место указано – широта, долгота, а не квадрат по карте! Но в принципе могло быть и так.

– Продолжайте.

– Рассчитали перехват, пошли в точку. Конвой появился, как и ожидали, в том же составе. Три транспорта, пять кораблей охранения – один восьмисоттонник, остальные охотники из бывших рыбаков. Выбрали цель, самый крупный транспорт. Маневрирование подробно смотрите в журнале. Фрицы до атаки нас не заметили. Попали хорошо, двумя торпедами, лично наблюдал, как транспорт тонул. Два охотника сбросили на нас бомбы, двадцать штук, но мы уклонились. Всплыли, доложили. Согласно приказу, истратив все торпеды в носовых, имели право возвращаться на базу. Дошли нормально.

– Нормально... Так вот, Федор Алексеевич, этой радиограммы штаб флота не посылал! Это нормально?

– Простите, но радиограмма была принята и зарегистрирована как положено. Следовательно, я имел право считать...

– Да вы не волнуйтесь, Федор Алексеевич, никто вас ни в чем не обвиняет. Вы же с победой вернулись! Вот Столбов на Щ-402 такую же радиограмму получил, но остался на месте, а послушал бы, может, тоже с победой бы вернулся. Однако странные дела творятся. А вы не подумали, что это могла быть немецкая ловушка?

– Нет. Категорически. Во-первых, суда-ловушки – это всегда мелкие посудины, каких не жалко. Ну, а транспорт в пять тысяч тонн – это, простите, точно не расходный материал! Во-вторых, придумай я такое на месте немцев... Тогда транспорт должен был быть один – взять что-то старое, изношенное, трюмы набить пустыми бочками, чтобы сразу не утоп, все же команду жаль. И в-третьих, эскорт тогда был бы много сильнее. Все бы тогда спецпостройки, и с гидролокаторами.

– Могли решить – чтобы не отпугнуть добычу. Кто клюнет.

– Фрицы уже достаточно знают наш характер. Напротив – если один транспорт с такой охраной, значит, что-то очень ценное, что надо утопить любой ценой. Ну и, наконец, в-четвертых. Тогда нас никак не отпустили бы так легко.

– Разумно. Тогда, похоже, появилась какая-то третья сила. И, что интересно, эта третья сила играет за нас. Вы слышали о разгроме немецкой эскадры у Нарвика?

– Англичане?

– Нет. Как раз британцы к этому отношения не имеют. Доказано стопроцентно.

– Черт возьми! Тогда кто?

– А вот тут и нужна ваша консультация, Федор Алексеевич. Как опытного командира подлодки и в некотором роде лица посвященного. Надеюсь, вы понимаете, что все должно остаться втайне? Впрочем, при входе в этот кабинет с вас уже взяли подписку о неразглашении.

– Я слушаю.

– Броненосец «Лютцов», крейсер «Кельн», эсминцы Z-27, Z-30, «Рихард Байцерн», плавбаза MRS-25 были потоплены торпедами почти одновременно, в походном порядке. Это могла быть одна подлодка?

– Исключено! Для потопления такого корабля, как «Лютцов», необходимо как минимум две торпеды, да и «Кельн» вполне мог выдержать одно попадание. Итого попавших в цель торпед было как минимум восемь. А сколько прошло мимо? Теоретически британские подводные лодки типа «Тритон» имеют носовой залп десять торпед, но... Эскадра такого состава обязательно будет иметь ордер, растянутый минимум на пару миль! И совершенно невероятно, чтобы лодка находилась в позиции, позволяющей одновременно накрыть всех одним залпом, да еще настолько удачно попасть.

– Значит, лодок было как минимум две?

– Возможно даже, три или четыре. Потому что отработать задачу прицеливания одновременно по двум разным объектам... Если они не створятся, то это чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Столь четкое взаимодействие требует высочайшей квалификации коман-

дилов и ювелирной точности в исполнении. Учтите, что пользоваться звукоподводной связью, находясь возле эскадры противника, нельзя!

– Тогда как же?

– Заранее составить план, четко рассчитать время. И – единичные послышки коротких кодовых сигналов. Но это, повторяю, только теоретически. Я не знаю, сумел бы я справиться в составе такой группы лодок. Да и фрицы с британцами, насколько мне известно, пока такого мастерства нигде не показывали.

– Да, задачка выходит, Федор Алексеевич. Что ж, благодарю, и вы можете быть свободны!

Командир подводной лодки Щ-422 капитанлейтенант Видяев, будущий герой и легенда Северного флота, встал и вышел из кабинета.

От Советского Информбюро, 2 августа 1942 года

Немецко-фашистские захватчики превращают население оккупированных ими советских районов в бесправных рабов. В селе Русановка, Житомирской области, гитлеровцы приказали крестьянам свезти половину снопов со своих участков новоявленному немецкому помещику Краузе. Двенадцать крестьян, не выполнивших этого распоряжения, были расстреляны. Немецкие власти обязали население окрестных деревень 5 дней в неделю бесплатно работать на помещика. За малейшее неповиновение колхозники подвергаются жестокой порке. Недавно немецкие рабовладельцы согнали всех жителей села на площадь и заставили их присутствовать при порке восемь женщин и девушек. Палачи раздели беззащитных женщин и били их плетками до потери сознания. Колхозница Екатерина Кондиенко не выдержала пыток и умерла.

Кабинет начальника штаба СФ

– Павел Анатольевич, вы можете наконец объяснить мне, ЧТО происходит??

– Так точно, Степан Григорьевич! В течение десяти дней неизвестная сторона, злостно пользуясь нашими позывными, передает нашим шифром на нашей волне оперативную информацию о немецких конвоях. Причем информацию абсолютно точную – пользуясь которой Видяев, Щ-422, Уткин, К-2, и наконец Столбов, Щ-402, добились трех подтвержденных побед.

– А почему «наконец»?

– Потому что Столбов в первый раз одновременно с Видяевым информацию получил, но тогда не поверил. После накачки, уже от нас, проникся и второй раз уже не зевал. В конце концов, кто бы то ни были – они на нас играют. А уж кто они – ищем, разберемся.

– Ищите. Разбирайтесь. А как вы вот это объясните?

– Ну, мы же должны были как-то различать депеши от штаба и этих, «летучих голландцев»? Оперативно сменили шифр и волну, указав, однако, на лодки, чтобы слушали и прежние, относясь с доверием.

– Ну да. И получили сообщение уже новым шифром и на новой волне. Адресованное уже непосредственно нам. «Штабу Северного флота, штабу бригады подлодок СФ. Мать вашу, сколько еще нам заниматься вашей работой? Если не доверяете, так посылайте по нашей наводке самолет-разведчик. А если вам не нравится – так вводите «метод опускающейся завесы», как у фрицев в Атлантике, и не привязывайте своих к позициям, где никто не ходит! Вам помощь в войне с проклятыми фашистами нужна или нет?» Так и сказано, подчеркнуто пафосно – «в войне с проклятыми фашистами», что в радиограмме совершенно излишне. Подпись – «Морской волк». Что на это скажете?

– Ищем. Разбираемся. Расследуем.

– Ищите. Или мне доложить командующему, чем наша разведка занимается, что не в курсе?

От Советского Информбюро, 8 августа 1942 года

Сдавшийся в плен солдат 268-го полка 113-й немецкой пехотной дивизии Карл Т. рассказал: «За первые две недели боев наш полк понес тяжелые потери в людях и материальной части. Он лишился всей артиллерии». Далее пленный заявил: «По дороге на фронт я видел, как бесчинствуют немецкие военные власти, как они притесняют население оккупированных районов, издеваются над жителями. В селе Сосновка солдаты 42-го немецкого запасного батальона отобрали у крестьян весь скот. Крестьяне, особенно женщины, потребовали вернуть им скот. Тогда по приказу начальника гарнизона солдаты схватили 60 человек крестьян, жестоко избили их и каждого третьего расстреляли. Мы проезжали много сел. Везде я видел незасеянные поля. Лишь изредка попадались небольшие клочки засеянной земли. Лошадей в деревнях почти нет, а машин тем более. Эти жалкие полоски крестьяне обрабатывали с помощью лопат».

Подводная лодка К-119 (уже «Морской волк»).

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович

Болтаемся в Баренцевом море где-то севернее Киркенеса.

Что делаем? Ну, прежде всего, ведем радиоразведку. Так что Леня Ухов и его подчиненные сейчас самые занятые люди. Собираем базу данных по всем немецким передатчикам: место, частоты, характерное время выхода в эфир. Место определяется пеленгацией с разных точек моря, оттого и ходим вперед-назад, благо обнаружить нас тут сложно, а мин вдали от берега, где глубина, нет. Пару раз, впрочем, приходилось нырять, обнаружив самолеты, но это не вызывало беспокойств. Чай, не «Орионы» с их сверхчуткой аппаратурой – хрен заметят!

«Тирпиц» не выходит. «Шеера» в Карском море нет – конечно, можно перехватить его еще на переходе, но есть задумка... Короче, пока заняться особенно нечем. Ждем.

Регулярно скидываем информацию нашим, благодаря чему уже пять немецких транспортов вместо порта назначения отправились к Нептуну. Окончательно обнаглев, попробовали передавать и расшифрованные немецкие депеши, на что получили запрос об источнике в крайне резкой форме. Видно, волнуются предки, что это какая-то игра.

Как ни странно, именно этот факт стал последней каплей в чаше принятия решения о Киркенесе. Вам конвоев немецких мало? Эскадры утопленной мало? Ну-ну!

Самая трудная часть в реализации этого дела лежала на Большакове и его ребятах. Тем не менее они приняли этот факт с великим энтузиазмом, поскольку до сего дня они считались самыми незанятыми и бесполезными людьми на лодке, что откровенно их тяготило. Единственной их заботой пока была охрана пленного немца – ну не самоубийца же я, чтоб разрешить ему свободное перемещение по кораблю! Однако запертый в изоляторе фриц вел себя предельно смирно, особенно после того, как он однажды пытался качать права и выражать свое недовольство чем-то, на что большаковцы, обрадованные случаем, вмиг устроили ему сцену из серии «мордой в пол, руки за спину и ботинком под ребра».

Пришлось даже сдерживать нашего главдиверсанта, предложившего выбрать объектом атаки не только аэродром, но и порт Киркенеса:

– Андрей Витальевич, простите, а кого вы собираетесь там топить? Самых «жирных», шедших туда, мы уже. Кого-то подобрали наши подводники с нашей же подачи. И, сколько мы сейчас смотрим, никто серьезный туда не входил уже неделю. То, что пришло раньше, фрицы, надо полагать, уже успели разгрузить и отправить по назначению. А тратить ракеты на пару тысяч солдатских сапог... Зачем?

Место было выбрано тщательно. Правда, в миле от него по берегу находился немецкий пост СНиС (службы наблюдения и связи), что в сочетании с полярным днем создавало проблемы. Однако же за нас было то, что в этом времени боевые пловцы казались экзотикой, а значит, немцы, прежде всего, смотрели за плавсредствами, идущими к берегу, а не за самой чертой воды. А также то, что по карте там была очень удобная бухточка, подходы к ней просматривались с поста, а вот она сама – нет.

– Пройдем, командир! – уверенно сказал Большаков. – На учениях последних, там тяжелее было! Там нас, между прочим, контрдиверсанты ловили, специально натасканные, с техникой – камеры, датчики наблюдения и вертолеты! А все ж не поймали!

Тем не менее кошки на душе скребли. Потому что самое худшее, что могло быть – это если кого-то из наших в плен возьмут. Да и как оставить оружие и снаряжение двадцать первого века немцам!.. Потому у Большакова был строжайший приказ: встретив серьезное противодействие, не геройствовать и возвращаться! Мы также были в полной готовности, решили, что, в случае чего, истратить торпеду на тральщик или даже охотник будет много меньшим злом, чем потерять наших парней. А Три Эс подготовил данные на стрельбу «Гранитом» по упомянутому посту СНИС, если по обстановке потребуется и такое.

Хорошо, что тут не было мин. Проверили гидролокатором – дно этому не способствует, глубины начинаются сразу от берега, и большой перепад прилив-отлив! Подошли максимально близко, насколько возможно, чтобы сэкономить батареи подводных буксировщиков. И две четверки последовательно выскользнули из торпедных аппаратов, экипированные по полной.

Мы отошли на десять миль, выставили антенну и погрузились в ожидание.

– Высадились нормально. Немцев в точке (месте высадки) нет. Выходим на маршрут.

Все же техническое превосходство – великая вещь! Не было в начале войны «сжатия» передач, когда сообщение в записи выстреливается в эфир за миллисекунды! Что-то похожее появилось лишь в сорок четвертом, и то на кораблях. Так что даже если немецкий слухач на этих частотах бдит (что само по себе проблематично, не использовались они тогда), он поймает лишь коротенькое «пик». И запись на магнитофон (вот они тогда уже были) с замедленной прокруткой не поможет при частотной модуляции и «цифре». Так что Большаков теоретически мог мне хоть «Войну и мир» в прямом эфире читать, – но привычка изъясняться кратко брала верх.

Через час пришло сообщение:

– Дошли до точки два. Отдыхаем.

Все правильно, подумал я, вспоминая, что знал про тактику диверсантов в тылу врага. Идут «перекатом» от точки к точке, пока одни выдвигаются к следующей, а другие страхуют, готовые прикрыть снайперским огнем. Затем вторые подтягиваются тоже, осматриваются, куда идти дальше – и по новой.

Еще через час:

– Дошли до конечной, точка зет. Цель вижу отлично. Ставим подсветку.

Точка зет – это выбранная по карте рельефа очень характерная точка, чтобы к местности привязаться. А подсветка – это инфракрасно-лазерный дальномер от этой точки до выбранной цели, дистанция и пеленг – чтоб их тоже на карте отразить. Ну, и для проверки – координаты вершин соседних гор. Затем, если обстановка позволит – то же самое с резервного места: точка игрек.

Ухов уже работает с картой карандашом, линейкой и транспортиром. Принимает координаты и описание целей. Как мы и ждали – немцам больше нигде летный состав селить. До города далеко. В палатках здешней зимой холодно. Блиндажи – грунт каменистый, долго и трудно. Так что стоят возле аэродрома пара домов барачного типа, довольно больших, двухэтажных, явно жилых – штаб и общежитие. Склад топлива, склад боеприпасов, ремонтные мастерские, несколько сборных железных ангаров, склады какого-то имущества, казармы охраны, позиции зениток – как «ахт-ахтов», так и двадцатимиллиметровок, доты...

Проходит еще около часа – и вся картина как на ладони, уже привязкой к координатам. Цели – для «Гранитов». Три Эс тут же, наготове.

Чего ждем?

Молчание. Напряжение нарастает.

И вдруг:

- Волку – Лес. Молоты по целям один и пять, сейчас скорее! Мы отходим!
– Лесу – Волк. Принято, подлетное две минуты. У вас все в порядке?
– В порядке, блин! Сейчас два и три рванут, кипеж будет, скорее!

Ничего себе! Они там успели склады ГСМ и БК заминировать? И, конечно, часовых грохнули – надеюсь, что по-тихому! Потому что, если фрицы успеют найти жмуrows, весь берег будет стоять на ушах! А если ГСМ и бомбы взорвутся раньше, все фрицы из барачков вылезут на шум. Потому что цель один – это как раз общежитие-штаб. Пять – это скопление самолетов, уж очень удачно стоят, кучно, явно не боятся ничего фрицы!

– Боевая тревога, ракетная атака! Отсчет пошел...

Что ж – с богом!

Дрожь корпуса, рев. «Граниты» ушли. Интересно, что подумают немцы на посту? А плевать, что подумают – потому что никому ничего не сообщат. Не сообщат, потому что Леня врубил установку помех на полную катушку. Теперь волна, на которой вылезет любой передатчик, определенный как немецкий, будет тут же забита «белым шумом».

Была вообще-то идея в качестве шума выбрать немецкие ругательства и даже композиции «Рамштайна», но по размышлению ее отбросили. Все же лучше, если фрицы хоть поначалу будут считать помехи природными. Это север, тут радиостанции вообще иногда работают непредсказуемо, и это может при случае подарить нам время.

– Волку – Лес. Цели поражены. Цель один вообще взлетела, как... Мы отходим, ждите.

Артисты! А мне сейчас за сердце держаться и валидол пить? Случись что, с кого бы товарищ Сталин спросил? Ну, погодите у меня – только вернитесь!.. Ох, только б вернулись скорее – и все!

Ждем. Идти к берегу нет смысла. Пока они там спустятся с горы и подадут сигнал... Тогда мы сразу же выйдем в установленное место.

Время идет – а сигнала нет. Вызываем сами. Ответ:

– Волку – Лес. Нормально все. Позже.

Что значит «позже»? С чем-то непредвиденным столкнулись, или... Опять самодеятельность?!

Еще через два часа. Блин, седым стану!

– Волку – Лес. Мы на катере. Идем навстречу, подберите!

Мля! Катер – откуда?!

– Боевая тревога!

Идем к берегу в полной боевой. Поднимаем перископ.

– Лесу – Волк. Вижу катер, раумбот, курсом норд. Это вы?

– Волку – Лес. Мы это, мы!! Сейчас ратьером дадим.

Вижу – на катере мигает огонек.

– Волку – Лес. Всплывать не бойтесь – нет больше поста! У нас потерь нет!

Ох, е!!! Театр самодеятельности, а не диверсанты!

Капитан второго ранга Большаков Андрей Витальевич

Ну вот, дождались! Сидели без дела, едва не рехнувшись, когда вокруг творилось такое – и наконец наш выход!

Командовать решил сам. Четыре «Сирены», подводных буксировщика, возьмут лишь восьмерых плюс снаряжение – потому Валентин остался на лодке. С моим приказом:

– У тебя важная задача немца охранять! А вдруг он сбежит и, как кок Сигал, весь экипаж голыми руками порешит? Так что бди!

Но Валька, кажется, все равно обиделся.

Идем – выскользнув на глубине из подлодки через торпедные аппараты. И если вы считаете, что мы, со всей нашей тренировкой, имея неоднократный опыт подобных заплывов, получали удовольствие от процесса, то вы сильно ошибаетесь!

Водичка в Баренцевом море очень холодная даже летом. А на глубине пяти метров не прогревается никогда. Обогреваемые гидрокостюмы позволяли не замерзнуть вусмерть, но ощущение было мерзейшее. Представьте, что вы в час пик едете в переполненном – даже не автобусе, а открытом кузове грузовика. Причем не в Москве, а в Норильске, да еще зимой и в пургу. Получите примерную картину, как себя чувствовали мы.

Одно лишь было хорошо: обнаружить нас было решительно невозможно! Не было в этом времени ни соответствующих технических средств, ни отработанной тактики. Ну если только поставить в угрожаемом месте на берегу часового с ящиком гранат, которые кидать в воду через произвольные интервалы.

Пару раз приходилось осторожно подвсплывать, чтобы уточнить курс. Вход в фьорд, на юго-запад, слева открывается залив, по берегам которого, собственно, и расположен Киркенес, но нам туда не надо. Аэродром расположен на полуострове, отделенном этим заливом от города ближе к основанию. Место, выбранное еще по карте (спутниковой, из нашего времени – но вряд ли за это время изменились очертания берегов), нашли без проблем. Под скалой, нависшей над водой, сверху нас было не разглядеть. Рядом удобная площадка, как галечный пляж – и расщелина, ведущая наверх, только опытному скалолазу по силам, ну и нам, поскольку штатная ситуация: на Севере скалы у берега, считай, всюду, иной пейзаж встречается редко.

Спрятав наших подводных коней и снаряжение, мы в темпе экипировались по-сухопутному. Схрон, однако, заминировали – на тот невероятный случай, если кто-то найдет, «так не доставайся же никому». Прислушались. Если наверху фриц с гранатами, мы тут как в мышеловке, уже разоблачились, быстро не нырнуть – но это уже паранойя, ну никак не могли нас тут ждать! Поднялись, осмотрелись – и пошли.

Горная тундра – скалы, валуны, болотца и озера. Присутствовала, однако, и «зеленка» – если считать таковой карликовые березки, местами растущие довольно густо, да кусты черники и голубики, высотой по колено и даже выше. Мы шли очень осторожно, тщательно изучая местность, по которой, возможно, придется отходить с погоней на хвосте. И очень медленно – потому что не имели права быть обнаруженными.

Патруль мы видели лишь один раз. Пятеро немцев шли вдоль берега, мы же были выше и дальше, на склоне – так что нас не могли заметить. В целом же идти было приятно и легко. Ну не надо в этом времени опасаться датчиков движения и скрытых камер, на какой-нибудь глухой тропе – после чего над вами через пять минут повисают вертолеты, из которых сыпается спецназ, а по дорогам уже мчатся машины с мотострелками, оцепляя весь район. Как на тех учениях «Север, две тысячи какой-то», которые армейские острословы прозвали «Путин, две тысячи какой-то», из-за присутствия Самого – и, между прочим, тогда нас так и не поймали, а мы прошли куда надо и сделали что надо, хотя побегать пришлось.

Сообщение на лодку, короткий отдых перед последним броском – и вот мы на вершине! Точнее, в точке «зет». Ставим аппаратуру, срисовываем картинку, скидываем инфу. Заканчиваем здесь, переходим на запасную точку игрек. Попутно внимательно наблюдаем за обстановкой.

Немцы здесь непуганые. Ну не было тут, в текущей реальности, партизан, подпольщиков, да и наши диверсы сюда не наведывались. Нет, орднунг есть орднунг – объекты огорожены колючкой, вон вышка торчит с пулеметом, блокпост на въезде, со шлагбаумом и двумя пулеметными гнездами, часовые стоят, бдят. Но вот поведение их – ну, как вам объяснить понятнее?

Представьте, что вас поставили бдеть. А ничего не происходит. Время идет. Каждый раз пусто. И что?

Вы «оптимизируетесь». Выработаете для себя программу, как на автопилоте – наиболее экономичную. Одинаковые действия по заведенному алгоритму. Не задумываясь над смыслом – потому что «так положено». Иногда говорят «замыливается глаз», – но это еще опаснее. Потому что ваши действия становятся предсказуемыми, и умный противник всегда может найти «дыру».

Так вот, немцы вели себя именно так – неся патрульно-постовую службу, как давно заведенный и неизменный церемониал, в миллион первый раз. А мы оказались как раз таким, опытным и творчески мыслящим врагом.

Поначалу мы намеревались держаться строго в рамках задания. Отметить на карте общежитие и штаб, два здания барачного типа, над одним из которых болтается флаг, кинуть ЦУ для «Гранитов» – и делать ноги. Но фрицы сами спровоцировали нас своим злостным неуважением к советскому спецназу (ну а пластик у нас был, взятый «на всякий случай»).

Уж очень удачно располагалась точка игрек – как раз над складом ГСМ! Пара зарытых в грунт цистерн, несколько штабелей бочек – и все это, огороженное колючкой, охранялось только одним часовым, уныло болтающимся по периметру! Причем часть его пути была не видна с других постов. Со складом боеприпасов, располагавшимся в полукилометре, было сложнее – там находились и упомянутая вышка с пулеметчиком наверху, и часовой на воротах, и два патрульных, ходящих по периметру навстречу друг другу. Но подходы были такие, что незаметно подобраться почти вплотную при нашей тренировке и некотором везении было довольно легко. Также на руку нам сыграло полное отсутствие здесь сигнализации самой древней и простой системы «гав-гав», как именует мой зам, старлей Василий Гаврилов, злобных четвероногих тварей, науськанных на людей. Короче – работаем, мужики!

Часового снял Брюс, Юрка Смоленцев из Звенигова – классный рукопашник, получивший свой позывной оттого, что, случись ему встретиться с киношным Брюсом Ли, китайского чемпиона гарантированно унесли бы, и хорошо если не ногами вперед. Еще он виртуозно владел ножом на короткой дистанции, предпочитая его «бесшумке». Так что фриц, который мирно брел вдоль забора с винтовкой за плечом и думал, наверное, о своем звере-фельдфебеле, который на этом посту категорически запрещает курить, умер быстрее, чем успел понять, что случилось.

Время пошло – вперед! Сменить этого часового должны не раньше чем через полтора часа, уж графикто мы срисовали. Колючка простая, без датчиков движения, не под током и даже без всяких подлостей вроде стальных поводков с рыболовными крючками или подвешенных пустых банок – это для профессионала не преграда (ну а кто не знает, как ее преодолеть – тому этого и не требуется). Заряд пластида под цистерну, установить на тройной взвод – радиокоманда, время, неизвлекаемость – и теперь, чтобы не бабахнуло, фрицы смогут вывезти весь склад лишь не дыша и не чихая вблизи. Здесь всё, быстро ко второму!

Четверо наверху – снайперы, группа поддержки. А мы внаглую идем понизу. Брюс накинул шинель часового в расчете на то, что один вроде бы свой, и трое при нем менее подозрительны издали, чем четверо неизвестных странного вида (хотя форма наша, при некотором воображении, издали могла сойти за немецкую летную). При встрече лицом к лицу это, конечно, не сработает, но не сказать, что тут оживленно. Пару минут, ну только пару минут! Вряд ли нам попадет группа фрицев, тем более что технари тут часто ходят без оружия, а у одного-двух столкнувшихся с нами путь один – на тот свет!

Соседним со складом ГСМ был домик, как оказалось, электростанции. Слышалось тарахтение дизелей, часового у входа не было! Естественно, мы расценили это как приглашение зайти. Внутри оказался только один немец, чумазый, без оружия, ковырялся в каком-то агрегате. Рябой (мичман Борис Рябов) выстрелил ему в затылок из «бесшумки». Шварц (мичман Степан Ведерников) за полминуты приладил под станинами обоих дизелей по такому же «сюр-

призу», как на складе горючки; еще несколько секунд ушло, чтобы оттащить тело моториста в дальний угол, где нельзя заметить сразу, при взгляде из дверей.

Дальше – домик с антенной. И тоже снаружи никого! Подходим, и дверь открывается сама! За ней рослый фриц, на шее висит МР-40. Мы на адреналине. Не останавливаясь, даже не успев задуматься, бью фрица ножом, самому непонятно как оказавшемуся в руке! Впикиваем тело внутрь, не давая ему упасть. Врываемся сами. Коридорчик. Первая дверь – какая-то подсобка, никого. Дальше сразу две – налево и направо. Вместе со Шварцем врываюсь в левую, пока Рябой и Брюс – в правую. Передо мной аппаратная, горят лампочки, что-то гудит, старинная аппаратура, приемники-передатчики размером со шкаф, полки с какими-то железками, провода. И фриц как паук во всем этом. «Ну точно сисадмин в офисе», – мелькнула неуместная мысль. Даже обернулся на меня так же возмущенно, как на вторгшегося в его епархию. Стреляю ему в голову. Кажется, он так ничего и не понял – выражение на лице так и застыло.

– Порядок, командир! – Это уже Брюс.

– Шварц, Рябой, разберитесь! – Указываю на аппаратную.

Пока ребята все там минируют, заглядываю в правую дверь. Блеснул узкий серебряный погон, мертвый офицер навалился на стол, вокруг бумаги. А вот, похоже, шифры и журнал – сую в сумку. Здесь всё, уходим!

А вот сейчас – настоящая работа. От нас до склада боеприпасов метров сто. Все зависит от наших снайперов: четыре стрелка и четыре цели. Риск, конечно, но нельзя иначе! Дистанция – вполне для «Винтореза». И два «Вала» у нас. Завалить всех надо так, чтобы никто не выстрелил, не вскрикнул. Выждать время, чтоб ходившие оказались на простреливаемой стороне. Щелчок по рации. Начали!

Удалось... Главное – пулеметчик наверху так и сел внутри своей конуры, не вылетел наружу! Лежит охранник у шлагбаума, лежат двое ходивших. Вперед!

Перемещаемся быстрым шагом – бежать нельзя, вдали иногда мелькают техники или еще кто, идущие по своим делам. Мы тоже идем, будто у нас там законное дело. Жмуров быстро, то ли внутрь, то ли в канаву, с глаз долой. А Шварц – внутрь! Через пару минут выскакивает довольный.

– Сделал!

Мы уходим. До домика радиостанции – тем же быстрым деловым шагом. Дальше, увидев, что никого в поле зрения, бежим. Господи, дай еще три минуты! Если у кого-то из фрицев зацепится глаз, что на вышке нет часового! Если кому-то понадобится зайти по делу на радиостанцию или на любой из складов! Но фрицев теперь ничто не спасет – все взорвется, да и Василий уже вызывает лодку, вот-вот будет нанесен ракетный удар по штабу с жильем летчиков и скоплению самолетов в конце полосы. Мы уйдем при любом раскладе, но удастся ли уйти без потерь?

Удалось. Вот мы уже на гребне, между точками зет и игрек. Залегли, смотрим, ждем.

Взрыв тричетвертитонной боеголовки «Гранита» был похож на мгновенное торнадо из голливудских фильмов-катастроф. Дома просто взлетели со всем содержимым, мелкими кусками, ударившими по всему вокруг, как поражающие элементы МОНки⁸. Тут же по радиокоманде начали взрываться другие объекты. Взметнулся огромный столб пламени на складе ГСМ, взлетела электростанция, дом с рацией, и в завершение рванул склад БК. Несмотря на расстояние, нас чуть не снесло с вершины – хороший же запас бомб и торпед так и не будет сброшен на головы нашим! На фоне этого взрыва даже второй «Гранит», расшвырявший «юнkersы» и «мессершмитты» как игрушки, выглядел как-то неубедительно. Хотя семьсот пятьдесят – и не тротил, а смесь ТГА (тротил + гексоген + алюминий) почти вдвое сильнее.

В общем, с этого аэродрома немцам еще долго не летать!

⁸ Мина осколочная, направленного действия, зона сплошного поражения сто метров.

И в завершение немецкие зенитчики открыли бешеную стрельбу по облакам. Которые покрывали небо не таким уж плотным одеялом, но вполне могли спрятать один или несколько вражеских самолетов, что по понятной причине было нам лишь на руку.

Ну, теперь давай бог ноги!

Обратно добираемся часа за четыре. Без приключений. Вот, наконец, и место нашей высадки, столб дыма был виден даже отсюда! Залегает и тщательно осматриваем местность. Надо убедиться, что никто не помешает нам готовиться и стартовать в обратный заплыв. Все чисто! Везет!

Сваливаемся по расщелине вниз. И – прямо на головы двух норвежцев.

Еще три фигуры на приткнувшейся к берегу посудине. Что-то вроде большого баркаса, но с палубой и даже крошечной каютой. Может, там еще кто-то есть?

Двое на берегу – пожилой и молодой. На борту – еще один молодой и две женщины, постарше и помоложе. Одеты как обычные рыбаки, оружия ни у кого не видно. Застыли статуями, совершенно обалделые. Сидели тихо-мирно, костерок собирались развести – вон, уже кучка плавника собрана, и котелок в руке у молодого – и вдруг, как черти из коробочки, выскакивают восемь здоровых мужиков, увешанных оружием. Что будет дальше – неясно, но уж точно ничего хорошего!

– Хальт, хенде хох! Руки вверх, суки!

Повожу стволом «Вала», держа всех в секторе огня. Ребята в темпе рассредоточились, не забывая и о подступах, держат под контролем и фланги, и тыл.

И тут пожилой подал голос:

– Русские, что ль?

За бортом плещет вода. Мы медленно движемся к выходу из фьорда. На палубе тесно, потому что все мы здесь. И хозяева тоже. Все живы и здоровы. Пока. Ну а дальше – как Бог и удача положат.

С немцами было бы много проще. Их «мирняк», деревенские бюргеры, хозяева насмерть забивали, травили собаками, морили голодом, наших рабов, «за леность и неусердие», о чем остались документы, воспоминания тех, кого наши успели освободить. Спасаясь от нашего гнева, эти рабовладельцы бросились в бега, зимой, лишь с тем, что могли унести. Был февраль сорок пятого. А первый город на их пути, где можно было обогреться, поесть, передохнуть и даже сесть в поезд, назывался Дрезден. Сто тридцать пять тысяч погибших под английскими бомбами – это лишь официальные потери. Те, кого смогли как-то опознать, о чьей пропаже было заявлено – жители самого города. А сколько было проходящих беженцев – не знает никто, даже сейчас. Двести, триста тысяч, полмиллиона?

Мне их не жаль. Пусть это будет их плата за Ленинград!

Так что, будь это немцы... Не мы начали первыми, не мы придумали план «Ост», не от нас «сотни тысяч заживо сожженных» в Бухенвальде, Освенциме, Дахау, Майданеке и многих других. «Мы все равно победим – кто будет судить нас?» – вы не думали в сорок первом, что так будет и с вами, потому что вы сами дали нам такое право. Можете жаловаться в Гаагский суд, надеюсь, в этой реальности не будет суверенных шпротий, где ветераны эсэс устраивают парады, а советских партизан кононовых объявляют убийцами. Мы знаем, кто победит!

Будь «мирняк» норвежским – ну, середина наполовину, «будем посмотреть». Спецоперации – это никогда не бой местного значения, цель и ставки обычно повыше. А потому мы стоим перед выбором: жизнь чужого гражданского ценой больших потерь наших на фронте или, соответственно, наоборот. Что бы выбрали вы?

А взять в ножи пятерых, в том числе двух женщин – дело нескольких секунд. Именно в ножи, не тратя пуль, да еще имитировав ограбление, чтобы замести следы и не озаботить их контрдиверсов хотя бы на время. Наверняка в Норвегии тоже был криминал, и вряд ли

местные душегубы с приходом немцев все разом стали законопослушными, ну если только новые хозяева не вписали их всех в «норге полицай».

Но сейчас случай был особый. И время, и ситуация терпит. Плюс какой-то шальной азарт – пошло везение! И здравая мысль сэкономить батареи буксировщиков – а вдруг не сразу найдем лодку? И не придется плыть в ледяной воде.

Вообще-то русские жили в этих местах со времен Великого Новгорода. Шпицберген раньше звался Грумант, и еще прежде, чем тут начали селиться викинги, стояли по этим берегам поморские деревни. В девятнадцатом веке граница была тут условным понятием – и роднились семьями, и переселялись свободно, но бывало, и бились насмерть за охотничьи угодья. Однако самая волна пошла в революцию и двадцатые – бежали и «бывшие», и «крепкие хозяйева», и верующие сектанты, да просто те, кто желал подальше от огня гражданской уйти. Как раз в это время знаменитый Амундсен совершил первую кругосветку через наши полярные воды – плыл себе сквозь льды, пока где-то воевали с Колчаком.

Наш хозяин Олаф Свенссон – Олег Свинын – был, похоже, из последних. Хотя в разговоре старательно избегал прямых ответов. То, на чем мы плыли сейчас, оказалось его «семейным предприятием» – старшая женщина была его женой, молодая и один из парней – его дочерью и сыном, второй парень – мужем дочери. Жили они дальше по берегу этого фьорда, в... – слово это у норвежцев означает и «деревня» и «хутор». На жизнь зарабатывали – ясно чем.

– ...рыбаки мы все, земля-то не пахотная! Что поймает – сыты будем. Перед войной хорошо жили – не богато, но и не бедствовали, а что еще человеку надо? Я на траулере, полгода сезон, полгода дома. Сына хотел в училище морское отдать – да вот война, ну да после пойдет... Дочку замуж выдал в тридцать девятом, за хорошего человека – образованный, места капитана ждал, помощником ходил уже два года. Дом по дешевке купили, починили, баркас этот – тоже...

Земля пахотная – ну никогда не сказал бы так норвежец, да и наш, живший тут поколения. Точно – с двадцатых ты, псковской или тверской – на хохла не похож... И попал ты на севера не иначе как в раскулачивание, а границу перелетел, воронок, срок оттянув на канале – до тридцать третьего тут граница еще на некрепком замке была, слышал что-то... Ну да я тебе не товарищ Ежов или Берия, мне твое житие прошлое по барабану. И слушаю я тебя очень даже внимательно, единственно чтоб понять – чего ждать от тебя и твоего семейства прямо сейчас. Потому как не решил еще – дойдем до стоворенного места и мирно разбегаемся, или...

– А что ж ты здесь? Тебя послушать – так тебя, зятя да и сына на любое судно бы взяли, может, даже не простым матросом, а целым боцманом? Или немцы в торгфлоте своем сейчас мало платят? Уж точно не одной рыбкой бы питались!

– Или на дне бы лежали. Сколько знакомых моих лежат, война ведь! А по-нашему, так лучше – не в первых, но зато и голову сохранишь. Пока – война. Ну а после видно будет. Те победят, эти – всем моряки нужны. И рыба тоже.

– Так ты что, за немцев, или...

Знал бы ты, дядя, что ответом своим сейчас приговор выносишь. И себе, и всем своим.

– Знаешь, начальник, отчего я от Советов ушел? С землицы родной, где дед и отец мои остались? Это вот «даешь!» – и гори, себя не жалея, ради общего дела. Нельзя так, чтобы всем и по приказу! Вон, кровь моя, сын Игорем был – стал Ингваром, и дочка Оля – стала Хельгой, от русских речь только осталась. Я ни за тех, ни за этих – я за жизнь, которая при любых должна продолжаться. А не гореть, незнамо за что.

М-да, а впрочем, если б не план «Ост» – не стало бы у нас таких свенссонов. Ладно, живи, дядя, раз семью свою так любишь. Потому что донесешь после – и хрен немцам докажешь, что случайно помог: подметут и тебя, и твоих без остатка.

– Как знаешь, дядя. Только тех, кто смиренно сидит, тех первыми и режут, как один мой знакомый сказал, Румата Эсторский – ну да ты не знаешь его. Мы вот, может быть, своей

смертью и не помрем, хотя и хочется, но уж точно любому врагу напоследок такое устроим, в аду нас со страхом помнить будет. А тебя прихлопнут походя, как комара – и даже отомстить некому.

– Не прихлопнут, – твердо ответил Свенссон. – Рыбка, она всем нужна. Как хлеб. Война, не война – а кушать хочется.

– Ага. Хочется. Потому ты сейчас и плывешь на палочном ходу!

Немцы – это орднунг! То есть, чтобы ничто мимо кассы! Здесь, в Норвегии, не было таких зверств, как на Восточном фронте, но налогом облагалось всё; причем в отличие от большевиков с их продразверсткой или братков девяностых с их поборами «за охрану», собиралось все до копейки, и никакие оправдания в расчет не брались по определению. Норвежцы, естественно, не были дураками – как учесть, сколько рыбы ты вчера поймал? – но и немцы тоже. Таких, как Свенссон, могли остановить в любое время и по своему усмотрению забрать любую часть улова (правда, пару самых тощих рыбин обычно оставляли, чтоб с голоду не помер).

Впрочем, менты – они одинаковы всюду и во всех временах. В конце девяностых мне пришлось по делу с месяц жить в Питере у одной дальней родни. Васильевский остров, Шестая линия – и прямо под окнами, у закрытого кинотеатра, самостийный «блошинный рынок», на который раз-два в день совершали налет менты. Лениво покрикивая что-то о торговле в неустановленных местах, они обходили ряды, собирая оброк в свой карман, надо полагать, по закону! Еще у этой родни в квартире делали ремонт два таджика – клали плитку в ванной; так вышло, что по завершении не оказалось под рукой машины, чтобы отвезти их обратно.

– Тогда на такси дай, хозяин! Уговор был, что отвезешь. И вызови.

– Вы что, оху...? Отсюда до Петроградки – пешком добежать двадцать минут, тем более что лето, сухо и тепло! На трамвай дам – и не борзейте!

– Нет, хозяин, нам нельзя. Милиционер спросит – где регистрация? Вот, пятьсот рублей. Дальше другой подойдет спросит. А если в участок, то все деньги, что ты заплатил, найдут и отберут. На такси дешевле выйдет, хозяин! За что работали?

– Тьфу! Ладно, держите еще – вызову сейчас.

М-да, оставляли рыбакам не много, лишь чтобы с голоду не померли. Но для Свенссонов рыба была не одной лишь едой, но и товаром на продажу, за который они только и могли купить хлеб, одежду, любую нужную в хозяйстве вещь – и топливо тоже! Потому сейчас мы сплавлялись, не включая мотор, пользуясь отливом – сам хозяин, его сын и зять здоровенными дрынами (назвать это веслами у меня язык не поворачивался, разве что такие на римских галерах были) то подгребали, то отталкивались от дна или камней.

– Так даже лучше. Там, на мысу, раньше лоцманский пост был. А теперь немцы свой поставили. Мимо идешь – остановят, обыщут, заберут. Особенно если с уловом идешь.

Это он про тот самый пост СНиС.

– ...мотор слышно издали – подходишь, там ждут уже. А вот так, по-тихому, с отливом туда, приливом назад, могут и не заметить. Внизу, у причала обычно часового нет, ну если только кто из солдат с удочкой, так это не страшно, можно даже на рыбину сигареты выменять. Когда туда, и так обычно пропускают – знают, что пустой. Но с вами лучше, чтоб спокойнее...

Ага. И гарнизон того поста – шесть человек. И, как наш хозяин успел рассказать, причал от домика не виден. Причем двое всегда в домике – надо полагать, сигнальщик-наблюдатель и дежурный по связи (блин, радио там у них или телефон?). Итого в «комитет по встрече» входят максимум четверо. Против нас. Справимся!

Это если все же остановят. Если не сумеем, по замыслу, тихо пройти дальше за мыс и там, быстро облачившись, нырнуть. В самом худшем случае – как нам тогда казалось.

Сигнал вызова. Немного нехстати. На лодке волнуются, ждут.

– Волку – Лес. Нормально все. Позже!

Не объяснять же, что плывем на баркасе с радушными хозяевами из местных! Просто ответили, что все целы, возвращаемся. И можем чуть задержаться, поскольку скорость этого плавсредства сейчас явно меньше наших «Сирен». Разве что за мысом включим мотор.

Близко уже. Вот сейчас, за тем выступом, откроется пост. Мы сидим или полулежим на палубе, спускаться в маленькую каюту или в трюм никто не захотел. Оружие не на виду, но готово к бою. Хозяева дали нам надеть длинные прорезиненные плащи, сами оставшись в свитерах, так что мы, на первый взгляд со стороны, сойдем за местных. Без драки или с ней – а пофигу, прихлопнем походя еще четверых тыловых насекомых! А когда нырнем, хрен нас чем достанешь – и опять болтаться по лодке без дела, ей-богу, выпрошу у командира этого пленного штурмана для отработки на нем приемов рукопашки, не на членов экипажа же нападать!

Свенссон клянется, что в это время на посту обычно тихо. И мы пройдем без помех.

Не прошли.

Вот он, пост. Домик наверху виден плохо, только часть крыши. А внизу причал, где уже ждет «комитет по встрече».

Катер-стотонник. Две двадцатимиллиметровки, на носу и корме. На палубе штук пять фрицев. Заметив нас, шустро готовятся: старший что-то рывкает, выскакивают еще трое с автоматами, те же, кто был на палубе, разбегаются, двое к носовой пушке, один к кормовой. Офицер орет что-то, уже нам – смысл понятен.

– Досматривать будут, – упавшим голосом говорит Свенссон. – Пропали мы.

– Подходи к борту, – отвечаю я тихо, – и сиди смирно. Как начнем – падайте на дно, если хотите жить.

Так, диспозиция... Рябой на носу, Шварц на корме – изображают полную апатию. Брюс с Владом посредине, я возле каюты, на виду, остальные за ней. До немцев метров шестьдесят, нас несет прямо на них, все трое Свенссонов работают веслами-шестами. Только бы сблизиться, потому что против «эрликонов» мы не потянем!

Ну вот, борт катера уже почти нависает над головами. Двадцатимиллиметровки теперь не опасны – их стволы над нами, ну чего ты вцепился, дурачок, очередь у тебя выйдет по воде! Второй немец от носовой пушки перешел к борту, кидает нам конец, немец на корме делает то же самое, Шварц и Рябой принимают, трое со «шмайсерами» готовы прыгнуть на баркас, а это нельзя, сразу увидят плохо спрятанные стволы. С Богом!

Дальнейшее длилось много меньше, чем наш рассказ о том.

Правду писал Бушков-Пиранья о страшном огневом ударе спецназа. Сила тут не в огневой мощи, – побольше стволов! – а в синхронности и одновременности. Когда каждый в темпе валит своего противника, не отвлекаясь на других, которых сработают твои товарищи.

Стреляю в автоматчика, показавшегося мне наиболее опытным, а значит, самым опасным. Брюс броском вбивает нож в другого, в руке его сразу возникает ПБ (пистолет бесшумный), – и я так и не понял, он или Влад вlepили пулю в голову третьему со «шмайсером». Василий, выскочивший из-за каюты как чертик из коробочки, поливает огнем «Вала» мостик катера, скосив офицера и матроса рядом. Шварц и Рябой стреляют в «своих» немцев, так и не успевших отпустить швартовые канаты. Ну, а матрос у пушки, похоже, получил свое одновременно с «моим» от двух Андреев.

И все это – первая секунда.

Взлетаем на палубу. Не вылезет ли снизу кто-то еще?

Шварц, Рябой – у пушек, сделав «контрольные» в голову «своим» фрицам. Крутят на берег, поскольку главная опасность сейчас от поста. Брюс – на мостик с «Винторезом», успев проконтролировать тех двоих. Я – приоткрыв люк в машинное, кидаю внутрь световую гранату и плотно захопываю; Василий проделывает то же с кубриком. Как позже выяснилось, напрасно, поскольку в кубрике никого не оказалось, а вот в машинном мы обнаружили двух оглушенных немцев.

Пять секунд – и катер полностью наш. Боеспособного противника в пределах видимости нет.

Двоих из машинного вытащили на палубу. Качественно связали – руки за спиной, свободный конец петель на шею – и сунули в кубрик, который до того осмотрели на предмет наличия оружия или чего-то подобного. Жмуров («двухсотые» – это лишь наши, а враг – это «тушки», или «жмуры») отправили за борт. Гильзы от «бесшумок» – тоже.

Минута. Зачистка и контроль завершены.

По большому счету нам крупно повезло в том, что у немцев было слишком мало времени для оценки ситуации и принятия решения. Увидев нас издали или услышав мотор, кто-то бдительный мог бы сопоставить дым на аэродроме, видный даже отсюда, и странных пассажиров баркаса. А они действовали по уже привычной, заведенной программе «стрижка овец», даже не задумавшись, что вместо овечек могут попасться волчарылюдоеды. На Восточном фронте тот же немецкий летеха, уже знающий, что такое партизаны, вел бы себя иначе. Например, спешно вооружил бы всех своих (было чем – мы нашли на катере еще «эмгач» тридцать четвертый и семь маузеровских винтовок в оружейке), заставил бы подойти под наведенными стволами, и не самим прыгать для досмотра, а нам подниматься на катер по одному. Мы бы и тогда справились – ну не могли их матросы быть обученными, как правильно контролировать группу, и уж точно не владели боевой рукопашкой. А у нас не только ножи попрытаны при себе, но и «пэбэшки». Так что для немцев кончилось бы все так же, но и у нас вполне могли быть «трехсотые» и даже кто-то «двухсотый»! Ты привык к тихой оккупированной стране, морячок – к усмирной стране, где не смеют поднять руку на немца, зато полно овец, которых подобает стричь, а не резать без дела. Потому ты не знал, когда надо спрашивать документ, а когда сразу стрелять на поражение. Не умел определить, кто перед тобой, овечка или волк. Вот и повел себя, как мент с Невского, вдруг оказавшись в чеченских горах. По правилам другой войны.

Кстати, а в каком ты был чине? Это у нас на таком кораблике летеха в самый раз, но у немцев в ту войну, Саныч говорил, на лодках «тип семь», на должности, аналогичной нашему командиру БЧ мог быть не офицер. Или дойчи столько лодок наштамповали, что просто не успевали обеспечить их нормальным комсоставом, ну, как наши перед войной летчиков сержантами выпускали? А в надводном флоте было иначе? Блин, поспешили тушки за борт выкинуть – нет, из карманов все выгребли, как положено, но я-то по-немецки не шпрехаю, вот английский – да, в совершенстве. Какие у дохлого знаки различия были? Китель, не форменка – значит, точно не матрос, но, может, унтер?

Вот не помню штатного расписания таких вот «единиц». А ведь тут не все! Это – раумбот, формально – моторный тральщик, но у немцев фактически «охотник», рабочая лошадка. Так, еще раз вспомнить Сан Саныча: два «эрликона» – значит, ранняя модель, до типа «R-17», 120 тонн, 21 узел, экипаж 17 человек! Минус десять – где еще семеро? На посту, ножки размять решили – значит, сейчас заявятся обратно.

Не зная, что случилось. Ну-ну!

У пленных спросить? Да, а как наши Свенссоны с хозяевами объяснялись? Что, немцы все норвежский выучили? Скорее уж они за два года поднахватались. Иначе как бы, как сами признались, сигареты на рыбу у немецких матросов выменивали?

Оглядываюсь. Свенссоны, похоже, так и сидят с открытыми ртами – впечатлились по самое не могу!

– Эй! – машу рукой хозяину. – А ну, быстро сюда!

Он осторожно поднимается на палубу. Боязливо обходит кровь, стараясь не испачкать сапоги.

– По-немецки понимаешь?

Он кивает. Зову Василия, и спускаемся в кубрик. Свенссон идет как овечка. Вид у него такой, словно это его сейчас будут подвергать экспресс-допросу в походно-полевых условиях, с применением всяких неприятных средств.

Так. Немцы уже очухались. Но если один лежит смиренно, в том же положении, и в глазах его страх, то второй, похоже, извертелся, пытаюсь освободиться. Что же – поиграем в хорошего и плохого копа в едином лице. Трогаю веревки на смирном, говорю довольным тоном: «Гут». Затем подхожу ко второму, неодобрительно качаю головой, кидаю зло: «Нихт гут», – и качественно бью его в живот. И еще, и еще – по печени, по почкам, под ребра. Не из зверства – а чтоб второй видел, что будет за нелояльность.

Отхожу, оцениваю. «Тихого» немца, похоже, проняло – смотрит с откровенным ужасом. Свенссон, впрочем, тоже. Вздергиваю «тихого», вынимаю кляп, сажаю так, чтобы он не мог видеть второго (по идее, надо бы порознь допрашивать – так где?). Достаяю нож, касаюсь кончиком лица немца, отвожу ему веко, будто собираюсь вынуть ему глаз. Немец визжит, как свинья, – тьфу, обмочился, сволочь!

– Спроси, сколько их тут? Кто командир? Где остальные? Зачем зашли на пост?

Да, прав был Лаврентий Палыч, что битие определяет признание! Я тоже оказался прав – их было семнадцать, командир – лейтенант Фольтке. Находились в патруле, близ Киркенеса, вдруг пропала радиосвязь. Лейтенант заподозрил поломку рации и, чтобы не подставлять своего радиста, а заодно и себя, решил послать сообщение с берегового поста со своими позывными. Сейчас там должен быть на смене какой-то лейтенантов знакомец, он прикроет. Нет, обычное сообщение, по распорядку. С лейтенантом пошли все, кто хотел ноги размять – шестеро. За старшего остался обер-маат Баер. Ушедшие должны вернуться, лейтенант сказал, максимум через полчаса, как только отправят депешу. А когда они пришли – да только четверть часа прошло...

Черт! Вот это рояль в кустах! Только-только пришли – а тут мы! Хотя как сказать: было бы хуже встретить их уже в море, катер на ходу, все на борту. Но это значит, «потеряшки» сейчас вернутся, сколько у них времени, чтоб убедиться, что связи нет?

В темпе привожу немца в прежнее состояние – затыкаю рот. Вылетаем на палубу.

– Сейчас пойдут. Вот по тому спуску – там и прижмем. Работаем только «Валом» и «Винторезами» – бесшумно. Как только вон к тому камню подойдут.

Ближе подпускать нельзя – разглядят, что-то не то. А там спрятаться негде. Открыто все, как ладонь. Интересно, немцы с оружием или без? Хотя зачем матросам в своей базе оружие таскать? Нет тут партизан и не было никогда!

Свенссон мнетя сзади.

– Ну, чего тебе еще?

– Вы нас убьете. За что?

– Тьфу! – отвечаю. – Сказал же, не тронем, слово даю! Мы уйдем сейчас – и никак ты нам не помешаешь. А к немцам побежишь после – так ни за что они не поверят, что ты не сообщник, тогда точно порешат тебя и семью – тебе это надо? Вот только ножик из рукава убери – не успеешь! И тогда, прости, но придется твоих след.

Он разжимает ладонь, и нож падает на палубу. Я поднимаю.

– Финка, – говорю, – рыбу потрошить в самый раз. А для рукопашной не совсем. Не нужен мне.

Кидаю. Нож втыкается в стенку каюты баркаса.

– Иди, дядя, посиди еще тихо, совсем немного. А то будешь под ногами путаться – еще пулю шальную словишь с той или другой стороны.

– Идут!

Точно, спускаются. Шесть, семь, восемь. Ну должен же кто-то с поста концы на берегу отдать? Заметят ли немцы непорядок? Если и заметят – не должны дергаться резко. Это все-

таки их тыл, их катер, не мешало бы шаг прибавить, чтоб разобраться скорее, что происходит. Да они и без оружия идут! Ну, у летехи, может, кобура на поясе, но винтарей и «шмайсеров» ни у кого не видно! Не повезло вам, фрицы, враз попасть НЕ НА ТУ войну!

Заметили фрицы неладное или нет – осталось неизвестным. У нас цели распределены уже – типа «лежу вторым, стреляю во второго». Ну а промахнуться нам с полусотни метров – не смешите! Хотя читал в Инете, что году в две тысячи каком-то, в той Германии, полицейский снайпер из винтаря с оптикой с пятидесяти метров вместо преступника, захватившего заложников в банке, ухитрился попасть в одного из этих самых заложников! Как позже выяснялось, герр полицай впервые стрелял в человека, и у него от волнения дрожали руки. Клоуны! И зачем таких нервных в полицию берут?

Все, фрицы лежат. В темпе, вперед! Вшестером, надо ж кого-то и в прикрытии оставить. Во-первых, вдруг кто-то из немцев, по тому же закону рояля в кустах, вылезет наверх с гранатой, ну рыбку вздумал поглушить? А во-вторых, присмотреть за Свенссонами – вдруг решат под шумок сделать ноги, а у них снаряжение наше секретное, не перетаскали еще. А надо – пожалуй, раумбот возьмем! И быстрее он, и пушки имеются. С движками Влад разобрался уже, да и «инструктор» есть, тот обоссавшийся немец-механик. Второго в расход пустить придется, чтоб подляны не ждать.

Пробегая мимо лежавших, делаем контрольные и сталкиваемся с еще одним немцем, решившим спуститься к причалу. Хлоп, хлоп – есть, сразу от двоих!

– Партизанен!!!

Сука, крикнуть успел. Не слишком громко – но все ж.

Вылетаем наверх. Ну, козлы!!!

Если возле вас такой вот крик или, еще хуже, выстрел, что будете делать вы (если уже бывали в подобной ситуации и, естественно, остались живы)? Правильно – мгновенно, на автопилоте, в канаву, за камень, в любое укрытие, оружие к бою, палец на спуск, высматриваем цели. А если вы гражданский? Или только призванный, без опыта или тыловой?

Вот именно – будете стоять столбом, крутя головой. Первую секунду – точно. А вот второй секунды, если вам не повезет, у вас уже не будет!

Так вот и немцам не повезло.

Полянка (вроде даже какой-то огород). Домик, сарай сбоку, метрах в тридцати. И возле грядок фриц, на крыльце – второй. Оба без оружия и пялятся на нас, замерев!

Стреляю в того, кто на крыльце. Поскольку ему скрыться – миг, а вот теперь лежи тушкой! Второй бежит к домику и орет, будто его режут:

– Партизанен! Партизанен!

Так и лег с пулей в затылке. Нырнул бы «рыбкой» меж грядок – прожил бы на несколько секунд дольше.

Выстрел! Из домика. В белый свет, как в копейку.

Нас, конечно, на виду уже нет. Залегли за камнями. Фрицев осталось двое, и связи у них нет (не проходят нигде телефонные провода). И домик – все же не дот! Хотя каменный, блин!

Движение в проеме. Ствол винтаря, кто-то выглядывает – хлоп! Вскрикнули – слышал ясно. Может, и не насмерть, но подранил точно. Что дальше делать будете?

– Эй, там! Предлагаю сдать в плен. Иначе забросаем гранатами. Связи у вас нет, радио не работает – помощь не придет. Даю минуту, после – всем смерть! И пленных брать не будем!

Отчего-то я крикнул это по-английски. Сам понять не могу, как это вышло.

– Нихт шиссен! Не стреляйте, мы сдаемся!

Выходят двое. Причем один тащит второго. Обезоруживаем, связываем. Осматриваем дом – ничего для нас интересного. Ну, кроме бумаг и пары хороших биноклей.

– Моему товарищу нужна помощь. Окажите, как культурные люди.

Фриц по-английски говорит. Блин, да он же нас за британских коммандос принимает! А что, задумка – может, будет не таким упертым. Второй – ну с ним все ясно! Проникающее в грудную клетку, не стоит и возиться. Стреляю ему в голову.

– Бесчеловечно! Мы пленные, имеем право... Я не стану молчать – и ваше командование вас накажет!

Все по-английски чешет. Ребята уже смотрят с интересом, как спектакль. Машу рукой – уходим.

На катере ничего не изменилось. Приказываю готовиться к отплытию. Наше снаряжение с баркаса на борт, Свенссонов припахать, пусть тоже помогут поднять-подать.

– Влад – как движки, и в баке? Вопросы есть – немца возьми!

– Вы русские?

Шлеп!

– Ну, Рябой... Убил?

– Да разве я ждал, что он прыгнет, как кенгуру, со связанными-то руками? Сам вот на кулак и нарвался! Дышит вроде – нокаут!

Мне просто было любопытно, что за мутный тип? Имеет ценность – или сразу рыбам? Так, ксива его: «Вилкат Артур, фамилия какая-то прибалтийская, обер-гефайтер (обер-ефрейтор, по нашему «мосел» – младший сержант), 321-го батальона береговой службы...» Тьфу, как это на русский перевести? Ну не разбираю я по-немецки, кроме отдельных слов! Английский, испанский знаю, бывал и говорил, а вот с гэдээровцами не приходилось!

Вылили на башку ведро воды. Очухался.

– Литовец? И что же, в вермахте?

– Руки развяжите, русские свиньи!

– Руки? А что, можно!

Приказываю – развязать. Беру его руку на болевой и ломаю указательный палец на правой. Пока он воет, повторяю то же с левой. Помимо того, что больно, еще и полезно, для безопасности. Теперь он не сможет быстро воспользоваться оружием, даже если схватит, а также ни сильно ударить кулаком, ни провести захват. Можно и переговорить в спокойной, деловой обстановке.

– Так отчего ты, литовец, в вермахте? За неправильный ответ – будет больно. Очень.

– Я из Мемеля!

– И что ж тебе русские сделали, что ты их так ненавидишь? Хутор спалили, семью раскулачили, жену насильничали, детей зажарили и съели?

– Ненавижу. За то, что вы есть. И всегда угрожали великой европейской цивилизации. Своей дикостью, бескультурьем, тиранией. Ваша земля – самой природой и Богом создана, чтобы быть житницей и кладовой цивилизованного мира! А вы – быть при ней рабами и слугами. Но вы не желали ни покориться, ни убраться, чтобы там была культурная Европа, аккуратные домики, ровные дороги, распаханное поле, а не ваш вонючий навоз! Ничего – скоро все это будет! И великий фюрер загонит остатки ваших орд в сибирскую тайгу и тундру, где вам самое место! Ты сейчас убьешь меня, русская сволочь, – но вам не остановить цивилизации!

Как визжит. У него слюна, чай, не ядовитая? Такие вот в наше время по Риге парадом идут, ветераны СС. Нет еще этого сейчас, в ваффен эсэс лишь с сорок третьего всякую шваль будут брать, а пока одних лишь чистопородных германцев. А этот, судя по фамилии, полукровка, оттого и лезет из кожи вон в дойче юбер аллес, своим стать хочет!

Пулю ждешь, быстро и легко? Не дождешься!

– Влад, ты чего?

– Так переводчика бы, тащ командир. Моего немца поспрашивать.

– Тащи их сюда. Из кубрика – обоих.

Вытаскивают. Я подхожу к ним. Зачем бессмысленная жестокость? Пусть будет воспитательное действие. Для того немца, который смирный.

А дружок-то его, похоже, снова развязаться пытался? Ну что ж...

Качаю головой, будто с сожалением: ай-я-яй, ну тебя же предупреждали! Достаяю нож и перерезаю ему горло, как барану. Так, чтоб второй все видел.

Впечатлило? Ну, это пока присказка. А сказка – вот, рядом, слюной вонючей брызжет.

– Цивилизация, говоришь? Это не у вас, случайно, в тридцатых, от президента вашего, всеобщую сортиризацию по хуторам проводили? Такие вы культурные, что гадили где попало, как скоты. И той кампанией довели число хуторов с отхожими местами с четырех процентов до двадцати?⁹

Болевой на руку – в айкидо называется «никке». Рука ломается вдоль, на скрутку, с раздроблением костей. Калека навсегда, и медицина бессильна, даже если б она занялась этим пациентом прямо сейчас. Быстро отрубился – болевой шок. Еще ведро воды на голову, чтоб пришел в сознание – и то же самое, вторая рука. Снова в отключку. Ну и на фиг время на тебя тратить, ноги тебе в порядок и лежачему приведем, хотя нам этот прием против удара ставили, вариант «маваси», вариант «май гери» – захват стопы, рычаг, поворот – перелом костей, разрыв сухожилий. И вторая нога.

Немец сейчас в обморок грохнется, белый как бумага. Свенссон – немногим лучше.

– Скажи ему: вот это будет за малейшую нелояльность. Если нам хоть что-то покажется. А вот если движки будут работать безупречно – обещаю жизнь и плен. Слово офицера.

Немец закивал головой так часто, будто хотел ее оторвать. Вот и ладно.

Внизу, слышу, что-то шевелится. Как змея ползет. Литовец, упертый – пытается впиться мне в ногу зубами! Ну да он не гадюка, а я не Олег – вбиваю его зубы ему же в глотку хорошим таким пинком.

Суверенные, самостийные? Если б так, как Австрия, Финляндия – еще ладно. Так вы же сразу в штатовские подстилки лезете, не скрываете, что в случае чего – они сразу на ваши базы. А это не нейтралитет называется, а совсем по-другому. Так с чего и нам с вами себя нейтрально вести?

Вручаю Свенссону пачку денег, найденных у дохлых немцев. Рейхмарки, оккупационные – плевать! Нам-то они зачем?

– Держи, дядя! Только осторожнее трать, по мелочи! А лучше пока придержи – до тех пор, пока все не забудется. И бывай, рад знакомству!

Отвалили. Даже мотор завели, чтоб скорее оказаться подальше.

Влад докладывает – движки в норме. Да, а немец оказался из торгфлота, так что по-английски кое-как разумеет.

Не забыть бы еще с берега вон тот камешек прихватить. На глубоком месте литовцу за пазуху – и за борт. Живой еще, гаденыш – ну да это поправимо!

– Волку – Лес. Идем навстречу на катере. Подберите.

От Советского Информбюро, 9 августа 1942 года

На Северо-Западном фронте происходили бои местного значения. Минометная батарея, где командиром старший лейтенант тов. Куликов, истребила более 100 немецких солдат и офицеров, пытавшихся навести переправу через реку. Группа разведчиков из подразделения, где командиром тов. Беловашев, из засады уничтожила 30 немцев.

Разведчики захватили пленных. Отряд полесских партизан под командованием тов. К. организовал крушение трех железнодорожных составов с войсками и техникой противника. Партизаны этого же отряда пустили под откос немецкий бронепоезд. Второго августа на Ленин-

---

⁹ Большаков ошибается. Это было в тридцатые годы в Эстонии, а не в Литве.

градском фронте был убит капитан немецких войск «СС» Гофман. У убитого найден объемистый дневник. Этот отъявленный бандит позволял себе записывать в дневник то, о чем гитлеровцы вслух не говорят.

Гофман пишет: «Германец – извечный враг славянина. Нам необходимо до конца освободиться от всего того, что называют человечностью, гуманизмом. Разговоры о «новом порядке» в Европе – это сказки для доверчивых людей, еще не порвавших окончательно с прошлым. Главное же заключается в том, что Германия должна стать господином Европы, а потом и всего мира».

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Морской волк». Баренцево море

Все началось с того, что меня задушила жаба. Мерзкая, пупырчатая. И очень патриотично настроенная.

И ведь Большаков сам предложил:

– Волку – Лес. По обстановке – можете снять нас вне видимости берега. Мой курс десять, скорость двадцать один. Все целы, в порядке.

Разумно. Ну не хотелось светиться вблизи чужих берегов! Хотя немецкие наблюдатели хрен что увидят, кроме силуэта – зачем нам и это надо? Будут лучше за берегом следить. А если мы еще решим наведаться сюда или в другое место? Чем меньше у врага правильной инфы, тем лучше! Пусть на авиацию думают, – хотя, похоже, наследили там наши – но между подозревать и знать точно разница есть!

– Лесу – Волк. Надводных, воздушных, подводных целей не обнаружено. С Киркенеса возможна активность? Самолеты взлетят?

– ...там самолетов половина, может, осталась, летчиков единицы, но горючка и БК – песец всему!

А ведь сектор, где мы сейчас – это зона ответственности той авиабазы! То есть ближайšie сутки проблем с воздухом можем не ждать, ну процентов на девяносто! Эсминцы, ПЛ – ну тут точно торпеду не пожалеем. Шнельботы – по инфе Саньча, не было их на Севере, на Балтике были, на Черном море были, а вот здесь – нет! Восьмисоттонники не догонят, раумботы тоже. Немцам же надо сообразить, оценить, что, собственно, случилось – а связи полноценной нет. Дистанционно на нас навести, если по закону подлости кто-то у них уже в море болтается – опять же, без связи, хрен! Короче – шанс хороший есть!

– Лесу – Волк. Сирены на ходу? Если что, ныряйте, подберем.

– Волку – Лес. Принято.

Однако так они нас обгонят, хоть мы тоже повернули на норд. А мы должны будем тогда антенну и перископ убрать, чтобы за ними угнаться. И вернуть фрицам связь.

– БЧ-5, приготовиться к даче полного хода!

Пропустив мимо себя катер, мы какое-то время оставались под перископом, активно глуша эфир. А затем рванули вслед на девяностопроцентной мощности – впервые с начала похода.

Нашли ребят легко. В тридцати милях от берега встали борт о борт. Я «мостик» не покидал, а вот Петрович не поленился лично облазить трофей. На палубу под разными предложениями полезли все свободные от вахты, которых деятельный Петрович тотчас припахал к переноске и погрузке большаковского снаряжения. Радар сканировал небо, двое матросов с «Иглами» были на палубе наготове, на случай если какая летающая сво... рискнет нам помешать. Акустики слушали море. В общем – бдели все. Противника не было.

– Хорошо строили фрицы, – сказал Петрович, оказавшись рядом со мной. – Вот помню на Балтике в начале двухтысячных наши МПК, проект 1124, и их гэдээровское подобие «Парчим», он же 1331; так наших половину списали по износу, а фрицы все царя Бориса пережили,

без надлежащего ТО и ремонта – качество! Так и этот кораблик на совесть! Еще лет двадцать бы служил. Даже топить жалко.

– Ну а если не топить?

Жаба, жаба... Что ж ты со мной делаешь, пупырчатая? Ну а если тебя не давить, а использовать в своих целях?

– Командир, ты серьезно?

– Серьезней некуда. Ну-ка, Большакова сюда, быстро!

Расклад по противнику я уже привел. Пока фрицы, на фоне своих крупных неприятностей и проблем со связью, хватятся, что катер такой-то пропал. Пока сопоставят доклады наблюдателей, кто видел. Пока обнаружат вырезанный пост СНИС (а ведь катер туда вообще-то заходить не должен был). Пока вся эта инфа стечется к кому-то, кто разложит ее по полочкам. Короче, даже с поправкой на немецкий орду, несколько часов у нас точно есть!

Уйти можно от берега миль на сто. А до наших – не так уж далеко. Курс норд, затем ост, после... Кстати, наших можно задействовать уже сейчас!

– Ухова на мостик! Леня, срочно передай в штаб СФ: «Аэродрома Хебуктен у немцев нет». Минимум сутки-двое.

Есть шанс, что наши поверят и оперативно включатся. Воспользуются случаем что-то там разбомбить. И тогда у немецких асов с прочих авиабаз будет в достатке иных забот, чем летать над морем. Люди-то не железные: это лишь в песне у Высоцкого можно «десять вылетов в сутки», да их Рудель в мемуарах врет, что делал семнадцать, вот интересно, а когда успевали ему топливо заливать и бомбы подвешивать? Или у него в сутках шестьдесят часов было?

Большаков мой расклад понял сразу. Только спросил:

– Командир, так нам что, его в Полярный вести?

– Нет пока. Мы вас снимем. А вот послание нашим на «Летучем голландце» оставим.

– Какое послание?

– А вот это сейчас с Сан Санычем решим. Пока ведете «голландца» в точку встречи.

Насчет «точки встречи» (и передачи груза) первой моей мыслью было.

Баренцево море. Наши рыбаки

Не все знают, что еще в июле сорок первого, одновременно с мобилизацией тралфлота под военный флаг, оставшимся судам (как правило, наиболее старым, изношенным, с командами, состоящими в значительной части из стариков, женщин, подростков) была поставлена задача обеспечить страну рыбой. Сначала, в сорок первом, ловили в Белом море, базируясь на Архангельск, но это оказалось малопродуктивно: рыбы мало, долгий ледостав. Оттого было решено вернуть рыбаков в Мурманск. И полтора десятка траулеров с инвалидными командами всю войну вели промысел, по сути, в зоне боевых действий.

«Командующему СФ, вице-адмиралу Головки А. Г.

Семь траулеров доставили в Мурманск 6677,8 центнера полуфабриката, или в сырце 9567 центнеров. РТ-19 „Коминтерн» при возвращении с промысла подвергся авианалету и прибыл в порт с неразорвавшейся бомбой на борту... наличие на судне хотя бы одного зенитного пулемета помешало бы безнаказанным нападениям фашистских бомбардировщиков».

«Начальник ГлавСевРыбпрома, 5 января 1942 г. батальонный комиссар Туников А. В.

Дать пулеметы нельзя, поскольку их нет. Поставлен вопрос об этом в центр» – ответ командующего СФ. 13 января 1942 г.

«Выдать по 2 пулемета и 15 винтовок на траулер».

19 марта 1942 г.

В общем, болтались под бомбами и снарядами почти безоружные, на старых корытах... Уважаю мужиков! (и наших русских баб – тоже).

И примерные координаты их, по данным радиоперехвата, у нас были – Леня Ухов постарался. Центр и север Баренцева моря, иногда залезая аж за меридиан Киркенеса!

А теперь представьте: такую вот коробку берет на бордаж «спецкоманда НКВД» с особо секретным заданием. Взяв всё под контроль, договариваются с капитаном, оставляют им катер и послание – и исчезают на моторной лодке. Или с самого начала пытаются похорошему. А дальше пусть у штаба СФ болит голова, как это доставить в Полярный.

Но, по размышлению, я этот план отбросил. Во-первых, не факт, что удастся договориться мирно. Экипаж такого траулера – сорок человек, трудно всех проконтролировать; будь это немцы, не проблема, для ребят Большакова – сорок «тушек», ну кроме тех, кого они соизволят оставить в живых. Но своих-то валить не будешь, если какой-то дедок начнет шмалять из древнего винтаря! А во-вторых, даже при удаче, чисто по закону подлости, что будет, если корыто по пути домой перехватят немцы?

Так что мы поступим проще, эффективнее и даже изящнее.

У наших, а конкретно у командования СФ уже сложилось о нас определенное мнение. И наверняка они заинтересованы во встрече.

И как они отреагируют, если мы им эту встречу назначим? В точке с указанными координатами.

Вышлют кого-то. И найдут там нашего «Летучего голландца». С посланием. Которое сейчас по пути будем составлять. Какая у Сан Саныча есть оперативная инфа, представляющая для наших интерес?

Блин, а ведь надо и самим просмотреть, что там притащили с радиорубки аэродрома, с поста... Список позывных, аббревиатур, кодовые книги. А то с чтением их шифрограмм все ж проблемы. Даже в расшифровке, как узнать, кто скрывается за позывными, «логином» – линкор «Тирпиц» или тральщик? А как аббревиатуры читать?

Только ведь и радист весь список, кто есть кто, тоже знать не обязан. А потому должен в его бумагах быть перечень – ну, как в офисе, список телефонов с фамилиями.

Так что будет очень горячее время: у Ухова – просмотреть и оценить, а у Сидорчука – перевести. Хотя вроде у них в хозяйстве сканер есть. Ксерокс – точно. Так ведь катриджи – где заменим?

А уж у Саныча сейчас работы будет... Хотя он говорил мне, что в первом приближении что-то уже подготовил.

Идем уже четыре часа. Не погружаясь, чтобы непрерывно сканировать РЛС и эфир, пятнадцать узлов, а на перископной выдвижные поднять можно, если не больше восьми. Но готовы – всех лишних с палубы вон, остаются те, кто на мостике, так что нырнем быстро! «Иглы» передали Большакову – для него те же пятнадцать экономичный ход. Пока все тихо. Солнце светит полярное, видимость до горизонта – тьфу!

Если думаете, что идем курсом к нашим – то ошибаетесь. Тут свои, как ни парадоксально, опаснее чужих. Поскольку стрелять в них – нельзя. А вот они однозначно будут тебя топить, обнаружив в море хорошо знакомый силуэт немецкого раумбота.

Можно, конечно, предупредить, благо волна и позывные известны: «Это мы, не трогайте, ждите, встречайте». А кто мы для них? Обязательно встретят, только... Это лишь благородный до идиотизма герой Жана Марэ в каком-то фильме мог явиться на сомнительную встречу один и без оружия. А я бы на его месте и пришел много раньше, все там облазав – нет ли ловушек, закладок, минных полей, – и свои бы установил, и пару друзей со снайперками посадил на горке, и все ходы-выходы бы перекрыл, и в карманы много бы чего попрятал. Ну нельзя иначе, если не уверен в абсолютной лояльности партнера! Мы же пока для СССР неизвестно

кто, но сильный и опасный. Так что сразу и самолеты над нами будут висеть, и «комиссия по встрече» выйдет не в точку, а на перехват – короче, уйти по-английски и не прощаясь после будет проблематично!

Поэтому курс наш – норд-ост. В море, вдаль от берегов.

– Не хочешь к нашим, командир? – говорит поднявшийся наверх Петрович. – И правда, не поймешь, как нас встретят. Так все одно придется же – мы ж «Морской волк», а не «Летучий голландец». Люди не выдержат.

– Придется, – соглашаюсь я. – Но вот скажи, товарищ без пяти минут командир, куда мы сейчас идем? Вернее, куда пойдём, когда посылку передадим?

– В Карское море, – усмехается Петрович. – Об этом давно уже вся кают-компания знает. Вы же с Сан Санычем планы обсуждали, как «Шеер» там поймать.

– Именно так. И скажи, чем конкретно, может нам помочь Северный флот?

– Хм... А ведь ты прав, командир. У нас возможностей в этом деле побольше, чем у товарища адмирала Головки со всеми его силами! Большие ПЛ, «Катюши» послать, так им фрица найти – лотерея. Авиация – это сколько ж нужно против почти что линкора с его ПВО, там просто аэродромной сети нет, столько разместить. Ну, а четыре эсминца, «проект семь» – это, простите, не смешно даже!

– Правильно рассуждаешь. Выходит, этим парадом все равно командовать придется мне. Ну, просто, чтоб время на лишние согласования не тратить. И как к этому отнесется тащ вице-адмирал? Потерпит такое вмешательство в свою епархию?

– Вопросов не имею. Хотя – а почему в Карское? Проще ведь этот «Шеер» еще здесь перехватить.

– А это уже психология. Одно дело, когда просто потопили. И совсем другое, когда линкор, пусть и карманный, пропал бесследно со всем экипажем и всеми сопровождающими подлодками. Страшнее ведь будет? Вот и устроим фрицам «бермудский треугольник» в Карском море, чтоб зареклись туда соваться до конца войны!

– Ясно, командир. Ой, блин!

– Что такое?

– Да ребят большаковских надо покормить. Они ж с самого начала на сухпае и без горячего! Сейчас распоряджусь. – И Петрович резво ссыпался вниз.

А ведь он прав. Мне страшно, хотя я не признаюсь в этом даже самому себе.

Я никогда не сомневался. Ни в чем. Пошел в военно-морское, потому что отец был для меня образцом. Учился отлично, служил на совесть, потому что не мог иначе. Не сомневался в правильности пути даже в девяностые, потому что знал: страны без армии и флота не может быть! Профессия, конечно, наложила отпечаток: в армии существует большая разница между командиром батальона и командиром отдельного батальона, а командир лодки однозначно ближе ко второму. Но это лишь тактика: выбор пути к цели, а не самой цели. Теперь же мне предстояло выбирать.

Мы изменим историю. Потому что иначе нельзя. Предположим, все пойдет по накатанной: война, служба, победа в сорок пятом, гонка сверхдержав, славословие, застой, перестройка (пусть даже с другими вождями). Я умру в конце восьмидесятых, адмиралом в отставке, в последние годы Союза, зная, что впереди распад, провал, унижение народа. А мои внуки будут продавать на рынке за доллары мои ордена. Так зачем тогда всё?!!

Поэтому мы будем драться. Чтобы историю изменить. За то, чтобы новый мир, возникший в итоге, был лучше того, который мы оставили. Чтоб он остался таким, когда мы уйдем. И чтобы наши дети и внуки не повторили наших ошибок.

Вот только история – это не канава, по которой катится единственно возможный выбор, как думал я когда-то, сдавая экзамен по истмату. Скорее, это мост через пропасть, на который

надо выйти – возможно, один из нескольких. Не вписался, не нашел, не сумел – и всё. Так, избегая тех ошибок, не натворим ли мы новых, уже своих?

Надеюсь, нам все удастся – и погибнет не двадцать шесть миллионов. И Победа будет не в мае сорок пятого, а пораньше. И стран социализма станет больше числом. И в области нашей науки и техники мы добьемся больших успехов – сумели в космос первыми тогда полететь, сумеем и теперь!

И что получим в итоге?

Например, мир «1984» Оруэлла. Три сверхдержавы, весьма развитые технически – помните видеофоны в квартирах? – непрерывно воюют между собой. Континентальная Евразия, кроме Китая – ну это мы! Азиатчина, японо-китай – это у них в традиции. И наглосаксония – а что, в эту войну власть тех же Рузвельта или Черчилля мало отличалась от диктаторской! Никакой свободы-демократии, тотальный контроль, лживая пропаганда, одну часть населения морят голодом, чтоб работали за пайку, другую самую срабатывают как расходный материал в бесцельной войне ради войны. Вдруг писатели, художники иногда не придумывают, а как-то заглядывают в мир параллельной реальности, где это свершилось?

Стоп. А отчего не свершилось у нас? Осталось за чертой несбывшегося?

Ну, это ясно. Для такого необходимо, чтобы игроков было мало, но сильных и поделившихся меж собой весь мир. А в мире 2012, откуда родом мы?

Наглосаксония еще не успела сформироваться. После сорок пятого штатовцы усиленно поглощают британское наследство – Индию, Австралию, Канаду, колонии – рынки сбыта, между прочим! – но еще не все проглотили и не переварили, не привязали к себе. Азия – тоже, и раздроблена Япония, сателлит Штатов, Китай сначала наш, а затем усиленно качает промышленную мышцу (с нашей помощью, паразит!), но явно пока не мировой игрок.

Ну а СССР? Восстанавливается после тяжелейшей войны. Затем – догоняет Штаты. Когда был достигнут паритет стратегических, только в семидесятых? Эпоха Брежнева – и уже застой. Каков был объем нашего ВВП относительно американского в лучшие времена? Считали по-разному – и половина, и две трети. И это знали штатовцы – планы «Дропшот», «Чариотир» и прочие были наступательными, а не оборонительными; это они примеривались напасть на нас – а значит, не считали нужным закручивать гайки у себя.

И что будет теперь, если СССР, еще при Сталине, станет намного сильнее? Может ведь быть и такое:

Мы сильны и танки наши быстры,
Разотрут Европу вашу в прах.
Вынесут согбенно бургомистры
Нам ключи от Лондонов и Праг!
Шар земной накроем мы портянкой,
Будут литься кровь и самогон,
И ворвутся доблестные танки
На заре в Нью-Йорк и Вашингтон!
Станем, братья, гордыми царями,
Как Господь для нас предначертал,
Принесут буржуи в наши храмы
Весь свой заграничный капитал.
Мир обложим податью и матом,
Лягут страны в Русскую Кровать.
Будут те, кто раньше верил в НАТО,
Кирзачи сержантам целовать!
Ну а после – двинемся на космос,

Звездные системы покорять,
И ворвемся на заре морозной
На Альдебараны, твою мать!¹⁰

Блин, а ведь фашизм какой-то выходит! Чем от «дойче юбер аллес» отличается?

Сталин ведь по большому счету не революционер-коммунист. Что там он про товарища Мао сказал? «Редиска: снаружи красный, внутри белый». Это ведь к нему самому еще в большей степени относится! Под лозунгами Ильича он строил Красную Империю. И был далеко не худшим государем-императором!

Но тогда он должен был понимать – весь мир не завоеешь! Будь иначе – что мешало ему присоединить ту же Финляндию (ну кто бы реально был против в сорок пятом)? Что мешало вернуть Проливы, переименовав Стамбул в Царьград? Даже не надо было особо стараться – тех же братушек-болгар напустить. А что, англы в Грецию, а мы в Турцию в том же декабре сорок четвертого, союзники тогда с нами физически порвать не могли! Тогдашняя турецкая армия – ой, не смешите!

Что мешало вернуть Маньчжурию – «Желтороссию», как называли ее в начале того века. И было ведь за что!

Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи –
Русский рок таков.
Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
Здесь построим русский город –
Назовем Харбин¹¹.

В сорок пятом – это ведь было – Маньчжоу-го, юридически абсолютно не Китай, суверенное государство, занятое нашими войсками. И его глава Пу-И в нашем плену, подпишет все что угодно. Кто бы в мире помешал, пожелаю Иосиф Виссарионович объявить вот это шестнадцатой республикой (ну а формальности с народным волеизлиянием, наверное, не труднее было устроить, чем в странах шпротии в сороковом).

Что мешало забрать заодно и Корею – всю? В отличие от китайцев, корейцы у нас ассимилирова «Стихи о Харбине». Арсений Несмелов. лись очень хорошо. Знал я одного замечательного человека – капитан первого ранга Ким Владимир, чисто корейская морда, служил командиром БЧ-5 на подлодке ТОФ, а затем работал в «Рубине». Настоящий русский патриот, которому «за державу обидно», хоть русской крови в нем ни капли. Заодно решили бы проблему с дальневосточным малолюдьем. А представьте себе – русские марки «Самсунг», Daewoo!

Так что Сталин все ж не фюрер. А государь, решавший свои внутренние проблемы. Жестоко – но иначе было нельзя. При всех своих недостатках – далеко не самый худший из государей, которых знала Россия. Такому служить не зазорно.

А посему – за Родину, за Сталина. Решение принято – и нечего менять.

– Сигнальщик! Передай – катеру подойти к борту.

Вот Петрович поднимается, за ним матрос с судками и термосом – за горячим обедом и новыми указаниями.

---

¹⁰ «Таллиннская рапсодия». Герман Истоков.

¹¹ «Стихи о Харбине». Арсений Несмелов.

- Сан Саныч, наше место?
- Пожалуй, пойдет. Пока еще решение будут принимать, как раз ближе подойдем.
- Ухов! Через полчаса вот эту радиограмму передай.

Через час. Полярный. Штаб Северного флота

Начальник разведки Вазгин буквально ворвался в кабинет начштаба с бланком радиограммы в руке.

- Степан Григорьевич, можно к вам?
- Заходи, Павел Алексеевич. Что такой возбужденный? Что-то случилось?
- Да, случилось. Снова Морской Волк вышел на связь.
- Так давай, докладывай, не томи.
- На волне подплава. Но адресовано командующему, Штабу СФ. «Намерены передать вам важную информацию, касающуюся как Северного ТВД, так и стратегического значения, способную повлиять на ход войны в целом. А также передать в дар флоту трофейный корабль. Ждем ответа на этой волне в течение часа, чтобы обговорить место, время и условия передачи. Морской Волк».
- Не только информация – но и корабль? Интересно...
- Степан Григорьевич, с Киркенесом все подтвердилось – авиаразведка вернулась. Теперь я не сильно удивлюсь, если они нам «Тирпиц» пригонят.
- Передайте: «Согласны. Ждем ваши предложения». Как ответят – сразу ко мне!

Еще через пятнадцать минут. Там же

- Вот, Степан Григорьевич, только что расшифровали.
- «Курс норд-ост Полярного. По выходу связь этой волне. Радиопеленгатор, идите сигналу. Нужно пятнадцать человек. Дизелисты, зенитчики, штурман, рулевой. Просьба не атаковать одиночные малые корабли этом направлении. Ждем двенадцать часов».
- Да, позвольте вам представить. Старший майор НКВД Кириллов Александр Михайлович, буквально вчера прибыл на должность замначальника Особого отдела флота. Настоятельно просит вас держать его в курсе.
- Конечно. Вам уже сообщили, что было раньше?
- Да, Степан Григорьевич ознакомил. Интересные же дела у вас тут творятся. Ваши предположения?
- Ну, если они просят не атаковать малые корабли к норд-осту... Значит, они и находятся там. На том самом корабле, который намерены передать. Судя по заявленному экипажу, пятнадцать человек – это что-то вроде «охотника». Остальное – узнаем.
- Я не об этом. Ваше мнение – кто они?
- Честно говорю – пока не знаю. Предположения выдвигали самые фантастические. Что это немецкие антифашисты или бывшие белоэмигранты, решившие нам помочь. Но тогда остается вопрос их базирования и снабжения. А также совершенно необъяснима их невероятная боевая эффективность. Скажу одно – это не может быть никакой немецкой игрой. Такие потери не оправданы никаким ожидаемым результатом.
- И что вы намерены делать?
- «Гремящий» и «Сокрушительный» стоят в готовности. И, по обстановке, вполне могут выйти в указанном направлении – фактически это наши воды. Очень сомневаюсь, что фашисты, даже если это какая-то изошренная провокация, могут сосредоточить там превосходящие силы. Да и самим топить свой карманный линкор, крейсер, три эсминца и прочее ради того, чтоб завлечь в ловушку два наших... Не верю!
- Вы намерены лично выйти на «Гремящем»?
- Конечно.

– В таком случае, я с вами. Поскольку это дело, очень похоже, и по нашему ведомству.

Еще через сутки. Кабинет командующего СФ вице-адмирала Головки

– Ну что ж, товарищи командиры, кто будет докладывать? Кто-нибудь может объяснить всю эту мистику, что творится у нас вторую неделю?

– Разрешите мне, Арсений Григорьевич? Как непосредственному участнику.

– Да, Павел Алексеевич. Что скажете о встрече, которая не состоялась?

– Никак нет, Арсений Григорьевич! Если внимательно перечитать их радиogramмы, то нигде нет прямого указания на личный контакт. Это уж мы понадеялись.

– Так что нашли на катере? Весь Полярный наблюдал это чудо. Немецкий «стотонник» входит в гавань, эскортируемый двумя эсминцами! Наши острословы тут же высказали предположения, что это сам их гроссадмирал прибежал к нам сдаваться, испугавшись того, что фюрер с ним после всего этого сделает.

– Позвольте все по порядку, Арсений Григорьевич. По выходу дали сообщение, что готовы. Буквально сразу пришел ответ – слушайте волну пятьсот двадцать, ловите на «Градус-К»¹². Поймали легко...

– Да уж, слышал разговоры. Жаль, что самому послушать не удалось. Концерт по заявкам. И что, все песни незнакомые? И на русском языке?

– Так точно. Но песни хорошие. Некоторые – так просто за душу берут.

– Ладно. Что дальше?

– Шли так миль восемьдесят. Затем на той же волне было сообщено голосом, открытым текстом: «Вы близко, видим вас на радаре. Сейчас пустим зеленую ракету, смотрите. Трофей в порядке, главное в рубке у штурвала, немец пленный в кубрике, связан. ПЛО мы обеспечим, сейчас все чисто, ПВО вы сами. Удачи и счастливого возвращения». И увидели зеленую ракету, почти прямо по носу.

– Ну и...

– В точке с координатами... обнаружили немецкий катер «стотонник», лежащий в дрейфе. Людей на палубе не было видно. Поскольку состояние моря позволяло, был произведен спуск шлюпки на ходу. Высадка на борт без происшествий, все, как говорили – в кубрике обнаружили пленного немца, механика того катера, как выяснилось позже. А в рубке на штурманском столике лежал пакет, вернее даже мешок, с бумагами. Причем все было рассортировано в папки и подписано по-русски.

– С документами ознакомились?

– Частично. Для скорости мы стали смотреть вместе с Александром Михайловичем, так он некоторые папки сразу забирал себе, целиком. Надеюсь, он прояснит... Да, еще добавлю, об упаковке. Мешок резиновый, непромокаемый – но не был завязан. Но рядом лежали наготове свернутый шкерт, немецкий пробковый жилет и свинцовый груз. Дескать, сами разберетесь, что привязать. Тактично.

– Где документы?

– Вот. Здесь документы, взятые на радиопосту аэродрома Киркенес. Здесь – с немецкого поста на берегу. Здесь – сведения о немецких военно-морских и военно-воздушных силах в Северной Норвегии, состав и дислокация, минные поля, береговые батареи, а также их организация, подчиненность, начальствующие лица. Обращаю внимание, что в той части, которая нам известна, они в значительной степени подтверждаются. Здесь – данные о немецких шифрах, алгоритмы их взлома, позывные и длина волны абонентов эфира. Еще есть папка с подробной информацией по немецкому минно-торпедному оружию, включая новейшие образцы, считающиеся секретными и нам пока неизвестные. Эту папку я успел лишь бегло просмотреть,

¹² Стандартный радиопеленгатор советского ВМФ тех времен. Работал в диапазоне СВ и ДВ, 400-4000 м.

ее забрал Александр Михайлович. У него же – все остальное. Добавлю еще, что Александр Михайлович, ознакомившись, приказал отсигналить на эсминцы, что если мы не дойдем до базы, он гарантирует командирам трибунал – так что прикрывайте как флагмана. Также он приказал матросам, если что, в первую очередь спасать эти документы. И наконец, категорически отказался переходить на «Гремящий», так как он опасался, что при переходе документы могут быть утеряны или пострадать. Возвращение в Полярный прошло без происшествий. Из рапортов командиров эсминцев следует, что они не наблюдали ничего – ни перископа, ни акустического контакта. Подписки о неразглашении с них взяты. У меня все, Арсений Григорьевич.

– Спасибо, Павел Алексеевич. Александр Михайлович, объяснения последуют?

– Конечно, товарищ командующий. Только прежде позвольте мне предъявить все свои полномочия.

– Хм... Личный порученец товарища Берии? И чем же обязаны?

– Вступление в войну неизвестной стороны, за короткое время нанесшей немцам урон, сравнимый с деятельностью всего СФ с июня сорок первого, а теперь еще, как оказалось, легко читающей наши и немецкие шифры – это, по мнению присутствующих, малозначительный эпизод? Надо полагать, раз вы не спешите сообщить о нем немедленно, по вашим каналам.

– Мы прежде хотели получить исчерпывающую информацию.

– А пока вы получаете, события идут своим ходом. Товарищи командиры, у нас нет намерения никого наказывать – пока. Но мы должны разобраться, что за сила, пусть пока на нашей стороне? Дело находится на контроле у Лаврентия Палыча. А он крайне озабочен – что докладывать Самому.

– В таком случае, позвольте спросить, какой информацией располагаете вы?

– Ну, для начала, вот этой.

Из протокола допроса матроса-моториста моторного тральщика R-21 Ашмана Эриха.

– ...подробно расскажите об обстоятельствах своего пленения.

– Я не знаю всех обстоятельств, поскольку почти ничего не видел. Наш тральщик патрулировал подходы к военно-морской базе Киркенес, когда вдруг пропала связь. Рация работала, но на всех волнах были непонятные помехи. Наш командир, лейтенант Фольтке, решил, что виноват радист. Чтобы не было неприятностей у него и всех нас, он приказал зайти на береговой пост и послать доклад с его рации, а заодно тряхнуть норвежцев насчет свежей рыбки.

– Что значит тряхнуть? Это было у вас нормой – грабить население?

– Да, это у нас было обычным делом. В конце концов, эти рыбоеды должны оплачивать нам свой покой. Мы забирали часть их улова по своему усмотрению. Ну, а они – поймают еще.

– Дальше.

– Встали у причала, лейтенант с радистом и еще пятеро, кто захотел ноги размять, отправились на пост. Я и маат Райке возились с левым движком – вы знаете, у хорошего механика всегда найдется повод что-то подтянуть, прочистить. Потому я не знаю, что было на палубе. Слышал только, как кто-то крикнул «рыбоеды идут» – и трое наших пробежали наверх с автоматами.

– Норвежцы так часто оказывают вам сопротивление?

– Нет, вы что, герр следователь! На них ствол наведешь – они уже готовы в штаны наложить! Наверное, обер-маат Баер, оставшийся за командира, захотел поиграться. Он это любил – тревога, все по уставу, люди к пушкам, а то и очередь из «Флака» перед носом – за это ему даже выговор был, за трату боеприпасов. Я слышал, как он распоряжался, орал, приказывал кому-то подойти к борту. Там причал маленький, и если мы пришвартованы, кто-то еще может лишь встать у нашего борта с другой стороны. Вроде даже был толчок, как будто кто-то причалил.

Затем короткая и непонятная возня на палубе, но выстрелов не было, ни одного. После вдруг что-то влетело в машинное и взорвалось со страшной вспышкой. Я ослеп на время и, кажется, был контужен. А когда очнулся, то лежал в кубрике связанный, как и маат Райке. Странно, но ни у меня, ни у него не было ни одного осколочного ранения. А в машинном, как я увидел после, тоже не было следов осколков.

– То есть была лишь вспышка – и всё?

– Очень яркая вспышка, как очень много-много магния при фото... Но, с вашего позволения, я продолжу. Видите ли, герр следователь, я не солдат! Я всего лишь судовой механик – возился с моторами, как на гражданке, так и сейчас. Где стоит этот мотор, мне безразлично – я всего лишь хорошо делаю свою работу. Я никогда не брал в руки оружия, не стрелял в русских. А в тридцать третьем голосовал за социал-демократов! У меня в Гамбурге осталась жена, она ждет ребенка, прошу это учесть!

– Учтем. Отвечайте по сути вопроса.

– А молодой Райке, он из... Пока не член партии, – но гитлерюгенд, мечтал о подвигах во славу фюрера. Его тяготило, что он попал не на фронт, он все хотел что-то такое совершить, чтобы Железный крест, статья в газете. Представьте, каково ему было – в плен вот так – и он отчаянно старался освободиться.

– А вы?

– А что я мог сделать, герр следователь? Тем более нас связали каким-то хитрым способом – не только руки за спиной, но и удавку на горло, неудачная попытка развязаться могла бы закончиться самоубийством. Простите, но я благоразумный человек! А жизнь – она у каждого одна! В общем, я лежал смирно – и тут вошел этот русский.

– Почему вы решили, что он русский?

– Я из Гамбурга, герр следователь. Это крупный порт, там часто можно было встретить моряков из всех стран. По-русски я не говорю, но их язык мне приходилось слышать. К тому же вместе с русскими был Свенссон.

– Русских было двое?

– Да, но второй стоял в стороне и лишь смотрел, очень внимательно. Однако старшим явно был не он, а первый.

– А кто такой Свенссон?

– Русский норвежец – из тех, кто осел в этой стране. Кажется, прежде его звали Олег Сфеньин. Его дом был дальше по фьорду – мы несколько раз забирали у него рыбу, потому я и знаю его в лицо. Слышал еще, что наши относились к нему очень неодобрительно, как к бывшему русскому... Так вот, он был переводчиком.

– На русский?

– Да. Но сначала их главный осмотрел, как мы связаны. Увидев, что Райке пытался развязаться, он сказал «нихт гут» и страшно его избил, связанного и лежащего. Затем он вынул нож и сказал, что если я не буду отвечать, он вырежет мне глаз. Причем делал это абсолютно спокойно, и это было страшно. По молодости, в тридцать четвертом, я участвовал в уличных драках – железными прутьями, толпой...

– Били коммунистов и евреев?

– Герр следователь, но ведь все...

– Ладно, продолжайте.

– Я честно ответил на все вопросы. Нас снова оставили одних, Райке опять пытался развязаться. Через какое-то время уже другие русские вывели нас на палубу. Там стоял их главный, другие, Свенссон и гефайтер Вилкат с поста. Я немного знал его – мы же заходили сюда не впервые, и в его смену тоже. Он из Мемеля, отец у него ариец, а вот мать местная, кажется, даже не литовка, а славянка. Потому Вилкат жутко страдал от своей расовой неполноценности и старался загладить это служебным усердием. Еще он очень любил говорить, что русские –

это отбросы человечества, тупые дикари, природой склонные к рабству. Герр следователь, я не разделял его взглядов!

– То есть пост был захвачен. Вы слышали выстрелы?

– Кажется, да, один или два, из немецкой винтовки. И всё.

– А сколько там было людей?

– Шестеро в постоянной смене и наших семеро.

– И со всеми справились почти без выстрелов? Так же, как раньше захватили ваш тральщик?

– Да, герр следователь, и я увидел, как они сделали это!

– Продолжайте.

– Главный русский – кажется, он был взбешен. Похоже, Вилкат успел высказать ему свои мысли. Но сначала русский подошел к бедному Райке и перерезал ему горло! А затем он... не знаю, как это объяснить, но он двигался, как пантера, необычно быстро и легко! Он схватил Вилката за руку и сломал – одним движением, совсем не сильным с виду! Затем он так же сломал ему вторую руку и обе ноги. Причем глаза у него были совершенно бешеные. Мне было страшно – я представлял, что он сделает со мной! А он подошел и смотрел теперь как на насекомое, раздавить или нет – ну, как мой дядюшка Ханс на восточных рабов, весной я на побывке... ой, простите, герр следователь! И русский сказал, что при малейшей моей нелояльности он сделает со мной то же самое. После, уже другой русский уточнил – нелояльностью будут считаться не только какие-то враждебные действия, но и если мотор заглохнет по пути. Потому мне было очень страшно. Я боялся, что случится поломка, и тогда.

– То есть вам была предоставлена свобода передвижения?

– Лишь в пределах машинного, герр следователь! Если приходилось выйти в кубрик или на палубу, кто-то из русских обязательно за мной следил.

– Но вы видели их всех? Сколько их было?

– Восемь человек. Но это только те, что захватили катер. В открытом море мы вдруг остановились на довольно длительное время – похоже, что подходили к какому-то кораблю или подлодке. Меня не выпускали на палубу, где слышны были голоса и топот множества ног. Затем останавливались еще раз – и после этого русские сели обедать горячей пищей из судков и термоса, которые я раньше у них не видел. Также у них было снаряжение, которое после первой остановки куда-то исчезло. Наверное, было перегружено.

– Что за снаряжение?

– Что-то круглое, длинное... Герр следователь, я боялся смотреть! Тот русский сказал, что если я увижу что-то лишнее, он меня убьет. Я не сомневался, что он так и сделает!

– Кстати, а как они с вами общались? Или Свенссон оставался с ними?

– Нет, герр следователь, оказалось, что все они более или менее говорят по-английски. Ну, а я в Гамбурге занимался ремонтом моторов на судах, в том числе и на иностранных. Мне приходилось договариваться с английскими моряками. Так что насчет двигателя я вполне мог их понять. Но они говорили не как англичане: правильно, очень похоже, но... Может, я и ошибаюсь, но мне казалось, что английский для них не родной.

– Чем они были вооружены? Как они выглядели, во что были одеты?

– Герр следователь, из всего ручного оружия я знаком лишь с 98К и МР-40, русских же образцов не знаю совсем. У них было что-то вроде карабинов, короче наших винтовок, но с необычно толстыми, гладкими стволами. И магазины снизу, удлиненные – значит, их оружие могло и очередями стрелять. А сами – лица вполне европейского вида, молодые. Форма у них была очень странная, пятнистая вся, с множеством карманов. И тряпки на головах, как в фильмах про пиратов, но все одинаковые, оливкового цвета, как будто тоже форменные. Никаких погон или иных знаков различия.

– То есть были похожи на бандитов? Или какое-то иррегулярное подразделение?

– Нет, герр следователь! У них не было показной субординации, но... Было ощущение, что они контролируют все – каждый без приказа делал то, что нужно, без суеты и лишних слов. Как единый механизм, по единой воле. Которой нельзя противиться. Когда русский приказал мне заглушить мотор и идти в кубрик, я был уверен, что сейчас он убьет меня, потому что больше я им не нужен, но даже не думал сопротивляться, чтобы он до того не сделал со мной то же, что с беднягой Вилкатом. Я молился, хоть прежде не верил в Бога – дальше не помню ничего. Кажется, он стукнул меня по голове. Очнулся я, лишь когда меня развязывали ваши матросы.

– Очень «ценное» свидетельское показание. Почти ничего не видел, так как боялся смотреть. И это все, Александр Михайлович? Или есть что-то еще?

– А вы попробуйте увидеть! Для начала представьте, как восемь человек захватывают боевой корабль, мгновенно, без выстрелов, криков и длительной борьбы – в ножи всех взяли? Затем они так же, почти без стрельбы, берут пост, где еще тринадцать боеспособных и вооруженных, сами не имея даже раненых. И подумайте – они в светлое время, устроив шум на аэродроме, спокойно уходили в море на мотоботе, – или на чем там норвежцы рыбу ловят? – совершенно не боясь, что их перехватят, потому что знали: если их остановят, будет именно так, расправятся походя и пойдут дальше.

– Самоуверенность, недооценка врага? Немцы – противник серьезный.

– Нет. Скорее уж, точное знание, что это им не противник. Такая эффективность и слаженность достижимы лишь после длительных тренировок и наличия боевого опыта. Также обратите внимание на единообразную форму и снаряжение, неизвестные, однако, ни в одной армии. А также оружие – похоже на британские «Стены», но тут я сомневаюсь, уж очень свидетель неграмотный – вполне возможно, что тоже что-то оригинальное. При этом явно русскоязычные, и патриоты. Если слова какого-то литовца сумели вывести их из состояния холодной функциональности – в бешенство.

– Простите, вот так идти во вражеских водах на мотоботе? Тихоходном, невооруженном – и в светлое время? И как бы их подготовка помогла, если бы появился немецкий эсминец? Или авиация? А не одиночный катер, который можно взять на бордаж? И только при грамотной тактике, не сближаясь?

– Могу предположить, что у них были планы и на этот счет. На самоубийц они явно не похожи.

– Ну, если у них такие диверсанты – то каковы же их подводники?

– Меня больше интересует, что у них за летчики. Согласно аэрофотоснимкам, по аэродрому отработали бомбами, не меньше чем тысячекилограммовыми. Причем с невероятной точностью.

– Это могли и диверсанты сделать.

– Склады ГСМ и бомб – да. Но не казармы и стоянку самолетов. Здесь явно было что-то большой мощности – на себе не унести.

– Взаимодействие у них, однако! Самолеты, диверсанты, подлодки. И все же, Александр Михайлович, у вас есть предположение, кто они?

– Есть... но об этом после. Документы, переданные нам, вы внимательно рассмотрели? Я имею в виду не их содержание, а форму.

– Ну, сами папки выглядят несколько странно, хотя тот же целлулоид, что и в полевой сумке... Печать машинописная, удивительно хорошего качества, совсем не «слепая»... От руки – почти ничего, лишь ярлычки на папках.

– А вы видели машинку, которая позволяет печатать разными шрифтами, меняя размер в середине строки? Вставлять прямо на страницу схемы, карты, чертежи?

– И в самом деле! Но тогда – типография?

– Знать бы, где остальной тираж. И надписи «от руки» сделаны не чернилами. Хотя я не могу сказать чем.

– Ну, мало ли что изобрели там, в Европе. Говорят, какие-то ручки есть, для пилотов.

– А при чем тут Европа?

– Ну, Александр Михайлович, это же очевидно! Немецкие секреты, русский язык. Патриотично настроенные белоэмигранты.

– Павел Алексеевич, напомните мне, кто из белоэмигрантов достиг у немцев столь высоких чинов, чтоб иметь доступ к такой информации? Например, вот по вашей части, товарищи командиры. Подробное описание немецкой самонаводящейся акустической торпеды Т-5 «Цаункениг», ожидаемое принятие на вооружение – осень сорок третьего года. Причем довольно подробно разобраны и недостатки, указаны методы противодействия этому оружию!

– И, конечно, эти методы чрезвычайно дорогостоящи, снизят боеспособность кораблей, а то и потребуют внесения изменений в конструкцию?

– Нет. Напротив – на удивление просты и дешевы. Вы сами можете ознакомиться. Я распорядился, чтобы информация, относящаяся к вашей компетенции – флотским делам и прилегающего участка фронта, – была для вас скопирована. А все прочее – уж извините.

– Так все-таки кто они? Вы сказали, у вас есть предположение?

– Да. Но оно бредовое. Скажу лишь, что если я прав, очень скоро вы будете очень удивлены. И обрадованы.

– Заинтриговали, Александр Михайлович. Ну хоть намекните!

Порученец Берии улыбнулся. Достал из полевой сумки что-то похожее на металлическую коробку, пощелкал кнопками, положил на стол.

– Это – от них?

– Нет, это всего лишь трофей. Немецкий портативный аппарат для записи звука на магнитную ленту. Брал с собой на случай, если там, в море, довелось бы встретиться и говорить с теми. Но вот не сложилось, зато другое записал.

Серыми тучами небо затянуто,
Нервы гитарной струною оттянуты,
Дождь барабанит с утра и до вечера,
Время застывшее кажется вечностью.
Нас раскидали по всем направлениям,
Танки, пехота, огонь, артиллерия.
Нас убивают, но мы выживаем,
И снова в атаку себя мы бросаем.

Давай за жизнь, давай, брат, до конца,
Давай за тех, кто с нами был тогда!
Давай за жизнь, давай, брат, до конца,
Давай за тех, кто с нами был тогда!

Небо над нами свинцовыми тучами
Стелется низко туманами рваными.
Хочется верить, что все уже кончилось,
Только бы выжил товарищ раненый.
Ты потерпи, браток, не умирай пока,
Будешь ты жить еще долго и счастливо,
Будем на свадьбе твоей мы отплясывать,
Будешь ты в небо детишек подбрасывать.

Давай за жизнь, держись, брат, до конца,
Давай за тех, кто дома ждет тебя!
Давай за жизнь, будь проклята война,
Давай за тех, кто дома ждет тебя.
Давай за них, давай за нас!

И за Сибирь, и за Кавказ,
За свет далеких городов,
И за друзей, и за любовь!
Давай за вас, давай за нас,
И за десант, и за спецназ!
За боевые ордена
Давай поднимем, старина!

В старом альбоме нашел фотографию,
Деда, он был командир Красной Армии,
...
Запах травы на рассвете не скошенной,
Стоны земли, от бомбежек распаханной,
Пара солдатских ботинок, истоптанных
Войнами новыми, войнами старыми.

Давай за жизнь...
Давай за тех...
Давай за жизнь...
Давай помянем тех, кто с нами был...¹³

Все молчали.

– Хорошая песня! – сказал адмирал. – Только в одном месте неразборчиво. А так, хоть нашему ансамблю заучить – и исполнять. Все же не так хороша немецкая техника, Александр Михайлович?

– Техника не виновата, – ответил порученец Берии, – это помеха оттуда. И выглядит – как намеренная. Что еще любопытно, эту песню не повторили ни разу, в отличие от других.

– А отчего «деда»? – недоуменно спросил кто-то. – Если командир Красной Армии, так у них внуки еще не родились. Или мальцы совсем.

Но его не услышали. Все смотрели на адмирала.

– Так все же, кто они? – настойчиво спросил Головкин. – Не понял я намека.

– После, – ответил особист. – Сначала закончим с текущими делами. Первое – я просил бы вас, Арсений Григорьевич, выделить подводную лодку для моей спецгруппы. Надо найти этого Свенссона и взять у него свидетельские показания. Хотя очень может быть, что он здесь человек случайный – но если существует даже малый шанс, что он что-то знает о наших гостях...

– Вы сами пойдете?

– Очень хотел бы, но нет. Поскольку теперь я секретноноситель высшей категории. Пойдут двое моих людей. Я знаю, что наши лодки-«малютки» уже дважды прорывались в порт Петсамо и успешно возвращались. Это было в полярную ночь, но сейчас нам нужен не порт, а рыбацье

---

¹³ Песня группы «Любэ».

поселение в стороне. Лодка должна скрытно высадить группу и через установленное время забрать. Это реально?

Головко взглянул на Виноградова.

– Риск большой, – сказал командир бригады подплава, – светлое время. И Киркенес сейчас как растревоженный муравейник. Если очень надо, мы выполним приказ, рискнем кораблем и экипажем, но... Александр Михайлович, вы уверены, что игра стоит свеч?

– Стоит! – уверенно ответил порученец. – Если я прав, то полученный результат окажет влияние не только на наш участок фронта, а много большее. Простите, – но пока промолчу об этом. Второе – гости передали нам информацию о планируемой немцами операции против нашего Севморпути – «Вундерланд». Задействованы карманный линкор «Адмирал Шеер» и несколько подводных лодок. Арсений Григорьевич, что мы можем предпринять?

– Послать в Карское море наши лодки. Боеготовы К-2, К-21, К-22. И еще кто-то из «Щук». Но вы понимаете, Александр Михайлович, что результат не гарантирован. Лодки все же мало подходят на роль конвойных кораблей. Их дело – активный поиск противника. А как найти рейдер в достаточно обширном районе? Но – у вас есть другое предложение?

– Есть. Принять помощь наших «гостей», которые берутся решить эту проблему. Причем такое впечатление, что они готовы обойтись и вовсе без нас. Однако же они просят у нас канал связи – позывные, длину волны – для своего сообщения с Диксоном и нашими судами. Как они выразились – «для избежания ваших потерь».

– У вас есть возражения?

– Да. Будь моя воля, я бы категорически это им запретил. При всех их возможностях они все же не всесильны и неуязвимы. И если я прав, то наш риск их потерять перевешивает и уничтожение «Шеера», и любые прочие наши потери. Но я сильно подозреваю, что они не послушают, уже приняв решение и лишь уведолив нас, чтобы не сильно мешали.

– Кстати, а почему вы называете их «гостями»?

– Потому что, если я прав, они пришли издалека. Очень издалека. На ваши вопросы я отвечу позже, если мы все вместе не станем свидетелями... В общем, Арсений Григорьевич, дайте им все, что они просят – в смысле, канал связи. Мне же нужен сейчас этот Свенссон – очень нужен, товарищ контр-адмирал! После чего я должен буду на день-два вылететь в Москву с документами. А когда вернусь, то немедленно выйду в Карское море, потому что главное действие сейчас будет там.

Из рапорта лейтенанта НКВД Воронова Н. К.

...на месте, при наблюдении обнаружилось, что указанное рыбацье поселение является по сути усадьбой, где живет лишь интересующая нас семья. Однако же кап. – лейт. Бондаревич, командир ПЛ М-176, категорически отказался следовать утвержденному плану, мотивируя это тем, что в пределах видимости находятся еще два аналогичных поселения, где, возможно, есть средства связи, или даже немецкие гарнизоны, а значит, по высадке спецгруппы для беседы с объектом на месте, он не гарантирует ее возвращение – «так как через полчаса здесь будет полный базар-вокзал наверху» – только захват с немедленным отходом. Поскольку при входе в фьорд и возле поста СНИС наблюдалась немецкая активность (трижды были замечены катера), то я, исходя из данного мне права действовать по собственному усмотрению в соответствии с обстоятельствами, дал свое согласие.

Высадка была проведена на причал. Со мной были лейтенант НКВД Хомченко, а также трое вооруженных краснофлотцев из экипажа ПЛ (перечень фамилий). При выдвигении мы были обнаружены жителями поселения, которые, однако, не предприняли никаких враждебных действий или попыток скрыться. Оpozнав объект по словесному портрету, я предложил ему следовать с нами на подлодку. Взять членов его семьи не представлялось возможным из-за малой вместимости резиновой шлюпки. Отмечу, что при этом объект словесно выразил свое

несогласие, а также допустил контрреволюционные высказывания, которые могут быть трактованы как преступление по статье 58 часть... Ввиду недостатка времени, пришлось применить силу и угрозу оружием.

Возвращение на базу прошло без эксцессов. Лодка подверглась атаке немцев, сбросивших более десяти глубинных бомб, не причинивших вреда, за исключением двух разбитых ламп и травмы лейтенанта Хомченко, ударившегося головой о переборку. Объект вел себя спокойно, лишь произнося слова религиозного содержания.

Из протокола допроса гражданина О. Свинына (он же Олаф Свенссон)

– ...мы на лов по пути остановились, ждали, пока отлив силу наберет – для мотора топлива нет, немцы все забрали. Там место было удобное, всегда там привал делали – ровное, а со всех сторон скалы, щель лишь наверх, там так круто, что шею можно сломать. Только хотели костерок развести – сверху эти валяются, как черти! Восьмером нас обступили, по-русски ругаются – ну, я сразу понял, славяне!

– Они напали на вас? Зачем?

– Нет, гражданин следователь, похоже, что они тоже не ждали кого-то встретить: сверху там не рассмотреть, есть ли кто у воды. Мы испугались, конечно. А они захоронку свою достали и сказали нам грузиться. И сами на баркас.

– Что за захоронка?

– Под водой спрятано было, там скала в воду уходит, с обратным откосом, а под ней вроде грот. Там они прятали... не знаю, не видел такого никогда! Восемь аппаратов с масками вроде легководолазных и четыре, как торпеды маленькие, только с седлами.

– Подробно расскажите, как они выглядели, во что одеты, чем вооружены. С чего вы решили, что они все русские?

– Ну, гражданин следователь, русских я ни с кем не спутаю! Словечки характерные, да и поведение, манера держаться – не знаю, как понятнее объяснить. Молодые все, здоровые, старший только годам к сорока. Одеты все одинаково, только формы такой я никогда не видел: пятнистая вся, со множеством карманов, а поверх что-то вроде жилета такого же цвета, тоже с карманами. На головах платки, как у баб – но тоже одинаковые, как форменные. Оружие – незнакомое. Я «мосинку» знаю хорошо, с той еще войны, автомат ППД видел у ваших пограничников, немцы с чем ходят, тоже насмотрелся – но вот такого... Короче мосинской, как карабин, ствол непривычно толстый, но гладкий, не как у ППД. И вроде оптика сверху. И стреляет – бесшумно, даже очередями.

– То есть как – бесшумно? Из автомата или винтовки?

– А вот так! Как они на катере немцев положили вмиг! Вот только что к борту подходим, они там с автоматами, готовы уже к нам – и вдруг раз, и никого уже живых нет! А эти уже там, лежавшим всем в головы по пуле – и трупы в воду.

– Немцы приняли их за своих? Не удивились их виду, подпустили близко?

– Так мы же им одежду свою дали, прикрыться. Чтоб издали не разобрать.

– Вы разговаривали с ними? О чем?

– Да обо всем, гражданин следователь. Больше их старший меня все спрашивал. О том, что в округе – где немцы стоят, что делают. И обо мне – чем живем, как, что, почему. Еще странно – русский он, это без сомнения, а будто не жил там: не знает, сколько хлеб стоил, сколько трамвай в Питере, я там в двадцать восьмом год прожил, а помню! И другие такие же мелочи. Может, вдали где воевали?

– Почему вы так решили? Они на служивших были похожи?

– Еще как похожи, гражданин следователь! Я на той, Империалистической, два года в окопах – так помню, как кадровые от запасных отличаются: взгляд, походка. Эти же – как волчары и будто на пружинах. Старший рукой лишь махнет – делают мгновенно. А часто и прика-

зывать не надо: они будто и так знают, что делать – так, чтобы за всех, не за себя! Служивые – это точно, и воевали в достатке. Непривычному на войне всегда страшно, и самому, грех на душу, поначалу тоже. А у этих – совсем без мандража, как машины какие. Странно только – такие, и к немцам, а по-немецки никто ни бум-бум. Пленных допросить – меня звали. Вот по-англицки все они могли! Но не англичане, точно – уж на морячков их я здесь до войны насмотрелся, с некоторыми на короткой ноге был, по делам. С немцем-механиком они по-английски говорили – тот тоже чего-то понимал.

– О чем? Вы слышали тот их разговор?

– Да все о том же – в каком состоянии моторы и есть ли горючее. Они же сначала катер утопить хотели. А после один доложил, что моторы в порядке и бак почти полный – так их старший и решил, берем катер, а нас отпустить. Груз свой быстро перекидали, мне деньги отдали, все, что у немцев нашли, и сказали – свободен!

Еще через сутки. Москва. Кабинет наркома внутренних дел.

Присутствуют двое. Хозяин кабинета и тот, кто в Полярном называл себя «старшим майором Кирилловым»

– Что ж... версия очень интересная и безупречно логичная. И достаточно сумасшедшая, чтобы быть правдой. Слишком сумасшедшая для чьей-то игры. А теперь, пожалуйста, изложите ее мне не кратко, а подробно. С доказательствами и анализом альтернативных вариантов. Я слушаю!

– Так точно, товарищ нарком! Из трех версий – действия какой-то из держав, инициативы некоего тайного общества или частных лиц и той самой, «сумасшедшей» – первая, казалось бы, должна быть принята без сомнений. Если не рассматривать события подробно. Еще одну версию – о сверхъестественном, потустороннем вмешательстве – исключаем сразу, как противоречащую материализму. Напомню, что все началось с того, что неизвестная подводная лодка, или флотилия лодок, сначала атаковала немецкий конвой, уничтожив минный заградитель «Ульм» и три транспорта, а затем эскадру боевых кораблей, потопив карманный линкор «Лютцов», крейсер «Кельн», три эсминца и плавбазу.

– Ну, их «волчьи стаи» в Атлантике, нападая на конвои союзников, топили и по десять транспортов...

– Лаврентий Павлович, здесь есть очень большое отличие. Конвой в открытом океане, гораздо легче обнаруживаемый, атакуемый в течение нескольких суток или даже недель, при полной свободе маневра, а значит, и выборе времени и направления удара, охраняемый весьма малым количеством боевых единиц, без авиации. И отряд кораблей в норвежских фьордах, открываемый для атаки лишь с одного, известного направления, на короткое время – а ведь его надо заранее как-то обнаружить! – при количестве эскортных кораблей, большем, чем число охраняемых объектов, с поддержкой авиации. Задача в разы сложнее, а противодействие – настолько же сильнее! Тем не менее они это сделали: выбили одним ударом – на большее число нет ни времени, ни возможности! – сначала четыре, а затем шесть фигур! Что потребовало, кстати, участия нескольких лодок при их идеальном взаимодействии, у одиночной лодки просто не хватит в залпе торпед. И после всего ушли без потерь! Это не пресловутая «атака Веддингена», это что-то в разы превосходящее, трудное даже для понимания, не то что для исполнения – таково мнение всех наших подводников-североморцев. Однако замечу, что ни немцы, ни британцы, ни моряки любого другого флота мира пока не показывали ничего подобного за все годы войны.

Потому абсолютно непонятно, почему британцы или американцы – хотя лодки последних в этих водах пока не замечены – не кричат о победе. Это же и сильный пропагандистский эффект, и «Крест Виктории» для командиров лодок, и чины с орденами для штабов, и жирный кусок для журналистов! Даже если при этом было применено какое-то секретное оружие, нет

никакой пользы засекречивать сам факт. Англичане, правда, предприняли попытку в первом случае, сразу показавшую несостоятельность. Что лишь доказывает их непричастность к делу. Загадка техническая может быть снята, если предположить, что это были лодки или лодка какого-то нового типа, на голову превосходящая корабли, стоящие на вооружении всех воюющих стран. Запомним это – после еще вернемся к этой детали. Загадки политической это не снимает.

– Если эту сверхлодку построили англичане? Как «Пионер» из книги Адамова.

– Во-первых, повторяю, это не объясняет сам факт сокрытия атаки. Что мешало объявить: победу одержала лодка флота Его Величества «Сивулф», если уж принять их название, не уточняя, что это за корабль? Или даже объявить о ее превосходстве, – без подробностей! – что окажет сильное моральное воздействие на противника. Во-вторых, в так называемых «демократических» странах очень трудно что-то скрыть, особенно если это касается траты казенных денег. А строительство такого корабля, первого и нового, есть дело недешевое. Обязательно были бы дебаты в парламенте и газетная шумиха – вспомните, что было, когда французы строили «Сюркуф»! – сейчас война, но хоть что-то бы просочилось. По крайней мере, наши источники в Британии непременно дали бы нам знать!

– Резонно. Продолжайте.

– Дальше. Они болтаются в море, вблизи линии фронта – и не придумали ничего лучше, как сообщать нашим подводникам о немецких конвоях. Заметьте, что сами они не атаковали! После того, что только что сотворили. И эта инициатива и пассивность абсолютно необъяснимы, если они являются кораблем регулярного военного флота! Больше того, они пытались передавать нам перехваченные и расшифрованные немецкие сообщения, а после передали значительный объем очень ценной информации, что вовсе не лезет ни в какие ворота! Будь это государство – гораздо проще, быстрее и надежнее сделать это через их военную миссию. Так же – и с точки зрения секретности. Если они по какой-то причине не хотели афишировать свою помощь – достаточно было обратиться к нам с простой просьбой сохранить конфиденциальность. Что, кстати, обеспечило бы и намного меньший круг лиц, что-то знающих. И вызвало большее доверие к информации, источник которой известен. Впечатление такое, что все это было в чистом виде инициативой исполнителя – сделать хоть что-то, что пошло бы нам на пользу, а немцам во вред. По крайней мере, другого смысла я не вижу.

Дальше – удар по Киркенесу. Что необъяснимо само по себе. Было применено что-то, по действию аналогичное тяжелым авиабомбам, что исключает палубную авиацию. Однако у тяжелых бомбардировщиков английских ВВС также не хватает дальности нанести этот удар со своей территории. И опять же, в этом случае непонятно их молчание о таком успехе. Зато примечательно, что удар последовал после того, как мы выразили сомнения в их правоте, и в довольно резкой форме. Как будто они решили доказать нам свою лояльность и возможности.

Тут были замечены не только их лодка, но и диверсанты. С высочайшей подготовкой и, по-видимому, боевым опытом. Причем – русские по национальности. Со снаряжением, похожим на используемое боевыми пловцами итальянского флота. Пришли с субмарины, сделали дело – и уходили на нее же, когда подвернулся этот Свенссон. Неожиданно – но тут же симпровизировали, решив часть пути проделать на его баркасе. Попался немецкий катер – с ходу, имея для подготовки буквально секунды, взяли его на abordаж, перебив команду, сами не имея потерь. Обнаружив, что катер исправен и на ходу – тотчас изменили план. А встретив лодку, очевидно, изменили еще раз, решив сделать нам «подарок».

– Кстати, а где сейчас этот Свенссон?

– Ну, чтоб все было по закону, я оформил его по пятьдесят восьмой, товарищ нарком. Изменник родины, бежал за границу. Может, вспомнит чего еще. А после видно будет – в лагерь или...

– Ну, все-таки человек нашим, кем бы они ни были, помог – заслуживает снисхождения. Предложите ему на службу. Добровольцем или вольнонаемным – конечно, с соответствующим режимом и подальше от фронта. Ну а если откажется, тогда... Сам выбрал.

– Так точно, Лаврентий Павлович. Чтобы закончить с Киркенесом: неясно, чем по нему ударили. Склады ГСМ и бомб – это могли сработать и диверсанты. Но удар по казармам и стоянке самолетов – это явно что-то намного более сильное, что на себе не унести, как залп главного калибра линкора. Тогда эти диверсанты одновременно могли быть и корректировщиками?

– Допустим. Дальше?

– Они передали нам информацию. Касательно того, что было захвачено на аэродроме – это еще как-то объяснимо, отдали нам то, что не нужно самим, но остальное... И по форме, и по содержанию!

По содержанию – это, прежде всего, касается папки – «Юг»! Оперативные планы немецкого командования, силы, даты, фамилии командующих, анализ положения на фронте – на дату передачи информации.

– То есть?!

– Именно так. Добавлю еще, что все материалы, карты, схемы были отпечатаны типографским способом. Представьте этот сюрреализм: получив оперативную сводку с фронта, отпечатать документ и каким-то образом передать на корабль в море! Притом, что захват катера был чистой импровизацией – об этом, смею предположить, заранее не могли знать они сами. Нереально!

И зачем так сложно и ненадежно? Если кто-то хотел передать нам сведения, зачем их печатать? Отчего не микропленка? Зачем вся эта авантюра с катером в море?

А информация? Откуда у командира подводной лодки, или даже у какой-то одной державы, такие сведения?

Так, еще одна из переданных папок – это рекомендации по повышению боеспособности Красной Армии, касающиеся организации, тактики, боевой техники, особенно авиационной и танковой, причем с реальными боевыми примерами, имеющими место быть, которые, однако, широко не оглашались! Я, конечно, передам материалы для оценки специалистам, но мое первое впечатление самое положительное, тем более что некоторые из их предложений уже выдвигались, но пока не получили ответа.

Другая папка относится к так называемому «атомному» оружию. Описание физического процесса, технологий. Кратко – потребного оборудования. И подробно – кто сейчас занимается этим у союзников и у немцев. Причем указаны сроки с опережением – даты, относящиеся к сорок третьему, сорок четвертому, сорок пятому годам! Правда, с пометкой «предположительно», «вероятно», но поставленных иногда так, что создается впечатление, эти слова просто впихивали в готовый текст!

Есть информация о немецких «самонаводящихся» торпедах, которые, если верить материалам, будут приняты на вооружение в следующем году! И особо тяжелых танках, которые, если опять же верить, должны испытываться на нашем фронте в конце августа, под Мгой, а массово начать применяться с лета сорок третьего. Что, кстати, наряду с информацией из раздела «Юг», может быть легко проверено в ближайшее время.

Какая держава и ради чего будет оказывать нам такую помощь?!

Предположим, что существует некое тайное общество, которое вдруг решило вступить в войну на нашей стороне. Оставим вопрос, почему они никак не проявляли себя прежде – хотя отметим, что тайное общество, долгое время не совершающее никаких действий, обречено прекратить существование. Но также очевидно, что тайная постройка подводной лодки, по своим возможностям намного превосходящие существующие, абсолютно нереальна как для общества частных лиц, так и для одного, пусть даже очень богатого лица.

От самой гениальной и перспективной идеи до воплощения ее в безупречно работающую конструкцию – дистанция огромного размера. Борьба с «детскими болезнями», промежуточные несовершенные образцы, необходимость дорогостоящих прикладных исследований – все это требует колоссального количества научных, инженерных, производственных мощностей и огромное число вовлеченного народа. Причем эти люди имеют собственную волю – так, судостроительная верфь, владея столь совершенным проектом, будет крайне заинтересована в постройке по нему субмарин для флота своей державы или на продажу за очень большие деньги. Так же, как и создатель какого-то удачного узла, частного решения – тем более, как мы уже отметили, все это трудно будет скрыть. Таким образом, следует абсолютно исключить, что в нашем мире кто-то помимо государства мог построить подводную лодку, превосходящую все существующие. Оставим легендарный «Наутилус», тайно построенный на необитаемом острове – фантазии Жюль Верна.

Предположим, техника самая обычная. Повторю – в деле с «Лютцовым» никак не могла быть одна лодка. И сразу встанет вопрос снабжения: сколько торпед, топлива, провизии, нужно флотилии подлодок, и как передавать это во враждебных водах? А столь высокий уровень подготовки экипажей требует постоянной тренировки для своего поддержания. Как можно обеспечить таковой выше, чем в регулярных флотах?

О национальной принадлежности наших «друзей». Белоэмигранты или их потомки, поскольку они явно моложе? Я уже описал, какие будут трудности, что построить «сверхнаутилус», что сформировать флотилию лодок с великолепными экипажами. Это потребует особой организации – как иначе вы будете подбирать и обучать людей весьма специфических профессий, причем втайне от всего мира? Но как раз то, что сегодня в эмигрантской среде довольно распространены патриотические, антифашистские настроения, очень облегчает наше проникновение в нее. А потому я могу абсолютно гарантировать, что никакой организации патриотов-подводников среди эмигрантов нет – мы бы обязательно знали.

И, наконец, их песни. Согласитесь, Лаврентий Павлович, что само существование стольких песен, до того абсолютно неизвестных в нашем мире, уже невероятно!

Однако же именно их «концерт» позволил мне окончательно сформировать мою гипотезу. И сделать ее главной. Единственно объясняющей все нестыковки и противоречия.

Вот первая песня, с которой все началось. Которая, по идее, должна быть чем-то вроде «визитной карточки», намек. Я записал ее при очередном повторе.

В безнадежном бою победителей нет.
В безнадежном бою кто погиб, тот и прав.
Орудийным салютом восславили смерть –
Открывая кингстоны, восславили флаг.

И свинцовых валов полустертая рябь
Зачеркнула фальшборт и сомкнула края...
Под последний торпедный бессмысленный залп
Мы уходим в легенду из небытия.

И эпоха пройдет, как проходит беда...
Но скользнет под водою недобрая весть –
И единственно верный торпедный удар
Победителю скажет, что мы еще здесь.

И другие придут, это будет и впредь –
Снова спорить с судьбой на недолгом пути.

Их черед воевать, их черед умереть –
Их черед воскресать и в легенду идти¹⁴.

Берия молчал. На лице его нельзя было прочесть ничего. Затем он дал знак – и Кириллов включил слушать дальше. «От границы мы землю вертели назад», «Як-истребитель», «Их восемь – нас двое», «Мы взлетали, как утки», «Всю войну под завязку...», «Звезды». Затем грянула «Артиллеристы, Сталин дал приказ» (в знакомой нам истории впервые прозвучавшая лишь в сорок четвертом). «Флагманский марш», «38 узлов», «Комбат-батяня», «По полю танки грохотали».

– Они воевали, – сказал Берия. – Такое не сочинишь... Только пропустив войну через себя. Нашу войну. Вы правы, это не иностранцы, не эмигранты. Это наши, русские.

– Ну, «Варяга», положим, немец написал, – осторожно напомнил Кириллов.

– Который, кажется, присутствовал при том бое, видел своими глазами? Исключение, которое лишь подтверждает правило. Что там дальше?

Они слушали – «Призрачно все в этом мире бушующем», «Надежда – мой компас земной», «На Лебяжьей канавке», «А люди идут по свету», «Каждый костер когда-то догорит», «Каждый выбирает по себе – женщину, религию, дорогу».

– Мы победим, – заметил Берия. – Такие песни проигравшие войну не пишут. Войну, где проигравшие – рабы. Да, пожалуй, убедили вы меня, Александр Михайлович. Почти. Песни все – нашего мира, от души написанные. И в то же время у нас абсолютно неизвестные – все! Чего не может быть. Значит, что следует по «бритве Оккама»?

– Что они еще будут написаны, – подхватил Кириллов. – Эта версия единственная объясняет всё! Подводная лодка из конца века неожиданно провалилась в наше время. Как должен вести себя экипаж? Сначала, конечно, шок, растерянность. Но ненадолго – на лодках слабозвоновые не служат. Затем мобилизация – и злость. Для их уровня техники, оружия – «Лютцов» и «Кельн» – это как для нас корабли Русско-японской. Поначалу шли, топя все. Затем – десять целей. Если сосчитать боекомплект, возможно, он у них на исходе, или, по крайней мере, решили беречь. И чтобы хоть чем-то помочь, стали наводить наших на конвои. После, как я сказал, ударили по аэродрому, чтоб мы поверили. Чем – ну, может, у них лодки, как подводные линкоры, всплыл и ударил главным калибром, с корректировкой. Катер подвернулся – опять в строку, подарить нам, все польза, а заодно с подарком. Ведь если у нас написаны ученые труды по той войне с подробным разбором ошибок маршалов Фоша и Гинденбурга в таком-то сражении шестнадцатого года, то и для них эта война – история, открытая книга: факты, даты, фамилии. Они знают даже...

Он осекся. Посмотрел на Берию, а тот на него. Оба поняли недосказанную фразу: «когда мы умрем».

– Ничего еще не решено! – сказал Берия. – Поскольку в той истории их не было. Ведь мы не смогли бы так – утопить эскадру, «Лютцов», «Кельн», прочих. Понятно, что это значит? Историю можно переписать! И все случится по-иному или не случится совсем! Черт... что творится!!! А почему вы решили, что они из конца века?

– Те слова, которые стерты. Будете меня бранить, Лаврентий Палыч, но я отдавал пленку нашим спецам, пытаюсь отсеять помехи. Я приглашал одного музыканта с абсолютным слухом – подписку о неразглашении со всех взял. В общем, пропущенные слова с большой вероятностью звучат так:

В старом альбоме нашел фотографии
Деда, он был командир Красной Армии.

¹⁴ Песня Светланы Никифоровой.

Сыну на память, Берлин сорок пятого.
Века ушедшего воспоминания.

– Значит, мы будем в Берлине через три года. «Дед», «века ушедшего» – значит, начало двадцать первого века. Иначе сказали бы прадед.

– Так. Что еще о них можно сказать?

– Мне первая их песня покоя не дает. Что за «безнадежный бой», который они проиграли? Война, о которой та песня, «давай за жизнь, усталость – не победа»? С какой войны они к нам попали? С кем? И там, у Киркенеса, в спецгруппе высочайшей выучки никто не знал язык вероятного противника? Бред, быть такого не могло! А вот английский знали все!

– А отчего вы решили, что они попали сюда помимо своей воли? И вернуться не могут?

– Я подумал сначала, что это задуманный план. Но кое-что не сходится. Если бы наши потомки с самого начала желали помочь нам выиграть войну, они бы сделали иначе. Например, перебросили бы ударную армию на Белостокский выступ двадцать первого июня. Или с самого начала вышли бы на связь и дали информацию. Если же это какая-то цель локальная – опять не сходится. Утопили бы «Тирпиц» – и назад к себе. А они импровизируют, причем довольно удачно, на тему «чем бы еще помочь». И не возвращаются.

– Разумно. Но отчего тогда они уклоняются от прямого контакта?

– Есть у меня... одно предположение. Сам не уверен, но... Песни у них хорошие, патристичные. Но вот про социализм, коммунизм не было нигде! А вот про «погоны» несколько раз мелькнуло! Возможно, у них был контрреволюционный переворот. Восстановление монархии и капитализма. А может, и интервенция англичан.

– Так. И что из этого следует?

– А вы представьте, товарищ нарком, что если бы наша лодка, и провалилась бы в девятьсот четвертый, к началу Русско-японской. Знаю, что у нас с ними пакт, но и замполиты на Тихом уже сейчас экипажи накачивают: «Помни Порт-Артур, отомстим самураям». Что они делать будут? Ясно – топить японцев, и ведь можно было бы весь флот Того утопить, чтобы избежать Цусимы! А после куда? Вроде выбора нет: в других странах такие же короли и империалисты, а тут хоть русские, свои. А с другой стороны, на носу пятый год, затем мировая, Октябрь и Гражданская, а они сами – «кухаркины дети» перед Николашкой и адмиралом Колчаком!

– То есть, по вашему мнению, они после могут выступить против нас?

– Нет, что вы, Лаврентий Павлович! Я о том, что выбор этот им сделать будет нелегко – и в море спокойнее, пока есть топливо, еда и торпеды, ну а воевать им привычно уже, да и враг не такой, как тот, с которым они там воюют.

– Ну, если это так... Теперь вот им подвернулся «Шеер», и черт его дернул на свою голову! Они рады стараться, вцепились и, скорее всего, утопят. Черт с этим корытом – они нам здесь нужны! А если все-таки потопят их? Какая бы сверхлодка ни была, споткнуться каждый может, да и аварии случаются и без войны! Нам они здесь нужны, а не в море – и точка. То, что они знают, много важнее, чем какой-то «Тирпиц»!

– Как, товарищ нарком? Они наших приказов слушать не будут. На взаимодействие, положим, идут охотно, но лишь на равных! И если поставили себе задачу «Шеер» утопить, то утопят. А после «Тирпиц» станут караулить. Вот когда у фюрера кораблей не останется совсем, или у них торпеды иссякнут.

– Товарищ старший майор, вам задача ясна? Полномочия получите. Мы, слава богу, не бездарь Николашка. И людей ценим. А эти люди очень важны, и для нас всех, и для фронта, и для страны нашей. Убедите их, чтобы они с нами без всяких там. И если напортачите – ответите за все, уж не обессудьте! Все виновные ответят.

Через полтора часа. Кабинет Сталина

– Значит, думаешь, все-таки гости из будущего, Лаврэнтій?

– Да, товарищ Сталин, это пока наиболее вероятная версия.

– Ну что ж. Товарищ Кириллов, ви человек, как я вижу, очэнь нэ глупий, раз до такого додумались. И решительный, если нэ побоялись о таком нам рассказать. Вот и задача вам соответствующая – устроить этих гостей, кем бы они там ни били, как слэдует. Как слэдует – это значит и технически, и питанием, разберитесь на месте, где они будут базироваться и как их лучше легализовать. Да и просто по-человечески их нормально устройте. Подумайте, чем наградить, и не мэлочитесь – этот Киркинес нам столько крови попортил, а они его буквально с земли снесли. Пусть потомки, если это только они, видят, что попали домой и им здэсь рады. Они должны многое из того знать, что будэт только через дэсятки лэт известно. И если они дэйствительно из будущего – то подарок нашей стране просто замэчатэлний. Вот уже сколько полезного передали. Но ви там поаккуратнэй, все-таки они – нэ совсэм наши люди. Если подтвердится их происхождение, то это важнейшая государственная тайна. Никак нэльзя допустить, чтобы о ней узнали иностранцы. И нэмци, и наши союзники. Правда, моряки давить будут – но ви уж постарайтесь, хотя кое-что все равно им рассказать придется. А вот кому и что именно – ви там, на месте, сами разбиритэсь. Кузнэцова я прэдупрежу, чтобы нэ мешал. А так – говорите всем правду – что это спецоперация НКВД. В Москву сообщайте только вашему наркому или лично мне по адресу Крэмль, товарищу Иванову. Больше пока никому. Если будэт что-то срочное, что сами на мэсте решить нэ сможете – связывайтэсь с товарищем Ивановим по ВЧ. И еще – возьмите у Поскребышева мандат, он сейчас его вам подготовит.

От Советского Информбюро, 18 августа 1942 года

В районе Краснодара наши войска вели бои с танками и мотопехотой противника. На одном участке наши артиллеристы и броневойщики отбили атаку неприятеля. Подбито 12 танков. На другом участке танкисты Н-ской части в ожесточенном бою уничтожили до 600 гитлеровцев и 20 танков противника. В районе Минеральных Вод наши части отбили атаки войск противника. На Северо-Западном фронте происходили бои местного значения. Части под командованием тов. Свиридова предприняли несколько атак и нанесли немцам урон в живой силе и технике. Красноармейцы Латкин и Васильев во время атаки вражеских блиндажей закололи 14 немцев. Старший сержант Догадин из противотанкового ружья сбил немецкий транспортный самолет «Юнкерс-52». Брянские партизаны пустили под откос три железнодорожных эшелона с живой силой и техникой противника. На одной из шоссежных дорог партизаны сожгли мост, в связи с чем затормозили движение автотранспорта противника.

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Морской волк». Карское море

Ну вот он, «Шеер». Как и в нашей истории, вошел в Карское море вечером восемнадцатого, обойдя с севера острова Новой Земли. Севернее мыса Желания мы успели его перехватить.

Акустики не подвели – первый контакт поймали почти за сто миль. Устойчиво взяли на сопровождение – за пятьдесят. Еще три часа ожидания – и вот, наблюдаем в перископ.

Он самый, который год назад устроил англичанам хороший сабантуй в Атлантике и Индийском океане. Сколько он там потопил, два или три десятка транспортов, не помню, надо после у Саныча спросить. Теперь прется устроить то же самое на нашем Севморпути, по которому сейчас идут два каравана, на восток и ему навстречу. Ведь навигация здесь такая короткая. Море ото льда освободится лишь в начале августа. А в октябре – уже вовсю зима.

Торпеды готовы – и БИУС загружен. Сейчас отдам приказ – и полетят от фрицев клочки по закоулочкам, потому что больше ничего не останется, видели уже, что сделала 65-я с «Лют-

цовом», его систер-шипом. И мы никого вылавливать не будем принципиально, так что те из фрицев, кто успеет выпасть за борт в ледяную воду, будут завидовать своим товарищам, умершим быстро. И спасти фрицев теперь может лишь прямое божественное вмешательство – но, надо думать, Всевышний давно забил болт на земные дела, иначе как допустил бы он блокаду и Бабий Яр?

Но сейчас нельзя. Потому, выждав, идем в пяти милях позади. Акустики уже списали «портреты» во всех ракурсах – узнаем теперь издали. А вам, фрицы, не всякая отсрочка во благо: даже вашему фюреру было бы куда как почетнее погибнуть на своем посту, от рук заговорщиков, в июле сорок четвертого, чем через девять месяцев сдохнуть от самолично принятого яда, как крысе, в окруженном нами бункере, не командуя уже ничем. Так будет и с «Шее-ром», если наш план удастся.

Но расскажу все по порядку. Все началось с того, что утром шестнадцатого родилось следующее послание: «Будущему фюреру германского племени, большому адмиралу Карлуше Дёницу. Предупреждаю тебя, если ты, мужичок со взглядом цыпленка, не уберешь подлодки из территориальных вод СССР, в течение трех суток, быть им всем стальными гробиками на дне морском. Это также касается и кораблей, можно сказать, уже опального адмирала Редера, они уже утюгами идут на дно с полными отсеками рыбьего корма. И попросите своего пока еще живого, который для других давно ходячий труп, чокнутого припадочного неврастеника с соплей под носом и обрезком в штанах, великого художника Шикльгрубера Адольфишку, отпрыска еврейского народа, который он из-за этого так и ненавидит, убрать остатки своих консервных банок в свои порты, чтоб нам не пришлось ими засорять морское дно. И куда только садист Гиммлер, борец за чистоту фашистского народа, смотрит, ими же управляет этот недотравленный даун, чтоб ему два х... в зад для полного счастья. А также большая просьба к бегемоту в мундире: ты, пережравшийся кабан, из тебя получится очень много ливерной колбасы для пропитания ваших собственных вояк, когда они будут подыхать на берегах Волги. Не быть тебе наследником немецкого престола, твой обожаемый придурок власть отдаст другому, а тебя, наркомана, прикажет расстрелять, а если твои общипанные вороны не перестанут бомбить мирное население в городах в течение трех суток, то тебя кончат чуть раньше, чем всех остальных дебилов из упомянутых в этом послании. И напоследок, это об ошибке природы – колченогом мышшином докторе, жополизе великого художника и попугае фашистского племени: если не перестанешь вякать в эфире, то твой поганый язык пришьют к задку твоего любимого неврастеника.

Командир подводной лодки «Морской волк». Стратегические Силы Марса. Суперкоманданте первого ранга Ламипет».

Хохот личного состава, свободного от вахты, я услышал еще издали. Подойдя, обнаружил на стене столовой, рядом с плакатом, где по-прежнему скалили клыки орки со «шмайсе-рами», это «послание моряков немецкому султану». Григорич времени не теряет. Любопытно, он сам писал или кого-то загрузил? А, вот и он сам, с довольной физиономией, как кот у банки сметаны.

– Стараемся, тащ командир! – поспешил он отрапортовать. – У меня еще мысль хорошая, а что если это на немецкий перевести и по радио адресатам послать?

Стоящие рядом матросы заулыбались. Я деликатно взял Григорича за локоть, и мы вышли в соседний отсек, чтоб не ронять перед личным составом авторитет их воспитателя. И там начал свою воспитательную работу.

– Какое радио, ты что, оху...? С фрицами ладно – а если союзники услышат, как отмываться будем, мы и товарищ Сталин? Когда спросит его их посол: «А кто это у вас там геройствует, во флоте вашем не состоя, и чем это они половину кригсмарине перетопили? Ах, из будущего. Такие вещи ни в коем случае не должны быть достоянием одной страны, а лишь

всей мировой общественности!» Короче – предоставьте и нам, а то ленд-лиз перекроем!» И что тогда? Я уже беспокоюсь, что бритты думают – они ж тоже не слепые и глухие! А давать им хоть что-то, зная о будущей «холодной войне» – хрен вам!

– Так не узнают, – ответил Григорич. – В сводке Совинформбюро было уже – подводная лодка К-25 Северного флота потопила броненосец «Лютцов» и крейсер «Кельн», флотская авиация нанесла удар по Киркенесу... Я сначала обиделся даже, что наши победы кому-то присудили, так Саныч меня просветил: не было у нас в войну такой лодки К-25. Выходит, это нас так обозвали, чтоб не выплыло. Тоже, значит, думают о том же?

– Ага! – усмехнулся я. – Вот будет номер, если их атташе или журналисты захотят на эту героическую лодку взглянуть? Или наши тогда додумаются на другой лодке «тип К» этот номер нарисовать и экипаж проинструктировать говорить что надо?

– А все ж жаль, – заметил Григорич. – В эфир передать, это ж у фрицев такое начнется... Особенно после того, как их корабли и лодки станут просто исчезать бесследно. Да все их кригсмарине по-пластунски ползать станет, боясь голову поднять. Прямо по «Лю Тао».

– А это что такое?

– А разве вам, Михаил Петрович, Саныч книжку эту еще не предлагал прочесть? Это трактат такой китайский, двух- или даже трехтысячелетней давности, из серии «Искусство войны». Он считался настолько секретным, что хранение и прочтение его лицом, не принадлежащим к правящей династии, считалось государственной изменой, попыткой захвата власти и влекло немедленное усекновение головы. Поскольку воевали древние китайцы в основном друг с другом – то еще там было подробно описано, как свергать правителя и самому усидеть. В общем, китайский дедушка Ленин, но читать любопытно даже сейчас.

– Спасибо, что напомнил – мне как раз к Санычу нужно, книжку вернуть.

Санычева библиотека, в свете наших обстоятельств, стала у экипажа очень популярной. Все хотели узнать, в какое время мы попали и что там, собственно, происходит. Петрович даже выступал в столовой: «Народ, книг не зачитывать, страниц не пачкать – помните, что они не вам одним нужны. А ты, Сан Саныч, хоть тетрадь заведи – записывай, что выдал и кому».

Мною это приветствовалось как занятие полезное и занимающее у людей время, свободное от вахты. Сам я излишним временем не располагал, предпочитая спрашивать у Саныча уже готовый «экстракт» – что, где, когда. Но вот сейчас я нес возвращать ему книжку про тот самый бой «Сибирякова» с «Шеером» с укоренившейся в душе решимостью сейчас этого категорически не допустить.

У Саныча сидел Сирий. Кап-два Сирий Сергей Николаевич, наш командир БЧ-5. Я не упомянул его в своем повествовании раньше, потому что был он личностью абсолютно не героической. Причем – в хорошем смысле. Ведь что такое подвиг – это когда что-то пошло не так, и кому-то надо на амбразуру, чтоб выправить дело. А в идеале, конечно недостижимом, но к которому нужно стремиться – все должно быть предусмотрено, учтено, включено в планы и делаться без всякого геройства.

У моего приятеля – того самого, которому жена сюрприз «мы из будущего» устроила – была фирма. Не олигарх, конечно, но все ж, – эх, Илюха, а ведь когда-то, в одной каюте, еще старлеями! – дослужил ты до каптри, и в отставку, бизнес свой завел, чего-то там купи-продай, офис, бухгалтерия, склад. Однако же друзей старых не забываешь, отчего, бывая в Мурманске, часто я к тебе заходил. Текучка на тебя скуку навевала, был у тебя на то наемный гендиректор. И был, как водится, компьютерщик – сисадмин: сидел в отдельном закутке, в серверной, чем занимался – неизвестно. Ну и решил гендиректор его сократить – раз все идет и так, зачем лишние расходы? Назавтра в офисе начались Содом и Гоморра: бухгалтерша не могла провести документы в 1С, один комп перестал видеть сеть, с другого нельзя было ничего вывести на принтер. Затем начались проблемы с почтой, и где-то обнаружили вирусы. Короче, через три дня мой приятель самолично поехал к этому админу домой с коньяком и пухлым конвертом

«в компенсацию». Сисадмин снова сидел в серверной, обнаглев настолько, что стал иногда приходиться к десяти, а уходить в пять и часто отпрашивался «по личным». Гендиректор, помня о полученной накачке, в этот раз никаких мер принимать не решился и пожаловался Илюхе. На что тот ответил – компы работают нормально? Ну и не трогай ничего!

Сергей Николаевич был как раз таким. На виду быть не стремился, больше молчал, но исправно делал свое дело. И с начала этого похода как-то сдружился с Санычем. Вот и сейчас они пили чай, активно что-то обсуждая.

При моем появлении они хотели встать. Я махнул рукой – сидите! Положил на стол книжку, хотел уже уйти, но, вспомнив, спросил из чистого любопытства:

– Саныч, а вот скажи, что в «Лю Тао» современного? Мне Григорич сказал – но я думаю, что Древний Китай – это все ж специфика. Нет, читать ее всю у меня времени не найдется – ты вкратце расскажи.

– Люди те же: вряд ли древние китайцы сильно от нас отличались, – ответил Саныч. – Но именно они склонны были за всем психологию видеть. И достигли больших высот – три тысячи лет, а вот прямо «план Даллеса» или «Оранжевая революция» – послушай.

Он взял какую-то книжку, раскрыл почти не глядя:

– «Быть в согласии с теми, к кому благоволит правитель противного государства, чтобы приспособиться к его желаниям; со временем тот станет высокомерным и обязательно совершит что-то порочное, что позволит его устранить.

Познакомиться с теми, кого он любит, чтобы сломать его «устрашающую силу»; если люди имеют две различные наклонности, их преданность разрушается; когда в окружении больше нет преданных министров, государство непременно окажется в опасности.

Тайно подкупать его помощников, сближаясь с ними; хотя телом они будут со своим государем, их мысли будут отдаляться от двора; государство-противник определенно понесет ущерб.

Потворствовать враждебному правителю во всех его пороках, чтобы ослабить его волю; «говори почтительно, слушай с уважением, следуй его приказам и соглашайся с ним во всем».

И таких – считай, вся книга! И в завершение:

«Необходимо, чтобы противный правитель, получив богатые дары, понял свою выгоду и поверил в искренность готовящего переворот; это называется «быть в тесном взаимопонимании»; если кто-то управляет государством, но при этом сам управляем, его государство непременно потерпит поражение.

Восхищайся им. Не делай ничего, что неудобно ему. Изобрази соответствующее уважение к великой власти, и твоему уважению будут доверять. Преувеличивай его достоинства; будь первым, кто с почтением возносит его, смиренно провозглашает его Совершенномудрым.

Будь смиренным, и тогда он будет доверять тебе, тем самым узнаешь об истинном положении вещей. Принимай его взгляды и откликайся на его действия, как будто бы вы близнецы. Когда узнаешь все, незаметно прибери к рукам [его власть]. Когда наступит срок, то покажется, будто само Небо уничтожило его...»

Ну прямо Меченый и «его друг Буш»! – И взглянул на Сергея Николаевича:

– Что добавишь?

– Классика: что древнее – кажется ого! А что ближе, это так... – заговорил Сирий. – Кстати, Ильича нашего, который дедушка Ленин, замылили зря! Экономика – это все до него бородачи накопили; а вот как брать власть, тут именно у него расписано гениально, куда там какому-то Даллесу-недоучке; тут и Че Гевара – не больше чем тактик и «полевой командир». Все разобрано, проанализировано – стратегия, тактика, с чего начинать, чего бояться – настоящий системный подход! Начать с пропаганды, с общерусской политической газеты – прям по «Лю Тао» – добиваться авторитета в массах не одними словами, а конкретикой. Помните «болотную копейку» у Горького? Стать для масс защитником, выступать за справедливость –

и вперед, долой и даешь! Эх, хотелось бы узнать, чем там, в двадцать первом веке, закончится! Часто говорили тогда – вот Сталина бы! Только там, по уму, не Сталин, а Ленин нужен: Иосиф Виссарионович все-таки уже после пришел, когда власть уже принадлежала народу.

– Думаю, запретят там Ильича, – усмехнулся Саныч, – объявят экстремистом. За несанкционированное хранение-прочтение-распространение – статья. Чтоб народ не научился, как правильно у богатых власть брать. Или, например, такое – точно не помню, но по сути: создание, обучение, вооружение тайных боевых отрядов. Заранее узнать врага, имена и адреса активистов «черных сотен», полицейских агентов, самых опасных чиновников. И в час решительных действий... – ну, в общем, ясно. Это – Ленин, «Задачи отрядов революционной армии», тысяча девятьсот пятый год. А если это и у нас кто-то за руководство к действию примет? Ильич ведь пока еще не под запретом!

– Вот за этим мы и здесь, – ответил я, – чтобы такого не было. Снова революция с гражданской – не многовато ли? Ты, Саныч, мне рассказывал про китайское проклятие – «чтоб ты жил в эпоху перемен»? Когда три четверти китайского населения в расход – такой был семнадцатый по-древнекитайски? А не про революцию, а собственно про войну там есть?

– А как же! – сказал Саныч. – Особенно начало. Подготовка к войне – всецело укрепи себя, свой дух, свой порядок, свою веру – и, соответственно, ослабь все это у врага. Глава первая – как делать это, пока еще мир; и вторая – когда уже началось. В наше время это психологической войной называется, что американцы выдают за последний писк. «Мы не воюем, мы восстанавливаем демократию и порядок от гнилого и антинародного режима Хусейна, Каддафи (подставь фамилию). Он – воплощение мирового зла, а мы белые и пушистые, на белом коне». В отличие от немцев, хорошо ведь понимали, сво..., что победить и убить – не всегда одно и то же. Как в той песне: «в безнадежном бою победителей нет».

В безнадежном бою – победителей нет. Ага, великая победа линкора «Шеер» над старым пароходом – назвать ее таковой даже сами немцы постыдились. И этот утюг бежал от «Дежнева» с его 2×76,2 и 2×45-мм, вооруженных пароходов «Кара» и «Революционер» и пары старых шестидюймовых гаубиц образца 1910/30 годов на острове – причем с сухопутными расчетами, никогда не стрелявшими по морской цели! А ведь по «Лю Тао»: что должны подумать немцы – если пароходик, едва вооруженный, без брони, оказал такое сопротивление, то что же будет при встрече с равным?

Но «Сибирякова» все же жалко. И таких людей, что на нем погибли. А ведь они детей могли оставить – достойных. Или нет – вспомним писателя Гайдара и его внука – но лучше будем думать о людях хорошо.

Значит, для достижения морального результата надо, оставив сибиряковцев жить, фрицев взамен опустить ниже плинтуса. Ха, а ведь задача имеет решение! У торпед МТТ, или Т-15, которыми стреляет «Пакет», есть такой режим... Надо у Бурова уточнить – но в общем ясно.

Нет, «Шеер», не будет тебе ни геройства, ни даже честной солдатской смерти в бою! А будет такое – от чего сами фрицы, вспоминая, станут плевать, стараясь забыть!

Иду к Бурову – едва сдерживаясь, чтоб не ускориться. Но нельзя, потому что бегущий командир, как и генерал, вызывает у личного состава либо смех, либо панику. Меня перехватывает Леня Ухов.

– Товарищ командир! Михаил Петрович!

– Ну что там еще?

– Радиограмма. Вам. С Большой земли.

Читаю. «Вам рекомендуется отменить операцию. Возвращайтесь. В Карское море выходят лодки Щ-422 и К-22. Утопленный «Шеер» не стоит вашего риска».

И что? Ну вышли. И как они будут искать одинокий рейдер в Карском море? Мы-то знаем, где он будет: сначала «Сибирякова» утопит, затем к Диксону – так ведь на послезнание не сошлешься. Нам остаться и наводить, как на конвои, – так тогда проще отработать самим.

Ну не смогут наши предки, без нас, сыграть как мы – два шара через все поле, в лузу! А вот мы сумеем.

– Леня, зашифруй и ответь: «А стоит ли риска “Шеер” в составе Северного флота под нашим флагом?»

Вот предки сейчас рты разинут!

Что нам известно о противнике? Кроме «Шеера», еще пять подлодок – тоже участники операции «Вундерланд». U-601 с пятнадцатого числа торчит у северной оконечности Новой Земли – блин, и топить ее пока нельзя, она передает на «Шеер» инфу о текущей погоде и состоянии льдов, еще спугнем ненароком самого главного зверя. U-251 еще четырнадцатого вошла в Карское море с юга, через пролив Карские Ворота, но вроде никого там не утопит – ею займемся позже. U-255 болтается аж у Шпицбергена, как заправщик для разведывательного гидросамолета – разведчика погоды. Но когда самолет разобьется, причем сам, без всякой нашей помощи, она тоже перейдет в Карское, обстреляет нашу метеостанцию на мысе Желания – но это случится только двадцать пятого. Наконец, у западного берега Новой Земли действуют еще две лодки, U-209 и U-456, для отвлечения наших сил и внимания. Причем одна из них, 209-я, утром семнадцатого потопит нашу баржу с людьми и будет расстреливать плававших в воде из пулеметов – и это случится севернее острова Матвеев, по эту сторону Карских Ворот.

Ими и займемся в первую очередь. Тем более, это лишь статисты. Главную дичь – не потревожим.

Как там было, в оставленном нами мире?

Из воспоминаний Г. Шульца, в тот период вахтенного офицера лодки U-209

Как я понял, после предыдущего похода у Генриха появилась новая отговорка – русские береговые батареи.

Мы отошли мористее и провели остаток дня в надводном положении возле острова Матвеев. 17 августа в 03.15 впереди по курсу была обнаружена полоса дыма. Лодка тут же погрузилась и застопорила ход, чтобы не выдавать себя буруном от перископа. Несчастный Генрих заметался по центральному посту, проклиная свое недавнее публичное геройство. Пока он суетился и, закусив губу, пытался выдумать очередную причину для отказа от атаки, я успел разглядеть приближающиеся суда – это был небольшой сторожевик, два маленьких парохода, один из которых волокли на буксире, и две баржи, одна из которых была набита людьми. Поскольку мой доклад о характере целей был тут же записан в вахтенный журнал, то Генрих, взглянув на меня со злостью, понял, что отвертеться от атаки не удастся. Тем более что при повторном рассмотрении выяснилось, что пароход, принятый за сторожевик, таковым не являлся, а на барже помимо мужчин в телогрейках было полно женщин и детей.

Наконец-то наша первая настоящая атака! Генрих, узнав, что противник безоружен, сам громогласно заявил, что нечего тратить торпеды на этих русских свиней – расстреляем из орудия! В 05.26 наша лодка всплыла в надводное положение, а на палубу был вызван орудейный расчет. В качестве первой цели была выбрана баржа с женщинами и детьми.

Но Сан Саныч еще вчера рассчитал время и проложил курс. Мы будем на месте вечером сегодняшнего дня, шестнадцатого августа, максимум к полуночи. Так что теперь этого не будет – потому что мы успеем.

Мы успели.

– Боевая тревога! Торпедная атака!

Все – сплошной адреналин. Слили с лодкой в одно целое. Действуют без суеты – быстро и четко. Может, вышколенный экипаж моей прежней 971-й сработал бы быстрее – но где сейчас тот экипаж? А вот чувство – прежнее. Упоение боем, когда даже страха уже нет.

– Цель надводная, пеленг девяносто пять, дистанция...

Правильно, это появились наши. Тот самый караван – суда «Комсомолец», «Комилес», тянущие на буксире лихтер и баржу. А на барже – триста человек из числа семей полярников, строителей «Норильскстроя», рыбаков, следующие из Хабарово в Нарьян-Мар. Как было в том, нашем мире.

– Лодка пошла на погружение.

И это – как там. Командир U-209, капитанлейтенант Генрих Брода сначала принял караван за конвой, охраняемый эсминцами. Убедившись, что это всего лишь невооруженные пароходики, он всплыл, сыграл артиллерийскую тревогу и вызвал на палубу¹⁵. матросов с пулеметами и автоматами. Он погибнет в сорок третьем, в Атлантике, не одержав ни до ни после ни единой победы. Не только мразь, но еще и трус.

Гоша и Родик фиксируют в специальных блокнотах все операции и ведут хронометраж. Бурый хотел на них цыкнуть, но я остановил. Если все ж чудо случится вторично, и мы вернемся – предъявим материал самой первой в истории боевой стрельбы «Пакетом-П».

На всякий случай в одном из аппаратов готова УГСТ – как тогда в Атлантике возле конвоя. И данные заряжены в БИУС. Но надеюсь, этого не понадобится. Потому что в случае успеха у нас останется еще полтора десятка боеприпасов, годных против подлодок.

– Пли!

– Есть пли!

Пошло время. Акустики доложили – «малютка» ушла хорошо. Не увернется U-бот от ГСН двадцать первого века!

– Лодка продувает ЦГБ.

Рассмотрел, увидел, что опасности нет – и решил всплыть. Но медленно – в штатном режиме, продувает одну лишь среднюю, а не весь балласт. А когда всплывет, отработает на все ЦГБ выхлопом дизелей.

– Взрыв торпеды! Пеленги совпали – попадание! Лодка погружается – пытается продуться. Слышу звук разрушения прочного корпуса.

– Локация, активный!

– Объект на дне, глубина пятьдесят пять. Слышны звуки ударов по металлу.

Песец тебе, фриц. Не лечится этот случай. Кто остался жив – будет умирать медленно и мучительно, как наши на С-80 в шестьдесят первом. А если у немцев есть идашки¹⁶, и кто-то сумеет выйти через торпедный аппарат – он будет не менее мучительно замерзать в холодной воде.

В перископ видим, как наш караван сбавляет ход, что-то обследует на поверхности. Наверное, там плавают обломки и соляр. А нам тут больше нечего делать.

Ложимся на курс отхода. Посылаем радиосообщение на волне нашего подплава: «По флоту. Потоплена подводная лодка U-209, в точке с координатами. Морской Волк».

Из материалов отчета работы межведомственной комиссии НКВД, СМП и ВМФ

16 августа 1942 года около полуночи из поселка Хабарово в Нарьян-Мар, без согласования с командиром Северного отряда БВФ капитаном первого ранга Н. П. Анниным, вышла группа кораблей, принадлежащая НКВД. В состав группы входили: буксирные пароходы «Комсомолец», «Норд» и «Комилес». «Норд» буксировал неисправный «Комилес» и лихтер Ш, а «Комсомолец» – баржу П-4. На последней находилось 267–300 человек из числа семей полярников, строителей «Норильскстроя», отправленных на работы на объекте НКВД № 300, а также рыбаков. Суда направились в Нарьян-Мар, несмотря на наличие информации о действии

¹⁵ Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

¹⁶ От ИДА (изолирующий дыхательный аппарат).

немецких подводных лодок, отказавшись от эскорта находящихся в Хабарово ТЩ-54 и ТЩ-62. Старший каравана... (фамилия неразборчиво), движимый личными мотивами (торопился на день рождения к жене), нарушил действующие инструкции об обеспечении безопасности мореплавания. Проведенная проверка вскрыла целый ряд случаев, когда подобные переходы совершались в нарушение инструкций без охранения как НКВД, так и Северным морским пароходством (см. приложение № 2), из-за чего постоянно возникали конфликты с командованием Беломорской военной флотилией.

До утра 17 августа с. г. плавание проходило без происшествий. Караван двигался со скоростью 6 узлов. Головным шел буксир «Комсомолец» с баржей П-4 на буксире. 17 августа около 7.00, когда караван проходил в 2 милях от северного побережья острова Матвеев, вблизи него всплыла немецкая подводная лодка с очевидным намерением открыть по безоружным кораблям артиллерийский огонь. От тяжких последствий спасло лишь то, что в этот момент противник был атакован и потоплен нашей подводной лодкой К-25. Из воды поднято двое немцев, один из которых, по его словам, является командиром подводной лодки U-209, капитан-лейтенантом Генрихом Бродой.

Наложена резолюция: старшего каравана предать суду военного трибунала¹⁷.

Вторую лодку, U-456, обнаружили и потопили около полудня. Мы шли со скоростью двадцать узлов, сканируя глубины сонаром, – наплевав на скрытность, ввиду отсутствия противника, могущего достать нас на глубине. Когда акустики доложили – контакт, пеленг, мы изменили курс в том направлении. Фриц, наверное, был удивлен, поначалу приняв нас за стаю белух, полярных дельфинов, также использующих эхолокацию, а что еще могло двигаться под водой с такой скоростью длительное время? Все же он принял решение уклониться от непонятного объекта – мы догоняли, тогда фриц пошел на погружение, что не спасло его, а наоборот. На поверхности лодка теоретически может выдержать затопление одного отсека и прилегающей группы ЦГБ – при прочих «сухих»; под водой, также теоретически, спасением могут стать рули на всплытие, машине самый полный, экстренное продувание всех ЦГБ.

Но это если все системы остались целы, а счет буквально на секунды, отрицательная плавучесть растёт стремительно, вода под давлением глубины затопляет смежные отсеки, рвет переборки, как бумагу. Надо полагать, все это было на U-456, упавшей на дно на двухстах метрах; даже если в отсеках-«убежищах» остались живые – выброситься вверх через торпедные аппараты можно максимум со ста двадцати, и это в наших ИСП-60. Еще одна вражеская пешка с доски – идем за следующей.

К утру восемнадцатого мы подходили к мысу Желания с юго-запада. Подходили осторожно, помня о U-601, болтающейся где-то здесь, трогать которую, повторяю, было пока нельзя! Но акустики не обнаружили никого – наверное, лодка ушла восточнее, в Карское море.

Мы ждали двенадцать часов. И вот он – «Шеер»!

От Советского Информбюро, 19 августа 1942 года

Перешедший на сторону Красной Армии ефрейтор 96-го немецкого артиллерийского полка Август П. заявил: «Мне хочется рассказать о нескольких фактах, свидетелем которых я был. Немецкие солдаты не просят и не берут, а отнимают у населения силой продукты и вещи. В селе Балаклея солдаты только одной батареи во главе с обер-фельдфебелем Грюнбихлером отобрали у крестьян 59 голов рогатого скота. В одном колхозе солдаты ограбили всех жителей и избili многих крестьян до полусмерти за то, что они негостеприимно их встретили. 10 июня 1942 года в районе Гракова в канаве мы нашли двух тяжелораненых красноармейцев. Лейтенант Клейст приказал немедленно расстрелять их. На наших глазах обер-ефрейтор Фюрст при-

¹⁷ Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

кончил их из пистолета. 28 июля я видел, как группа немецких солдат расстреляла 8 раненых и 6 здоровых русских военнопленных».

Как и в нашем мире, девятнадцатого утром «Шеер» встретился со своей лодкой U-601, получив от нее свежую информацию о состоянии льдов. Затем они разошлись, а мы, решив, что «Шеер» сумеем обнаружить легче, двинулись за лодкой. Карманный линкор ушел на юго-запад, но наши акустики его слышали хорошо. U-601 неспешно шла на юг, в надводном положении, а за ней, на глубине ста пятидесяти метров, двигались мы. Когда сочли, что дистанция достаточна, чтобы на «Шеере» ничего не заметили, мы потопили лодку. Это было проще, чем стрельба по мишеням на торпедном полигоне. В отличие от Атлантики, у меня в душе не шевельнулось ничего, кроме удовлетворения от хорошо проделанной работы и радости, что мир стал чище, если сколько-то фашистских убийц отправились на тот свет. Наверное, непрерывная пропаганда стала действовать и на меня – а может, мы уже привыкли убивать; и фраза «хороший фашист – это мертвый фашист» незаметно трансформировалась у нас в «хороший немец – мертвый немец».

Когда-нибудь после нас будут говорить, что не все немцы были ублюдками. И что будет неправильно валить вину кого-то на всех. Бабушка моего школьного друга была в оккупации, в деревне под Псковом. Она рассказывала, что немцев проходило через деревню много, и все разные. Шоколад впервые попробовала – которым немец угостил. Были немцы, которые предупреждали ее мать: прячь детей, за нами идут эсэс. Были – которые отобрали всю еду. А другие, наоборот, едой поделились. Но после ее угнали в Германию, где не эсэсовцы, а хозяйка с дочерьми били ее плетью «за плохое старание», морили голодом, травили собаками – ее и других. Не все немцы сво...? А как на войне вы будете взвешивать степень виновности каждого встреченного врага? Невиноватых нет – вы виновны в том, что не выступали против своего режима. Читал, что был такой Шменкель, ефрейтор вермахта, который в сорок первом (!) перешел к партизанам и воевал у них так, что получил Звезду Героя – этакий местный Кузнецов-Зиберт. Хорошо зная немецкие реалии, устав, орднунг, он помогал партизанам, переодевался в немецкие мундиры, проводить диверсии, вести разведку; на его счету несколько десятков лично уничтоженных фрицев; он погиб одновременно с Кузнецовым – весной сорок четвертого был взят в плен раненым, опознан и расстрелян. Вот это был правильный немец – прочие же, безусловно, виновны, и чем больше их сдохнет, тем скорее кончится война.

Однако же вернемся к нашим баранам. Для которых мы – волк.

Из описания реальной операции «Вундерланд» в нашем мире

Разойдясь с U-601 уже в ранние часы 19 августа, «Адмирал Шеер» первоначально направился на юго-запад, к мысу Желания. Увидев вдалеке землю, Меендсен-Болькен приказал повернуть на восток и двинулся по направлению к острову Уединения. Во второй половине дня крейсер обогнул два больших ледяных поля, но вскоре столкнулся с плотным паковым льдом. В конце концов, не дойдя ста миль до острова, «Шеер» был вынужден повернуть на запад. Непосвященному смысл этих маневров понять непросто – немцы верили в существование судоходного маршрута вдоль западного побережья Новой Земли, вокруг мыса Желания и далее по направлению к проливу Вилькицкого. Сутки были потрачены лишь на то, чтобы убедиться в истинности данных, полученных с U-601, – никаких судов в этом районе нет.

В течение всего дня бортовой «Арадо» находился в воздухе, главным образом решая задачи ледовой разведки. Внезапно выяснилось, что компас самолета показывает неправильное направление, из-за чего «Арадо» пришлось использовать только лишь в пределах визуальной видимости с «Шеера».

Выйдя из зоны льдов, рейдер повернул на юг. Двадцатого вечером он встретился с U-251. Меендсен-Болькен приказал передать на лодку топливо и хороший кофе, но его расчеты

на получение в обмен сколько-нибудь ценной информации не оправдались – субмарина также не обнаружила ни одного советского судна, не говоря уже о конвоях. В этой ситуации командир рейдера принял решение: по кратчайшей выйти к побережью полуострова Таймыр и далее направиться к проливу Вилькицкого вдоль берега¹⁸.

Что ж, не будем пока вмешиваться в историю. Пусть «Шеер» сам выведет нас на U-251. Если к северовостоку и востоку от Новой Земли, глубины двести, триста, максимальная шестьсот двадцать – то дальше к югу начинается шельф, и глубина уменьшается до пятидесяти и меньше. Причем Диксон, где должен был разыгаться финал запланированного нами действия, лежал как раз в мелководном районе. А льды в Карском море встречаются круглый год – разница лишь в том, что в период навигации это разрозненные скопления, которые можно обойти. Так что перед нашими штурманами лежала исключительно сложная навигационная задача. А перед БЧ-3 – столь же непростая задача, как достать «Шеер», если подойти на дистанцию пуска «малюток» не удастся.

Да, не слишком ли опрометчиво я пообещал предкам? Что ж, на самый крайняк придется потратить «Гранит».

Одного лишь мы категорически не допустим. Под немецким флагом «Шеер» из Карского моря не уйдет!

– Товарищ капитан первого ранга! Михаил Петрович!

– А, Ляня... Что так официально? Давай – что у тебя там.

Опять радиограмма – от предков. Щ-422 уже прошла пролив Карские Ворота, К-22 следует за ней, будет через сутки. Предлагают помощь, они – нам, хм! Настаивают на личной встрече – ради организации взаимодействия? А что, по радио нельзя?

«...по поручению наркома внутренних дел Берии – старший майор НКВД Кириллов».

Ну вот, уже и персона нарисовалась. А то – штаб, штаб. Значит, сам Лаврентий Палыч интерес проявил? И чем же нам может быть полезен его посланец – не в отдаленном будущем, там, ясное дело, легализоваться нам придется – но вот именно здесь и сейчас?

А ведь может! Частоты и позывные связи с Диксоном и прочая нам дали, но голос наш там сугубо совещательно-информативный. А возможно, понадобится – всех по ранжиру строить! Это чья умная голова додумалась – батареи демонтировать за пару дней до? Да и битый «Шеер» кому-то на буксире тащить придется – и куда его команду деть, больше тысячи фрицевских морд? А если еще до обстрела дойдет, уже нашей собственности, диксонскими батареями? Короче – нужно Лицо, имеющее Полномочия. Причем именно здесь, у нас на борту.

И это Лицо сейчас, наверное, очень желает взглянуть, что такое «Морской волк».

– Ляня! Зашифруй и передай. Можем принять делегатов связи. Условием: операцией «Шеер» команду я. «Шеер» сейчас южной части Карского, с ним U-251. Если согласны, сообщите этой волне.

Ответ пришел очень быстро. Как я и ожидал – они согласны. Просят назначить время и место рандеву.

– Саныч! Карту. Так, с U-251 разбираемся вечером двадцатого, раньше никак нельзя, «Шеер» на основании инфы с нее ткнется на восток, во льды, хрен пройдет, но время потеряет, и лишь двадцать пятого в полдень встретит «Сибирякова». А вот в эту точку надо выйти к полудню двадцать первого. И глубины вполне, и от Диксона не слишком далеко, и предки подойти успеют. Встречи хотите – так тому и быть.

– Михаил Петрович, а зачем так сложно? Диксон, еще кто-то там... Вот он, «Шеер» – «малютки» ему по винтам, и ультиматум: или спускайте флаг, или все к рыбам! Куда они денутся посреди Карского моря?

¹⁸ Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

– Нестратегически мыслишь, – отвечаю я. – Обездвижить – это ладно. Допустим, сдадутся (чтой-то не верится, что они будут с «дойче юбер аллес», и за фюрера – в рай). А как ты их буксировать будешь и куда? Море Карское беспокойное – утонет еще собственность, наша уже, а мы предкам обещали. Так что нужно или чтоб Диксон рядом был, или кто-то, кто мог оперативно команду снять – и на буксир. Никуда не денется – успеем всегда!

– Слишком гладко пока все, – покачал головой Петрович, оказавшийся рядом. – Ох, не к добру это!

Накаркал.

От Советского Информбюро, 20 августа 1942 года

В районе северо-восточнее Котельникова продолжались ожесточенные бои. Наши пехотинцы и танкисты нанесли контрудар наступающим немецким войскам. Крупный бой идет у железнодорожной станции, которая несколько раз переходила из рук в руки. Н-ское танковое подразделение уничтожило 4 танка, 7 противотанковых орудий и истребило свыше 150 солдат и офицеров противника.

Двадцатого утром наши штурманы во главе с Саньчем дружно заявили, что они не гарантируют наш безопасный выход к Диксону на мелководье без сканирования глубин сонаром. Что весьма заметно для любой гидроакустики – даже этого времени. Выход за судном обеспечения, во-первых, был самоубийствен для этого судна ввиду близости «Шеера», а во-вторых, был чреват слишком большой утечкой информации. К тому же в нашей ветке истории самолет «Шеера» разбился при попытке найти выход из льдов – а если здесь по закону подлости этого не случится, с воздуха мы будем очень хорошо заметны. Прийти заранее и залечь на дно в выбранном месте означало превратить лодку по сути в плавбатарею – из-за упомянутых выше проблем. И наконец, вся моя душа восставала против мысли загнать «Волка» на мелководье, где ему будет тесно, как слону в посудной лавке – мы ж океанский зверь, для больших глубин и просторов!

Короче, придется вместо Диксона ловить «на живца» – на «Сибирякова». Глубины там подходящие, сто с хвостом. Зато – минус время, не двадцать седьмого, а двадцать пятого. И – утащит после «Сибиряков» на буксире эту бронированную тушу? Влезет ли тысяча немцев в его трюмы? А там ведь и десантники могут быть, обученные егеря-морпехи: написано черным по белому, что получив отпор от диксонских батарей, командир «Шеера» отказался от мысли высадить сто восемьдесят десантников, находящихся в полной готовности. Пока данных не нашел – у него там пехотная рота на борту или команда из собственного экипажа? По идее, второе – ну что за работа для десанта в той ситуации: высадиться в уже разгромленный порт и все там взорвать. Ну а если все ж первое? Ведь перережут команду «Сибирякова» в момент – и мы помочь не сможем, если только топить торпедой всех вместе, и наших тоже. Задача!

Затем наши торпедные спецы заявили о каком-то сбое с «Пакетом». Нет, всего лишь что-то в сети управления, надо прогнать тесты, лезть в пусковые (вне прочного корпуса, доступ лишь снаружи!) не надо – надеемся. Короче, они гарантируют пуск лишь одной «малютки», остальные пока не под контролем. Минимум на пару часов. Техника новая – но работаем.

Блин, неужели придется тратить УГСТ – или того хуже, 53-ю – на какую-то лодку?

Вечером двадцатого, как и в нашей истории, «Шеер» встретился с U-251. Наверное, передал кофе, как было записано – и повернул на ост. Правильно, сейчас влезет во льды и будет телепаться там четверо суток! Нам он пока был неинтересен – выждав, пока он удалится достаточно далеко, мы уже обыденно привычно вогнали торпеду в цель. И вот тут-то все пошло не так.

Началось с того, что эта проклятая 251-я не хотела тонуть! Нет, прилетело ей качественно, винты и рули к черту, кормовой (электромоторный) отсек затоплен, и кормовая

группа ЦГБ тоже – она болталась в воде, сев кормой и высоко задрал нос, но явно не собиралась погибать! И при этом пыталась что-то радировать!

Спасибо Ухову – сразу забил помехами. Но долго так продолжаться не могло – или трагит торпеду, или... А ведь может получиться – шифры немецкие у нас есть! А также образцы радиообмена той же U-251 и U-601, мы ловили их достаточно – ну и конечно же, частоты и позывные! И антенны перископные у немцев в сорок втором уже были.

– Леня! А ну-ка, сыграем за фрицев. Передай: «251-я от 601-й. Это вам мы сейчас вlepили? Прошу прощения – приняли за русскую подлодку. Насколько серьезны повреждения?»

Поверили? Ага, вот ответ. Если перевести на нормальный язык, отбросив выражения – вы что, ослепли, мы без хода, окажите помощь.

– Можете самостоятельно отремонтироваться?

Снова – сплошная цензура. Спросил я, конечно, для очистки совести. На «малютках» мы пробовали режим, который после будет для «Шеера», так что вlepить им должно было прямо по винтам. А Карское море суровое – в нем болтаться на коробке без хода только фашисту и пожелаю!

– Простите, но взять вас не можем. Идем охотиться на русские лоханки. Удачи вам и до встречи дома! Пусть вам поможет Большой.

Так, если «Шеер» повернет их спасать – график летит к черту. Но боевой задачи фрицам никто не отменял – они должны будут пытаться пробиться к нашему каравану, который сейчас во льдах. Значит, они всего лишь потеряют время – снимут с лодки команду и повернут обратно на восток. А если к Диксону? Тогда – перехватим вот тут, на границе мелководья. Если «Пакеты» не будут готовы, использую хоть «Водопад», ракет-торпеды, в них тоже есть режим «на винты». Может, сразу 53-ю, чтоб не мучился? А что предки скажут – обещал ведь!

Но «Шеер» не пришел. Хотя U-251 взывала о помощи еще и еще.

Из мемуаров Меендсена-Большена, «Схватка среди суровых льдов». Издание Нью-Йорк, 1962 год

...В роду Меендсенов-Большенов не любили холод и не любили лед. Я же его просто ненавидел! Ненависть ко льду у меня появилась в раннем детстве, когда я очень сильно порезал руку об оконное стекло. А стекло, как вы знаете, очень напоминает тонкий лед. Увы, но тот ранний детский ужас и мысли о том, что я умру, истекая кровью, навечно отпечатались у меня в памяти. Сказалось ли это на моих действиях в «Вундерланде»? Кто знает, я думаю, что да. Но я ничего не мог с собой поделаться. Собственно задача захватить Диксон и разгромить сразу два русских конвоя казалась достаточно легкой. Но вот дальше! Поход через полярный лед вызывал у меня ужас. Корабль во льдах лишается свободы маневра. Нельзя поразить противника торпедой – она не достигнет цели, ударившись о льдину. Сражаться в открытом море – это дело, достойное моряка кригсмарине. Но отыскивать проходы среди не отличимых друг от друга холодных льдин, белых, как расстеленные простыни, сверкающих на изломе, подобно СТЕКЛУ(!!!), бороться с непреодолимыми ледяными полями, сдавливающими корпус крейсера со всех сторон, – разве это подходящее дело для моряка флота Открытого моря?

Важно было поддерживать четкое взаимодействие с приданными подводными лодками. Но эти выкормыши Дёница, капитан-лейтенант Петер Оттмар Грау, командир U-601, и капитан-лейтенант Хейнрих Тимм, командир U-251, – заносчивые сопливые нацистские ублюдки! В наше время таким даже шлюпкой не доверяли командовать! А этим корабли доверили! То ли дело старина Генрих Брода! Вот кто настоящий и правильный офицер! Конечно, подзадержался он в должности – и опять же из-за этих – сопливых и наглых молодых.

Однако же для меня было очевидно, что отродью Дёница по большому счету было наплевать на меня и мой корабль, так же, как в свое время наплевать на «Бисмарк». Я не верю, что у тех ПЛ, которые находились с ним в то время, разом отказали торпедные аппараты, и они

не смогли выйти в торпедную атаку. Вероятнее всего они просто наблюдали за смертью «Большого Брата». Так и сейчас – они должны были обследовать район моих боевых действий, а не гоняться за русскими калошами, увеличивая свой боевой счет!

Радиограмма, которую я получил ночью двадцатого, ввергла меня в шок. Эти ублюдки действительно пренебрегли приказом и так спешили кого-то утопить, что U-601 по ошибке торпедировала U-251, приняв ее за русскую подлодку! Да еще отказалась после оказать помощь, заявив, что идет охотиться на русских дальше, ну а неудачников с 251-й снимет «Большой», то есть мы!

Перед моим кораблем и мной, однако же, стояла следующая задача – разгромить конвой, идущий из Архангельска на восток, и другой,двигающийся ему навстречу. И эту задачу, за которую с меня спросят по всей строгости, никто не отменял. И в успехе этой части своей миссии я не сомневался. Но – лед! ЛЕД! Будь он проклят! Острый, холодный и безжалостный. Лед, который парализует свободу крейсера. Лед, который превращает крейсер в подобие тепловоза, движущегося по рельсам – ни шага вправо, ни шага влево, только вперед.

Что же до этих неудачников с U-251 – то почему их судьба должна заботить меня больше, чем их же товарищей, бывших рядом и не связанных выполнением поставленной боевой задачи? Они даже не были мне подчинены, если мне что-то было нужно от них, я должен был просить штаб в Бергене, чтобы оттуда лодкам поступил приказ! Надо полагать, их собственный штаб призовет к порядку U-601 и заставит ее оказать U-251 необходимую помощь, а в крайнем случае, снять команду и возвращаться домой. А дело рейдера – уничтожить конвои, а не вытаскивать недоумков из неприятностей, в которых они, к тому же, виновны сами. Решив так, я продолжил свой путь на восток¹⁹.

Капитан-лейтенант Видяев Федор Алексеевич.

Подводная лодка Щ-422.

Карское море 21 августа 1942 года

Все в этой истории казалось предельно странным.

Началось с того, что немцы потеряли (в своих водах!) карманный линкор «Лютцов», крейсер «Кельн», три эсминца и плавбазу. Так и было заявлено в сводке – «потеряли». Как будто сами шли – и утопли. Нет, один посадить на скалы – хотя летом, при хорошей погоде и видимости, полярным днем. Пьяны там все были, что ли? Но как-то поверить можно. Но чтоб шесть сразу?!

Кто-то бросился поздравлять англичан (а кого еще?). Благо их лодки стояли тут же, в Полярном. Британцы, однако, лишь вежливо разводили руками. Зато народу стало известно, что еще до того у немцев точно так же утонули три транспорта и минный заградитель – с чем англичане поздравляли уже нас, сквозь зубы, но признавая победу. Наши обычно молчали, дипломатично улыбаясь.

Затем стали приходить эти радиограммы о немецких конвоях. После которых пять фрицевских транспортов ушли на дно всего за пару недель. Потому первый поход на Щ-422 с новым командиром прошел удачно. А по возвращению всех вызывали в Особый отдел. И там долго и подробно расспрашивали – но такое впечатление, не затем, чтобы обвинить в чем-то, а лишь для прояснения деталей. Из чего следовал однозначный вывод: наши не имеют отношения ни к этим радиограммам, ни к утоплению фашистских кораблей – о чем, кстати, тогда особист сказал прямо!

Что не помешало задним числом объявить: победы одержала лодка К-25. Хотя все в бригаде подплава знали, что «Катюши» с таким номером на севере нет! Тут уже удивились бри-

¹⁹ Из воспоминаний немецкого капитана // Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

танцы – русские, что же вы тогда нас выпрашивали? А можно поговорить с командиром и экипажем этой героической лодки, обменяться опытом?

Версий высказывалось – куча. В то, что лодку втайне построило НКВД и держит на своей секретной базе, верилось с трудом. Просто потому, что иметь такое втайне от флота нельзя! – это невозможность взаимодействия, угроза потопления своими же, выигрыша же нет ни в чем. А снабжение – для этого товарищи чекисты создали инфраструктуру и аппарат, тайные и независимые от флота?! Другие предположения, впрочем, были еще фантастичнее – про белоэмигрантов, решивших сражаться с фашизмом, про не покорившихся Гитлеру французов или голландцев, про немецких антифашистов, захвативших корабль – обходя вопрос, где эта лодка или лодки берут топливо, торпеды и еду, если ни союзники, ни мы не в курсе. Рассказы же про некую цивилизацию в Антарктиде, решившую вдруг вмешаться, проходили уж точно по части белой горячки! Фактом, однако, было то, что особисты буквально озверели – причем такое впечатление, опасаясь больше не фрицев, а англичан – шепотом говорили, что некий старлей, делившийся с британцами мыслями о том, был тотчас препровожден куда надо, и больше никто его не видел; фамилию его, впрочем, никто не называл, и был ли он вообще – неизвестно. Однако от союзников в неофициальной обстановке стали шарахаться как от зачумленных. Слухи тем не менее множились.

А тот немецкий катер-раумбот? Верим, что стотонник, встретив в море два эсминца, поспешил спустить флаг – тем более что, как рассказывали оловцы, перегонявшие трофей в Архангельск, на нем не было никаких повреждений, следов боя. Но где тогда пленные, весь экипаж, если все видели, что с катера сняли лишь одного фрица? Зато после, к огорчению подплава, прекратились радио с наводкой на конвои, что явно указывало на связь одного с другим. Причем узнать обстоятельства того боя и пленения у морячков с эсминцев не удавалось – из-за тех же вездесущих особистов. Что было очень странно – что тут секретить и зачем?

А концерт, бывший как раз во время того случая? Радиовахта велась как положено, на многих кораблях и в береговых частях – и тут даже особисты не могли пресечь. Кто-то успел запомнить, кто-то записать – благо песни повторялись – у кого-то оказался музыкальный слух, достаточный, чтобы подобрать мелодию на гитаре или баяне. Короче, эти песни очень скоро распевал весь Полярный, и на Рыбачьем, и еще много где – уже и маршировали, горланя «Артиллеристы – Сталин дал приказ». И опять же, интересуюсь – кто автор?

В общем, все непонятно! Скорее бы в море – не нравится мне, когда вот так, полный туман! Ну, а если тут и впрямь оказалась замешана некая сторонняя сила, как бы не кончилось все так, как пять лет назад: где оказались те, кто был в Испании – или резко пошли вверх, как сам нарком Кузнецов, да и наш «батя» Арсений Григорьевич, или же. В море – и хватит об этом! Вернуться – когда уже прояснится, кто и что...

Потому нужно быстрее сделать все, чтобы лодка была готова! Принять запасы, проверить механизмы, устранить неполадки, если они есть. Подготовить лодку «к бою и походу», доложить и ждать приказа. В непонятках пусть разбирается начальство – а наше дело, которое мы умеем делать, это топить немецкие корабли!

Вот наконец и приказ! Прощай, полярный город, уходим сейчас в море!

В штабе кроме комбрига Виноградова были еще Вазгин, начальник флотской разведки, и незнакомый особист с петлицами старшего майора. Что настораживало.

– Выходишь в Карское море. Сегодня же. За тобой пойдет «Котельников».

А что там делать? Операция «Вундерланд»? Карманный линкор и подлодки – на наших коммуникациях? Ну, раз приказано, пойдём, нам крупные боевые корабли еще не попадались.

– Я иду с вами. Позвольте представиться, старший майор государственной безопасности Кириллов.

Вот это уже невесело. И странно. Что особисту делать в боевом походе? Задача поставлена – найдем этот «Шеер», если повезет, утопим. НКВД тут с какой стороны?

– Вы не поняли, Федор Алексеевич. Ваша задача формулируется – не найти и утопить «Шеер», а идти в Карское море для особо секретного задания. Под руководством товарища старшего майора.

Так. Приплыли. И кто же на борту старшим будет – я или этот «старший майор»?

– Разрешите, Павел Анатольевич? Хотел бы прояснить. Вы, Федор Алексеевич, командир – и в ваши сугубо корабельные дела я не вмешиваюсь, как человек сухопутный. Но у меня свое задание, особой государственной важности, которое должно быть выполнено любой ценой. Потому я указываю, что делать – а вы решаете, как делать. Это обсуждению не подлежит. Что до моих полномочий – то вот, взгляните.

Ну и бумага! Всем... Оказывать содействие... Исполнять... Поступить в подчинение... и так далее. Похоже, этот старший майор, по своему усмотрению, может потребовать у флота абсолютно все, что можно взять! И подпись – даже не самого наркома Берии – И. Ст...!

Господи, это во что же я влип?

Вышли. Бежим вдоль берега на дизелях – на восток, что непривычно. Всем хороша «Щука», вот только нетороплива. Пожалуй, «Котельников», выйдя даже на двое суток позже, и догонит и обгонит еще до Карских Ворот.

Вот и старший майор вылез на мостик – ну и вид у него, явно укачало, сухопутного.

– На раумботе хуже было, Федор Алексеевич. Маленький он, да и волна.

Так это орлы из НКВД тот катер в море взяли? Ясно тогда, где экипаж – за борт весь, кроме одного «языка», морской осназ? Скорее, обычный – моряк бы качку лучше переносил.

– У вас ко мне вопросы есть, Федор Алексеевич?

А как же не быть? Простите, товарищ старший майор, я понимаю, что дела ваши секретные – но должен же я хотя бы в общем знать? Чтобы тоже придумать лучше – как, куда, что? Если вы, как сами признались, сухопутный?

– Что ж, Федор Алексеевич, подписку с вас уже взяли, о неразглашении. Но, надеюсь, вы понимаете, что узнав, вы будете обязаны ни при каких обстоятельствах не попасть в плен живым?

Напугал ежа голой ж...! Кто-нибудь пленных подводников видел? Вот без вести пропавших – сколько угодно. М-175, командир Мелкадзе, не вернулась в январе, Щ-401, Моисеев – в апреле, Д-3, Бибеев – в июне. К-23, Гаджиев, погибла в бою со сторожевиками, радиограмма последняя «погибаю, но не сдаюсь», место также неизвестно. Моя Щ-421 на mine подорвалась, там хоть всех спасли, «двадцать вторая» успела снять, которая сейчас за нами идет. Нет у подводников плена – и нет у них могил. Срок автономности вышел, на связь не выходит – ну, значит, все...

Так что, давай, старший майор, свои государственные секреты! Если что – со мной и лодкой на дно уйдут.

– Дело, в общем, простое. Встретиться с К-25. И совместно поохотиться на «Шеер». После «Лютцова», «Кельна» и всех прочих, подозреваю, что охотиться будут они, ну а мы – лишь смотреть. Но, может, и подсобим в чем.

Ничего себе! Так значит, это все-таки товарищи чекисты постарались? Лодку построили – только вот не верю, что хошь со мной делай, что одна лодка могла такое натворить! Просто торпед бы в залпе не хватило. А после пуска из носовых разворачиваться кормой, перископ поднимать, прицеливаться – это лишь при полном отсутствии противодействия возможно. Как, например, в Атлантике – неохранный конвой.

– Нет, Федор Алексеевич, тут вы ошибаетесь. Лодка эта, намного наши превосходящая, – не миф, а реальность. Вот только не наша она совсем. Вернее, не совсем наша пока. И задание, с которым мы идем, секретное и особой важности, заключается в том, чтобы она стала нашей без всяких оговорок. А «Шеер» – это так, побоку. Или, скажем точнее, необходимый этап. Яснее объяснить не могу, поскольку сам не уверен. Но очень надеюсь, что я прав.

Ну и загадки! Что ж, будем ждать ответов. Идем на восток – и слушаем эфир.
Интересные, однако, дела творятся на нашей волне!

– Потоплена подводная лодка U-209. Морской волк.

– Потоплена подводная лодка U-456. Морской волк.

Что любопытно – после, уже из Полярного, оповещение по флоту о потоплении этих двух фрицев. Две штуки за полсуток: похоже, после крейсеров и эсминцев, падеж напал и на их лодки. «Морской волк» – это, случайно, не позывные той самой K-25?

Старший майор лишь ухмыльнулся – похоже, я прав!

Сразу после второй радиограммы мы встретили караван, идущий в Нарьян-Мар. Те сначала шарахнулись было от нас, но затем опознали. А на наш запрос передали, что сегодня утром были атакваны немецкой лодкой, которая вдруг сама взорвалась и утонула. Причем с лодки той подобрали двоих фрицев, один из которых – командир U-209 (а номер-то знакомый). Услышав такое, старший майор сначала выразительно покосился в мою сторону, вспомнив мои недавние слова, а затем потребовал немедленно передать пленных ему.

Вид у немцев был самый жалкий – в каких-то драных штанах и телогрейках не по размеру. Как объяснил сержант энкавэдэшник с баржи, переодели в сухое, какое нашлось. Мне же теперь думать, куда их деть. Не придумали ничего лучше, как сунуть в кубрик, на всякий случай связав руки. Старший майор спустился вниз и, как мне сказали, долго выпытывал у фрицев обстоятельства потопления их лодки, причем записывал все на бумагу. Остался очень довольным.

Затем долго ничего не происходило – пока мы шли к Карским Воротам. Девятнадцатого днем пришло сообщение об утоплении U-601. И я уже всерьез думал, что «Шеер» утонут без нас. Майор, очевидно, тоже – потому послал радиограмму. Пришел ответ – встреча в точке с координатами, время. Майор заметно повеселел. Доставляли беспокойство лишь пленные фрицы, которые мало того что жрали в три горла, так еще и вели себя предельно нагло. Лишь угрозы выкинуть их за борт и мой категорический приказ кормить их по минимуму возымели действие. Постараюсь избавиться от них при первом заходе в порт, хоть бы это был Диксон. Оттуда, между прочим, до Норильска недалеко!

Двадцать первого утром пришло сообщение от Морского Волка – лодка U-251 торпедирована, дрейфует без хода, полностью потеряла боеспособность, координаты... Северная часть Карского моря – можно заняться ею после?

Мы в назначенной точке. Море на удивление спокойное, отличная видимость. И – тишина. Даже акустики не слышат ничего. Старший майор вылез на мостик, то и дело осматривается, в настроении приподнято-возбужденном.

– Ну, Федор Алексеевич, будет у нас сейчас или грудь в крестах, или голова в кустах. Если не обманут.

Время! Смотрим во всех секторах. Небо синее, чайки летают. Прямо юг – только вода не синяя, а серо-стальная.

И вдруг у нас на левой раковине (для сухопутных – слева и позади), кабельтовых в пяти, вспучивается море. Вода взлетает фонтаном, расступается. И появляется... Ну ни фиги себе!!!

Подводная лодка – но размером, наверное, с линкор «Марат». Раза в три длиннее и аж всемеро шире нашей «Щуки». Причем формы очень странные, скругленные, как капля, и нос, и борта – нет таких ни у наших лодок, ни у немцев, ни у англичан! И если над водой видна лишь малая часть – то выходит, диаметр «капли» больше двадцати метров?! Это, если даже считать, что сколько-то занимают цистерны балласта, выходит четыре или даже пять ярусов палуб внутри?! А в носу, наверное, целая батарея аппаратов, тут вполне можно хоть десять на десять поставить – сто торпед в одном залпе! Это же целую эскадру накроет одним ударом, как тогда у Нарвика.

И корпус – как резиновый на вид. Может, как «Пионер» в романе Адамова, не из стали сделан, а из какого-то сверхматериала? А вот пушек на палубе нет – ничего, кроме рубки. Хотя такая форма у самых первых лодок была, на надводную мореходность не рассчитанная – значит, и эта тоже всплывает редко, а так все из-под воды? Тяжело с такими размерами на мелководье и в шхерах – это явно корабль для открытого океана. А вот интересно, как легко она погружается и маневрирует?

Нас догоняет довольно быстро. Для таких размеров – ход отличный. Это какие должны быть машины? Под водой – насколько аккумуляторов хватает? Или как в романе Беляева про подводный совхоз – аккумулятор величиной с пачку папирос может сутки автомобиль двигать?

Руль вертикальный в корме, как у торпеды, но громадный – торчит вверх плавником. Ну да, чтоб такой массой управлять, площадь рулей нужна большая. Похоже, что у нее кормовые рули, как стабилизатор у авиабомбы – второй вертикальный вниз торчит, горизонтальные под водой в стороны. Не напоремся, когда подходить будем? Пожалуй, нет. Если они расположены по оси «капли», на половине ее осадки, то мы над ними пройдем, не заметив.

Рубка на палубе таких размеров кажется маленькой. Хотя она длиной с половину нас целиком, а высотой как трехэтажный дом – судя по фигуркам людей. И над ней, кроме перископов, антенны торчат – вон та явно радиолокатор, у англичан видел на эсминцах, что в Полярный заходили. То есть они антенну могут выставлять над водой, как перископ?

И явно воевали, они с кем-то уже после того, как из базы вышли. На рубке вмятина заметная спереди, и нескольких стекол нет.

Флаг подняли. Косой синий крест на белом фоне – Андреевский? Ведь давно уже империи Российской нет! А на рубке спереди, хорошо различимый в бинокль, нарисован щит с двуглавым орлом над триколором. С двуглавым орлом?!!

Ясно теперь, что значит наши, но не совсем. Все-таки белоэмигранты. Но как они построили это втайне от всего мира?

– Мля! Все, как я думал. Точно так и есть. Ох, е-е-е! – сказал старший майор, обалдев, по-моему, еще больше, чем я. – И что же мне теперь со всем этим делать? И с вами что: вас же всех теперь, кто видел, дальше Полярного выпускать нельзя!

А громадная подлодка все ближе. На палубе там выстроились матросы в оранжевых спасилетах. И голос сверху рубки – по-русски:

– Эй, на «Щуке»! Швартуйся давай!

Хорошо хоть, море спокойное! Пришвартоваться борт к борту, когда они заметно выше нас – задача еще та. Наконец, сцепились.

– Кто у вас майор Кириллов? Наш командир приглашает к себе на борт! Вокруг все спокойно – мы смотрим и слушаем. Лодок боеспособных у фрицев здесь не осталось, «Шеер» далеко на норд-ост.

– За мной, Федор Алексеевич! – говорит старший майор. – Будешь моим военно-морским консультантом: смотри, слушай и запоминай!

Там раскатывают шторм-трап. Он не висит, а лежит на покато борту, но от этого не легче. Особенно Кириллову. Нам помогают матросы – и наши, и те. Они в черных куртках и оранжевых жилетах – но если переодеть, от наших не отличишь. По старшему майору молча скользят взглядами, а на меня смотрят как-то странно! Поднимаясь, слышу шепот за спиной:

– Похож.

– Да не, вроде не очень...

– Что б ты понимал, салага.

И от наших кто-то спрашивает:

– Кто похож?

– Да командир ваш. На памятник.

– Какой памятник? Где?

– Где-где. В Видяево, понятно. Откуда мы вышли полтора месяца как...

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Морской волк». Карское море.

21 августа 1942 года

На встречу с предками мы шли, тщательно подготовившись. Очень жаль, что не получилось прийти на место заранее – за сутки или двое.

Подходили с предельной осторожностью – слушая шумы, на случай если в игре были подлодки. Ничего не обнаружив, просканировали дно в активном режиме на предмет обнаружения залегших там. Всплыли на перископную, подняли антенну, проверили воздух радаром. И стали ждать.

Оставалась, хоть и малая, вероятность, что Сталин решит «во избежание» просто снять с доски неподконтрольную фигуру. Паранойя? Да – но способствующая выживанию.

Никаких подлянок, однако, не было. Не крутились в небе противолодочные самолеты, не лежала на дне еще одна подлодка «для подстраховки, если что-то не так». Конечно, со стороны Сталина это было бы полным идиотизмом – но ведь писали о нем в наше время.

Предки пришли, как договорились. «Щука», одна, шла в надводном положении, не скрываясь, полным ходом. Выждав, мы всплыли у нее за кормой, но не в кильватер – вне сектора стрельбы ее аппаратов. Предки не проявили никакой враждебности. Наверное, они смотрели на нас с любопытством и ждали, что будет дальше.

Петрович по моему приказу остался в ЦП. А на мостике возле меня как-то незаметно оказался Большаков, и с ним четверо его ребят в полной боевой. Мы смотрели с высоты рубки, как «Щука» пытается пришвартоваться к нашему борту. Развернули штормтрап.

Блин, флаг мы подняли какой?! Черт с белоэмигрантами – но ведь под ним уже в эту войну власовцы против наших воевали! Хотя вроде бы это было в сорок третьем – сорок четвертом, сейчас же предатель Власов только месяц как сдался и ничего пока еще не достиг; сам факт его измены у нас пока малоизвестен. Так что пусть пока будет Андреевский.

– Кто у вас майор Кириллов?

С мостика «Щуки» поспешно спустились двое. Перепрыгнули на наш борт и стали подниматься по штормтрапу. Если идущий впереди то и дело оступался, и двое наших его подстраховывали, то второй двигался уверенно. Лицо его, когда гости поднялись наконец на мостик, показалось мне знакомым. Е-мое! Я помнил, конечно, кто был в нашей истории командиром Щ-422 – но никак не ожидал вот так встретить живую легенду Северного флота. В честь которого в нашем времени названы и база Видяево и корабль «Федор Видяев». И памятник в Полярном, к которому цветы в День Победы каждый год возлагают.

И я, капитан первого ранга, командир атомного подводного крейсера, вытянулся и первым отдал честь – ему, тогда еще тридцатилетнему капитан-лейтенанту. За которым пока числились один командирский поход на Щ-421, в котором лодка погибла, и один на Щ-422 – где он утопил один транспорт с нашей подачи. И моему примеру последовали все наши, бывшие рядом.

Первый из гостей чуть заметно поморщился. Внешне он был похож на артиста Шукшина, такой рабоче-крестьянский мужичок. Ну, да Мюллер, которого мы по «Семнадцати мгновениям весны» знаем, по жизни тоже был происхождения крестьянского, что не мешало ему успешно руководить гестапо. Дураков и простаков в органах не держат.

– Майор Кириллов?

– Так точно. Старший майор государственной безопасности. А вы, простите... да, кстати, как к вам следует обращаться, «господин» или «товарищ»?

Вежливо, доброжелательным тоном – а на место поставил. Кто не понял, армейский майор и он же из ГБ – это разница в два чина в те времена; ну а старший майор был равен

довоенному комбригу, а сейчас, наверное, генерал-майору. И судя по вопросу вкупе с ударением на «старший», пытается прощупать нашу принадлежность: слышал, что в старорежимной армии в разговоре приставки опускались – штабс-капитана именовали капитаном, а подпола полным полканом. Ну, я тебе тоже сейчас загадку подкину.

– Командир подводного крейсера К-119 «Воронеж», капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович. А насчет обращения – второе привычнее, товарищ старший майор. Так и не укоренились у нас «господа», ну разве только когда очень официально. А в боевых подразделениях только «товарищи» – были, есть и будут, насколько я знаю.

Сделал короткую паузу – интересно, ответит что? Молчит, информацию осмысливая.

– А отчего мы обязаны были капитан-лейтенанта Видяева Федора Алексеевича первым приветствовать, так это вы внизу, в кают-компании, поймете – почему так, не иначе. Прошу за мной.

Спускаемся вниз через главный рубочный люк, сквозь спаскамеру, в центральный пост. Гости удивлены интерьером – старший майор оглядывается, а Видяев, тот вообще головой вертит, видно, что хочет о чем-то меня спросить, но не решается. Конечно – на лодках тех времен, да и в пятидесятые на дизельных центральный был больше на водомерный узел похож – трубы, клапаны, маховики, манометры, аж переборок за всем этим не видно. А у нас – как центр космической связи, кресла мягкие у пультов с мигающими разноцветными лампочками, люди в легкой синей форме РБ, светло, воздух чистый.

– Товарищи офицеры!

Петрович спешит навстречу с докладом. Ну приколист, мля! Нет, это не по поводу «товарищей» – хотя вкупе с «офицерами» в сорок втором звучало примерно как в двадцать первом веке «товарищ царь». А оттого, что доклад свой адресует не мне, а Видяеву! А тот вообще ничего не понимает. В присутствии командира рапортовать другому лицу принято на флоте, только если лицо в адмиральском чине! Или же – прямое начальство командира.

Причем все присутствующие предельно серьезны. Молодые смотрят даже восторженно. И шепот слышен:

- Тот самый.
- Да не совсем похож...
- Так фотки старые были.
- А памятник?
- Так лепили его когда?

А ведь Кириллов сориентировался – отступил Видяеву за плечо, смотрит с интересом, ожидая, что будет дальше.

– Это вот наш ЦП, – говорю, – и чтобы не мешать товарищам, вахту несущим, пройдем в кают-компанию.

С нашей стороны, кроме меня, были: Петрович, как моя правая рука, лицо особо доверенное и зам мой в случае чего, и Сан Саныч, как знаток истории и также лицо особо надежное. При первой встрече много народу не нужно, будут лишь мешать; хотя, конечно, если кто-то вдруг потребуется, вызовем по «Лиственнице». Ну, и Григорич внаглую просочился явочным порядком и уже присутствовал в кают-компании, когда мы все вошли. Я ему кивнул: оставайся. Пожалуй, не лишним будет и спец по идеологии и научному коммунизму.

Ведь, как я понимаю, товарищ старший майор у нас остается? Успеет еще со всеми перезнакомиться. А пока – к делу. Только сначала закончим с протоколом.

Указываю гостям на переборку, где у нас «уголок памяти и боевой славы». Сами поймут.

За стеклом – советский военно-морской флаг с гвардейской лентой. Фотография – Щ-422, из нашей истории, в Полярном. Портрет самого Видяева. Фото памятников ему же, в Видяево и в Полярном. История этого вот гвардейского флага – который в реальности Щ-422 так и не носила: указ вышел через два дня после того, как она из того, последнего своего похода

в июне сорок третьего, не вернулась. Флаг приготовленный так и не был вручен и переходил «по наследству» для сохранения традиций – сначала к ракетной К-116, 675-го проекта, а как ее на слом, то к нам. И модели здесь же на полке – Щ-422, «сто шестнадцатой» и, наконец, нашего «Воронежа».

Или у старшего майора железные нервы – или он уже что-то знал или догадывался. Точно, смотрит – как будто ждал чего-то подобного. А вот у Видяева вид – как по голове мешком. Хотя, пожалуй, узнай я, что через год погибну героем и гвардейцем, чтобы «воплотиться в пароходы, в строчки и в другие долгие дела», наверное, выглядел бы так же.

– Товарищ капитан первого ранга! – не выдержал, наконец, Федор Алексеевич. – Да что это такое? Откуда вы?

– А это вам товарищ старший майор расскажет, – отвечаю. – Похоже, у него это получится не хуже, чем у меня. Убедительнее – точно. Ведь так?

– Откуда вы? – спрашивает Кириллов. – Год какой?

– Две тысячи двенадцатый, – отвечаю. – И чтоб быстрее закончить с нашей историей, сделаем так. Вот вам наша «летопись» – подробный отчет, специально составили для этой встречи (ох, сколько Саныч с Петровичем возились, komponуя «выжимки» из журналов – навигационного, вахтенного ЦП, БИП, ГА с кальками маневрирования и фотоснимками). Там все о том, как мы сюда попали и что здесь делали. Читайте – мы на вопросы ответим, что непонятно. А после будем решать, что нам делать дальше.

Сели. Читают. Очень внимательно.

Надо дать большаковцам отбой. Не будет сейчас визита группы захвата из бериевских волкодавов. Первую, самую тупую проверку на адекватность предки прошли.

– Товарищ капитан первого ранга! – спрашивает Видяев. – Так что же теперь будет? Время, откуда вы, – что с ним теперь? И с нами? Мы же ведь победим? Раз вы – оттуда.

– В нашей истории победили, – отвечаю я. – Взяли Берлин в мае сорок пятого, и Девятое мая семьдесят лет после оставалось праздником всех наших народов. Но там – нас не было, и мы «Лютцов» не топили. И раз этот мир не исчез – значит, ничего не предрешиено. И будущее здесь станет другим. Каким? – а вот это зависит от нас. Но там мы большой кровью победили, а здесь мы в дополнение уже десяток фигур с доски смахнули, легче должно быть хоть чуть. Я понятно объяснил?

– Все изменится, – вдруг сказал старший майор. – Хотя бы в том, что хрен я тебя, Федор Алексеевич, в море отпущу! Понимать должен, что такое тайна «особой государственной важности». Говоришь, подводники в плен не попадают – так в кубрике у тебя доказательство обратного в двух экземплярах! Не представят тебя к Герою – зато живой будешь в сорок пятом. Ты молодой еще – значит, тебе еще на таких вот кораблях служить, когда у нас их начнут строить.

Видяев хотел что-то сказать, но молча сел, махнув рукой. Кириллов обернулся ко мне.

– Я думаю, товарищ капитан первого ранга, у нас еще будет время поговорить о многом. В том числе и о том, как потомки наши дошли до жизни такой, что «товарищи» под царским орлом и Андреевским флагом ходят, очень интересно будет это послушать и мне, и кое-кому повыше. Пока же у нас самое ближнее дело – «Шеер». И очень хотелось бы узнать ваш план, Михаил Петрович.

– Для начала вот информация по «Вундерланду», – говорю я и пододвигаю ноутбук. – Как он развивался в нашей истории.

После полудня 21 августа поступило сообщение от самолета-разведчика об обнаружении долгожданного каравана. Девять пароходов и двухтрубный ледокол находились всего в шестидесяти милях от крейсера, восточное острова Мона, и двигались встречным, юго-западным курсом. Это был вышедший 9 августа из Архангельска по Севморпути «Третий арктический конвой» в составе восьми сухогрузов и двух танкеров, которые направлялись в порты Дальнего

Востока и Америки. 16-18 августа суда сосредоточились на рейде Диксона и далее пошли на восток в обеспечении ледокола «Красин»; позднее к конвою присоединились ледокол «Ленин» и британский танкер «Хоупмаунт». Охранения в Карском море караван не имел – до сих пор в этих краях корабли противника не появлялись.

В донесении гидросамолета ошибочно указывалось, что суда шли на юго-запад, а не на восток, как на самом деле. Это дорого обошлось немцам – Меендсен-Болькен решил прекратить движение на восток и занял выжидательную позицию в районе банки Ермака. Здесь он должен был неизбежно встретиться с конвоем, если бы тот осуществлял движение на запад, обходя остров Мона с севера.

Снова послали самолет. Но с востока на запад двигалась сплошная полоса тумана, район обнаружения транспортов не просматривался, и самолет вернулся ни с чем. Весь вечер 21 августа и ночь на 22-е крейсер ждал, что добыча сама выскочит на него. Между тем служба радиоперехвата фиксировала интенсивный радиообмен, постепенно удалявшийся к северо-востоку. Меендсен-Болькен заподозрил неладное и, несмотря на туман, ограничивавший видимость порой до ста метров, продолжил движение на восток. Но потерянное время оказалось невозполнимым.

К утру 22-го «Шеер» почти достиг архипелага Норденшельда и вновь запустил самолет. Конвой найти не удалось, и самолет занялся выяснением ледовой обстановки. Вскоре служба радиоперехвата смогла не только засечь, но и расшифровать одно из советских радиосообщений, в котором указывался курс каравана 43 градуса и скорость 5 узлов. И только теперь немцы поняли, что караван двигался на восток и находился вблизи западного входа в пролив Вилькицкого.

Оставалось только догнать и уничтожить. Но сильно мешали льды. Направление их движения, в зависимости от ветра, резко менялось, и в кратчайшее время то возникали, то исчезали огромные ледяные поля. Несмотря на все эти трудности, Меендсен-Болькен вел крейсер вперед, однако расстояние сокращалось крайне медленно. 23-го числа во второй половине дня «Арадо» вновь обнаружил суда конвоя, которые к тому времени находились уже на якорной стоянке в проливе Вилькицкого, у острова Гелланд-Гансена. Ширина свободной ото льда полосы колебалась от 5 до 15 миль, но и на ней приходилось постоянно лавировать, избегая встречных льдин.

Весь день 24 августа «Шеер» продолжал движение на восток. Горючего для самолета не хватало, и его решили не запускать. Это оказалось еще одной ошибкой Меендсен-Болькена – во второй половине дня, уже достигнув острова Русский, из-за внезапной перемены ветра рейдер был окружен плавучими льдами и попал в ледовый плен. Глыбы уже начали сдавливать борта корабля, но новая перемена ветра способствовала тому, что спустя несколько часов удалось выйти на рыхлый лед. Несмотря на это происшествие, «Шеер» упорно продвигался на восток. На преодоление десяти миль пути в отдельных случаях приходилось затрачивать до девяти часов!

Самолет, высланный рано утром 25 августа для ледовой разведки и уточнения координат корабля, при возвращении неудачно приводнился и полностью вышел из строя. Его пришлось расстрелять из 20-миллиметровой зенитки (всего за пять дней операции «Арадо» совершил одиннадцать вылетов). Лишь после этого командир рейдера потерял надежду догнать конвой и повернул в обратном направлении.

Отход на запад удалось осуществить на значительно большей скорости. Уже к 11 часам крейсер прошел архипелаг Норденшельда и приблизился к острову Белуха. Здесь с «Шеера» заметили неизвестное советское судно, которое, как выяснилось впоследствии, было воору-

женным ледокольным пароходом Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) «Александр Сибиряков» (1384 брт)²⁰.

– Так! – сказал Кириллов. – Михаил Петрович, вы уверены, что история пока течет в том же русле? Что отдельные обстоятельства не меняются на противоположные. Сегодня двадцать первое. Вы абсолютно уверены, что и в этот раз пилот разведчика ошибется, а не сообщит на рейдер правильный курс каравана?

– Пока не было такого, – уверенно отвечаю я. – Все совпадало. U-209 пыталась атаковать наши суда с людьми как раз там, где мы ее утопили. Точно по графику «Шеер» вошел в Карское море, встретился с U-601, затем с U-251.

– «Лютцов», – вдруг вспомнил Сан Саныч, – он раньше вышел. Должен был девятого августа. А было.

В воздухе почти ощутимо сгустилась грозная туча.

– Товарищ капитан первого ранга, – отчеканил Кириллов, – настоятельно прошу предоставить мне связь со штабом флота. Надо немедленно послать сообщение в Полярный и руководству Севморпути!

«В адрес Третьего Арктического конвоя – от штаба СФ. Вас преследует рейдер – 60 миль к весту. С получением сего немедленно уходите на ост максимальной скоростью, соблюдая полное радиомолчание».

– Так что вы намерены делать, Михаил Петрович?

– Самое простое, – отвечаю я. – Что будут делать фрицы, потеряв ход посреди Карского моря? Полностью, капитально и без всякой надежды на помощь? Получив затем по радио ультиматум – спустить флаг, или следующая торпеда в борт, и никого спасать не будем?

– Вы можете гарантировать такое «золотое» попадание? Как в «Бисмарк» – точно в корму?

– А у нас торпеды непростые. Они или «видят» цель своим сонаром, или «слышат» шум ее винтов. Слабое подобие этого появится у немцев в сорок третьем – информацию по нему мы вам тогда на катере передали.

– Хм, ну предположим. А если не сdadутся?

– Ну, тогда – торпеда в борт. Но я не думаю, что они проявят чудеса героизма. Прочтите дальше, как они драпанули от Диксона, где, кстати, по чьему-то приказу были демонтированы батареи. В результате одна из них вообще не стреляла, а вторая вела огонь прямо с причала. И этого хватило, чтобы «Шеер» удрал с позором, не выполнив задачи.

– Демонтированы? А можно подробнее – кто и когда отдал такой приказ?

Быстро товарищ старший майор освоился с ноутбуком! Хотя, чтоб листать на экране текст особого умения не надо. Однако же Видяев рядом смотрит на комп – ну прямо как на лампу Аладдина!

...благодаря относительно того, что враг не посмеет сунуться в Карское море, распространилось настолько далеко, что когда в середине августа последовало решение о формировании Новоземельской ВМБ, береговые батареи для нее решили взять на Диксоне. Если бы «Шеер» атаковал порт сразу после потопления «Сибирякова», он мог оказаться на месте не позже полудня 26-го, нашел бы батареи демонтированными или не готовыми к бою – и все было бы гораздо хуже.

Еще в конце лета 1941 года на Диксоне вошли в строй две двухорудийные морские береговые батареи: 130-миллиметровая № 226 и 45-миллиметровая универсальная № 246 15. Позднее к ним добавилась батарея № 569. Она имела на вооружении полученные со складов Архан-

²⁰ Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

гельского военного округа две 152-миллиметровые полевые гаубицы образца 1910-1930 годов. Именно им и выпала роль главной силы оборонявшихся в последовавших вскоре событиях.

Имелись орудия и на кораблях. Утром 26-го в Диксон прибыл сторожевик СКР-19 (бывший ледокольный пароход «Дежнев»), который и должен был перевезти матчасть батарей на Новую Землю. Его вооружение состояло из четырех 76-миллиметровых, стольких же 45-миллиметровых орудий и пулеметов. Артиллерия (по одному 75 и 45-миллиметровому орудью и четыре 20-миллиметровых «эрликона») стояла и на пришедшем в порт вечером пароходе ГУСМП «Революционер» (3292 брт). Кроме них у причалов находился лишь невооруженный транспорт «Кара» (3235 брт), в трюмах которого лежало несколько сотен тонн взрывчатки – аммонала.

Нельзя назвать силы защитников впечатляющими, однако немцы вообще не рассчитывали встретить противодействие. По их данным, гарнизон порта составляли не более 60 бойцов НКВД. Выработанный Меендсенем-Болькеном замысел удара по Диксону предусматривал высадку десанта силами до 180 человек, которые могли быть выделены из состава экипажа без ущерба для боеспособности тяжелого крейсера²¹.

– Так, халатность налицо! – сказал Кириллов. – Не забыть после разобраться. А пока.

...на составление планов и производство докладов о принятых мерах ушел весь день, которого «Шееру», если бы он на самом деле прошел мыс Челюскина, хватило бы на уничтожение нескольких конвоев. Но наиболее здравым решением, принятым советской стороной за весь день 26-го, стал приказ адмирала Степанова о восстановлении демонтированных береговых батарей на Диксоне.

Приготовления к отражению возможного нападения противника начались в порту лишь поздно вечером. К моменту начала боя многие ключевые фигуры обороны Диксона – военком Северного отряда БВФ полковой комиссар В. В. Бабинцев и командир СКР-19 старший лейтенант А. С. Гидулянов – выехали на катере на рекогносцировку удобного места для установки 130-миллиметровых орудий. Сделать не успели почти ничего. Морские батареи находились на барже для последующей перегрузки на «Дежнев», и лишь орудия батареи № 569 (командир – лейтенант Н. М. Корняков) оставались на причале. Подготовка к бою этой батареи заключалась лишь в возвращении на берег части боекомплекта, более или менее подробном составлении плана действий и, наконец, придания в помощь красноармейцам некоторого числа местных жителей, поскольку комплект ее личного состава составлял более пятидесяти процентов.

В 01:05 часовой с бывшей огневой позиции батареи № 226 заметил темный силуэт «Адмирала Шеера». Немедленно в эфир открытым текстом ушло соответствующее сообщение, а в порту объявили боевую тревогу. СКР-19 быстро отдал швартовы, но отойти от причала до начала боя не успел. Через 25 минут крейсер уже прошел вдоль берега острова Старый Диксон и стал приближаться к входу на внутренний рейд. Обнаружили его только когда расстояние между ним и судами составляло уже не более 30-35 кабельтовых.

Первые залпы «Шеер» направил против СКР-19. 280-миллиметровые снаряды прошивали корпус судна насквозь и взрывались уже под ним. «Дежнев» получил как минимум четыре 28 или 15-сантиметровых снаряда, два из которых сделали большие пробоины. Из строя вышли дальномер и два 45-миллиметровых орудия. Потери экипажа составили 6 убитых и 21 раненый, из которых один вскоре умер. В 01:46 сторожевой корабль выбрался из сектора обстрела, однако полученные повреждения привели к тому, что он сел на грунт в мелком месте. За время боя его артиллеристы выпустили по врагу тридцать пять 76-миллиметровых и шестьдесят восемь 45-миллиметровых снарядов, но, к сожалению, не добились попаданий.

Затем «Шеер» сосредоточил огонь на «Революционере». Скрытый дымовой завесой, этот пароход получил лишь три попадания. На его верхней палубе вспыхнул пожар. Были разру-

²¹ Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

шены каюты, штурманская и рулевые рубки. Оказался поврежденным и паропровод, подающий пар на брашпиль, в результате чего судно не смогло сняться с якоря и укрыться в Самолетной бухте. Лишь после прекращения обстрела аварийным партиям удалось устранить часть повреждений, после чего пароход вышел из порта через пролив Вега на юг. За ним последовал и транспорт «Кара», к счастью незамеченный немцами.

В этот критический момент открыла огонь 152-миллиметровая батарея. Ее стрельбу немцы классифицировали как довольно точную, несмотря на значительную дистанцию и плохую видимость. Всплески падений наблюдались в 500-2000 метрах от крейсера и оценивались как от 130-миллиметровых снарядов. Место батареи противнику определить не удалось – и, не желая рисковать, Меендсен-Болькен лег на обратный курс, в 01.46 приказал прекратить огонь и спустя четыре минуты «Адмирал Шеер» скрылся за полуостровом Наковальня. За время этого эпизода боя крейсер израсходовал двадцать пять 280-миллиметровых, двадцать один 150-миллиметровых и тридцать два 105-миллиметровых снарядов.

Двигаясь в северном направлении вдоль побережья, крейсер последовательно бомбардировал береговые объекты: с 02:14 до 02:23 станцию наблюдения за туманами на острове Большой Медвежий (226 – 105 миллиметровых снарядов); с 02.19 до 02.45 северное побережье острова Диксон (с перерывами, 76 – 150-миллиметровых снарядов). Главная же атака началась в 02:31, когда, продолжая обходить остров Новый Диксон, «Шеер» вновь ввел в дело главный калибр – по объектам порта и радиоцентру. Не наблюдая противника, ответный огонь повели СКР-19 и батарея № 569. Примерно через 15 минут броненосец показался из-за острова, что позволило советским артиллеристам более точно определить местонахождение цели. В 02:43 рейдер прекратил огонь, но спустя пять минут возобновил его по жилому городку. В 02:57, очевидно узнав, что цифра израсходованного для стрельбы по Диксону боезапаса приближается к шестой части нормального боекомплекта (на финальном этапе бомбардировки выпущено еще пятьдесят два 280-миллиметровых и двадцать четыре 150-миллиметровых снаряда), Меендсен-Болькен приказал прекратить стрельбу.

Трудно сказать, считал ли немецкий капитан базу разгромленной, однако внешне разрушения выглядели весьма эффектно. Две радиомачты передающего центра были сбиты, от хранилища соляра в небо поднимался густой дым. Кроме того, немцам удалось поджечь силовую подстанцию радиостанции и несколько жилых домов. Потерь в людях на берегу, к счастью, не было. Об успешности налета можно было судить уже по тому, что радио Диксона прекратило работать на передачу и не выходило в эфир около двух суток²².

– Твою!.. – произнес Кириллов. – Вот уж точно сказано: обратная сторона героизма – это почти всегда чье-то преступление или развязность! И вы, Михаил Петрович, думаете сделать то, с чем тогда не мог справиться весь Северный флот?

– Да, справимся, – отвечаю. – Читайте!..

...как ни трудно в это поверить, но до утра 26 августа ни командование флота, ни командование флотилии не приняли никаких мер по организации обороны на Севморпути. Обстановка, вырисовывавшаяся в советских штабах, указывала на то, что вспомогательные крейсера противника множатся, как тараканы. Один вроде бы обстрелял мыс Желания утром 25-го, а другой потопил «Сибиряков» (простой расчет скорости и расстояния показывал, что это не мог быть один и тот же корабль). О третьем стало известно утром 26-го. В 01:40 радиостанция на мысе Челюскин сообщила о корабле противника, прошедшем мимо с большой скоростью на восток. Что могло стать причиной этого обнаружения неизвестно, однако караван, который так долго преследовался «Шеером», миновал мыс всего за пять часов до этого. Весть о том, что вооруженный корабль противника настигает беззащитный конвой, привела руководство Сев-

²² Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

морпути в состояние, близкое к панике. В 14:30 начальник ГУСМП известный полярник Герой Советского Союза И. Д. Папанин связался по радио с командованием СФ и в довольно нервной и резкой форме попросил Головки немедленно отдать приказание командующему БВФ вице-адмиралу Г. А. Степанову о высылке звена морских бомбардировщиков с запасом бомб для уничтожения рейдера противника. На несколько часов раньше от наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова в адрес командующих СФ и БВФ поступили приказания об усилении наблюдения за обстановкой на трассе ГУСМП, необходимости контроля за передвижением всех торговых судов на театре (чего ранее никогда не было) и разработке мероприятий по противодействию неприятелю.

Но при имевшейся системе руководства на скорое осуществление каких-либо конкретных шагов рассчитывать не приходилось. Во второй половине дня начальник штаба БВФ доложил начальнику штаба СФ планируемые мероприятия, а именно: организовать воздушную разведку в Карском море (площадь которого составляет 883 тысяч кв. км) силами двух (!) самолетов ГУСМП;

выслать три подводные лодки СФ на позиции к северу от мыса Желания, к проливу Карские Ворота и в Карское море, к востоку от меридиана 80° (поиск рейдера в этом районе силами одной ПЛ вполне сопоставим с проблемой нахождения иголки в стоге сена);

перебазировать группу гидросамолетов-бомбардировщиков (гордое название для устаревших МБР-2) на гидроаэродромы острова Диксон и мыса Челюскин;

поставить перед союзниками вопрос о посылке в Карское море крейсера и миноносцев (без комментариев!);

дать указание командиру Северного отряда БВФ об усилении разведки и повышении готовности своих средств, и о жестком контроле режима плавания судов в его районе (гром не грянет – мужик не перекрестится!).

О дальнейшей эскалации напряженности свидетельствует сообщение от 14:35 из штаба БВФ в адрес штаба СФ, в котором говорилось, что «через голову» командования СФ нарком ВМФ приказал командующему БВФ донести о немедленном принятии мер по обстановке в Арктике. Вечером командование СФ сообщило в адрес флотилии, что с наступлением благоприятной погоды направит на сухопутный аэродром Амдермы два ДБ-Зф и четыре Пе-3. В 20:36 раздался очередной звонок из Москвы, в котором объявлялся окончательный «приговор»: перебросить в Диксон 10 МБР-2, шесть от флота и четыре от флотилии 14. Таким образом, на составление планов и производство докладов о принятых мерах ушел весь день²³.

– Мы же, в отличие от штабов, достоверно знаем обстановку. И нам не нужно ничего ни с кем согласовывать. Послезнание? Да – но это проблемы противника, а не наши. И надо скорее разыграть этот козырь, пока он не сошел на нет из-за изменения обстановки. Мы знаем, где «Шеер» будет завтра. У нас достаточно дальнобойные средства обнаружения – мы можем «увидеть» и «услышать» противника почти за сотню миль. Наконец, наше оружие не промахивается – и мощности одной торпеды хватит, чтобы утопить даже «Тирпиц». Впрочем, могу предложить вам краткую экскурсию по нашему кораблю. Не ради любопытства – а чтобы вы четко представляли наши возможности и какие средства находятся в нашем распоряжении. Начнем, как положено, с первого, торпедного отсека.

И обернувшись к Петровичу:

– Бурого предупреди, что мы сейчас к нему идем.

Диксону – Штаб БВФ

²³ Тонина О., Афанасьев А. «Война в Арктике. 1942 год. Операция „Вундерланд“».

В ближайшее время возможно нападение немецкого рейдера (линкора «Адмирал Шеер»). Береговые батареи привести в полную боевую готовность. Приказ о передислокации на Новую Землю – отменяется. Приказываю принять все меры к обороне. Вывести из порта суда с ценными грузами. Мобилизовать и вооружить население на случай высадки десанта. Для усиления обороны ожидается прибытие подводных лодок СФ. Особо подчеркиваю, что в настоящее время боеспособных немецких ПЛ в Карском море нет (за исключением U-251 – не имеет хода и управления), потому атаковать и обстреливать любые обнаруженные ПЛ запрещается. Об исполнении доложить.

Возле стеллажей, на которых отдельно лежали спецторпеды, маялся Пиночет. А у входа в отсек показательно бдел матрос с АК-74.

– А это что такое? – спросил старший майор. – Разве на подлодке в походе принято так торпеды охранять?

– Эти – да, – отвечаю. – Это не обычные торпеды, а особые, две штуки. Настолько особые, что применить их я своим приказом не могу, а лишь по согласованию с Сергеем Степановичем. Который должен будет сначала удостовериться, получил ли я «добро» от высшей власти страны. В наше время с этим было строго – потому как, если в ответ и с той стороны такие пойдут, Армагеддон начнется.

Кириллов замаялся на секунду, затем на удивление быстро сообразил:

– Атомные? О которых вы писали? Как десятки тысяч тонн тротила?

– Они самые, – отвечаю. – Мы же в нашем времени являемся охотником за авиаударной группой. А это целая эскадра, если не небольшой флот. Против которого нужно или свой выставить, такой же, или таких, как мы. Подкрались незаметно – и пустили. И у врага эскадры нет.

Старший майор остановился напротив, внимательно осмотрел торпеду. Получив разрешение, осторожно дотронулся до круглого бока рукой.

– И много у вас на борту – таких?

– Торпед лишь две, вот эти. Но есть еще шесть «Гранитов», наш главный калибр. Тоже по сути торпеды – но летающие. Очень далеко и метко.

– Это те, которыми, как вы писали, города и даже целые страны можно уничтожать?!

– Нет, мы же не подводный линкор²⁴. Это у них было – на борту двенадцать, шестнадцать, двадцать четыре баллистических, да еще на каждой по десятку боеголовок, итого в залпе, соответственно, накроет хоть целую страну, как Германия или Англия, – в пепелище превратит. А мы всего лишь крейсер, сугубо против вражеского флота, ну еще береговых целей, портов или военно-морских баз. Хотя если город приморский – тоже снесет к чертям. Но дальность стрельбы у нас всего шестьсот километров, и то лишь над морем – удаленные от берега цели система наведения не возьмет. Но про «Граниты» вам лучше наш командир БЧ-2 расскажет, его заведование. Будете дальше наши торпеды смотреть?

– А товарищ, простите, из какого ведомства?

– Да из вашего, конечно, – отвечаю. – А как иначе? Называлось оно у нас, правда, по-другому, а суть...

– Коллега, значит? Ну, с коллегой мы общий язык найдем. Что тут еще интересного?

Видяев интересовался, можно ли нашими торпедами стрелять из аппаратов его «Щуки». Бурый, самолично показывающий гостям свое хозяйство (а как иначе?), на миг задумался, вспоминая, а затем решительно ответил – нет!

---

²⁴ Хотя нет у нас официально такого класса – но как по сути назвать ПЛАРБы? Вашингтонский договор 1920 года – это по существу ОСВ: тогда линкоры были таким же стратегическим оружием, как в наше время ядерные ракеты. На переговорах даже существовало понятие «совокупной боевой линии» и «совокупного залпа» всех линкоров стороны – как у нас число носителей и число боеголовок. – *Прим. автора.*

– Во-первых, у нас торпеды просто длиннее – не влезут. Во-вторых, у нас данные в торпеду вводятся перед пуском, с БИУС. Программа задается – как идти, где включать ГСН, в каких секторах искать цель. У вас же, насколько помню, ПУГ, ПУР, УМТ²⁵ на аппарате нет; механические, где шпильки от коробки в вырезы на торпедной головке входят, появились лишь на «шестисот тринадцатых», ну, тут я могу ошибаться – у вас же вся связь с торпедой это курковый зацеп, при старте откидывается, запуская мотор. Может, и можно, теоретически – но никак не подручными средствами, тут завод нужен. И стрельбы на торпедном полигоне.

А вот товарищ старший майор, такое впечатление, больше смотрел по верхам. Запомнить цифры – максимальную дальность, точность, скорость – и ограничения по условиям применения, что и насколько. А как детально это работает, на то спецы есть разбираться. Может, это и правильно для руководителя.

Зато, проходя через столовую, он задержался на минуту возле плаката на стене. Того самого, где толкиеновские орки со «шмайзерами» и в немецких касках.

– Замечательно схвачено – звериная суть немецкого фашизма. Притворяются людьми, а подлинно обезьяньи хари. И если эту суть вывести наружу, маски человекоподобия сорвать – остается вот это! Это кто-то из экипажа рисовал, или в вашем времени такая память о Гитлере осталась?

– В нашем времени, – отвечаю.

Не пересказывать же сейчас товарищу старшему майору «Властелина Колец» Толкиена!

Заглянул он, конечно, и в медсанчасть – и сразу обратил внимание на вооруженный пост у дверей изолятора.

– А это что у вас там?

– Пленный с самой первой потопленной нами лодки, – лениво ответил Князь, оторвав взгляд от книжки, которую читал, развалившись в кресле. – Особо опасный, уж если сам главный убивец наш, который немецкий аэродром на воздух поднял, приказал стеречь, чтоб он весь экипаж голыми руками не перебил. Потому и охраняем неусыпно вдвоем, а то еще вырвется.

Действительно, кроме Рябова здесь крутился и Юрка-Брюс, зашедший по какому-то своему делу. И фразу такую Большаков произносил, и говорил сейчас Князь абсолютно серьезным тоном. Ну, приколист наш – ведь ни единого слова лжи, высший класс!

– А ну-ка, покажите мне его!

Ребята подыграли: встали у двери с таким видом, словно оттуда сейчас выскочит голодный лев-людоед. Майор, однако, не оценил, решительно вошел и хмыкнул, обозрев немца, вскочившего с испуганным видом, будто сейчас его начнут пытаться и убивать.

– И в самом деле опасный. А ну!

И сказал что-то по-немецки. Фриц вскочил, вытянулся. Майор еще спросил его о чем-то, фриц ответил: йя! Майор махнул рукой и вышел. Сказал Князю:

– Правильно делаете. Если он вырвется, проблемы не у вас будут – у всего Советского Союза. Охраняйте так и дальше.

Через три часа, все осмотрев, согласовали и обсудили план действий в первом приближении, способы связи над и под водой. Все ж хорошо, что на Щ-422 хоть «Сириус» стоял, установка ЗПВ (звукоподводной связи), примитивная, конечно, но в одну сторону сойдет, от них к нам, ну а нам к ним придется лишь сонаром на их корпус, и морзянкой. Демаскировка страшная – но лодок-охотников нет, ну а «Шеер» что сделает, если и услышит? Нет на нем даже РБУ. Не достанет и удрать не успеет. Напоследок гостей угостили обедом – а как иначе? – и кок, расстаравшись, с согласия Петровича и Сидорчука, выделил предкам каких-то деликатесов, мешок с которыми за Видяевым тащил матрос. Кириллов, конечно же, оставался с нами, а Федору Алексеевичу уже пора было к себе.

²⁵ Установка глубины, режима, маневрирования.

Мы вышли на палубу «Волка». Наша боцманская команда, к которой присоединились и свободные от вахты, живо болтала с предками. Их также было явно больше, чем нужно для отдачи швартов – ясно, что там тоже вылезли наверх все желающие поглазеть на это чудо. Секретность? Ну, во-первых, об этом пусть у предков голова болит, их люди, а во-вторых, как сказал старший майор, этот экипаж по возвращении в базу и так получит по полной – подписки со всех о неразглашении и перевод куда-то подальше, в тылы. И хорошо, ребята, если вам в Северодвинске дослуживать, а если где-нибудь в Тикси, или на Новой Земле?

– Мля! Сука! Убью! Федор Алексеевич...!! Ты... куда глядел?!

И чего товарищ старший майор орет? Ну вылезли матросики воздухом подышать – на дизелях святое дело! Противника тут нет и не предвидится, так что внезапного нападения бояться не надо. Но на всякий случай – взглянул на небо.

Чисто теоретически «Кондор» от Норвегии мог сюда долететь. Так его бы радар наш засек, это не Ф-111 с режимом огибания на сверхмалой, пока долетит, чаю напиток успеет, а вон и боевая вахта с «Иглами» наготове, как положено. Лодка неучтенная подкрадется, незамеченная нашей ГАС? Ой, не смешите!

А вот Видяеву было не до смеха. Потому что он увидел и понял.

На палубе «Щуки», среди матросов, стоял немец, также вылезший наверх. Тот самый, командир U-209 Генрих Брода. И, естественно, выпучился на «Волка» во все глаза.

– ...так вы же сами сказали, тащ капитан-лейтенант, кто не работает – тот не ест, ну и мы фрицам: вот ветошь, отдрайте, чтоб чисто было, как... у кота. Мы проследим, примем, тогда и жрать дадим. Ну духарили, фашисты ведь! Недосмотрели – вот и вылез.

– ...!! А если бы он клапан затопления открыл? Ты бы что сделал на фашистской подлодке?

Видяев давал взбучку своим орлам, те вяло оправдывались, признавая вину. Старший майор, как-то незаметно возникший на палубе «Щуки», пока лишь стоял и смотрел, замечая все, и взвешивал последствия. Немец, о котором будто забыли, тоже смотрел с видом заносчивым и высокомерным, как человек в зоопарке на дерущихся обезьян. Что меня и взбесило.

Я ведь сошел сюда лишь за одним: взглянуть немцу в лицо, убежденный он фашист или просто мразь? Он же выглядел единственным белым человеком среди туземцев – не раскаивался ни в чем. Здесь он не успел совершить свое преступление? Неважно – был к этому готов.

В общем, я, вспомнив курсантские годы, подошел к нему и со всей силы влепил в морду. Наверное, все ж отвык – потому что немец не упал, а лишь отшатнулся. И заорал, размазывая кровь.

Меня тут же оттер плечом один из большаковцев. А я и не видел, что наш главдиверс приставил ко мне двоих, как бы чего не вышло – вот и второй, у меня за спиной, ситуацию контролирует. Молчание, немая сцена. Все смотрят. Даже немец заткнулся.

– Ну зачем вы так, товарищ капитан первого ранга, – произносит наконец старший майор. – Это все-таки пленный.

Тоном таким, что не понять – издевается или говорит всерьез.

Ладно.

– Этот пленный приказал утопить триста наших мирных, – отвечаю я громко, чтоб слышали все. – В их числе женщин и детей в воде расстреливал из пулеметов.

Судя по виду «щукарей» – сейчас немца порвут на ленточки для бескозырок. Как в ящике видел, в две тысячи восьмом – «грызуны» в Цхинвале мирных танком давили, и тут в них кто-то из РПГ, они выскочили, прям в толпу тех, кого только что. Лежат тушки-голова-руки-ноги, все по отдельности – вот и немца сейчас так.

– Назад все, твою...! – орет Кириллов. И уже спокойно: – Не беспокойтесь – за все он получит. По закону и справедливости. Пока же его надо в разведотдел доставить. Он командир

лодки – а вдруг знает что-то, что вам или товарищам вашим жизнь спасет? Федор Алексеевич, распорядитесь!

Видяев отдает приказание – подсакивают двое матросиков и без церемоний ссыпают немца в люк. Старший майор пишет что-то на листке блокнота, отдает бумажку Видяеву и обращается ко мне:

– Пошли, Михаил Петрович. И нам пора уже.

И первым лезет по трапу на «Волка».

Через два часа. Москва, Кремль

– Значит, все жэ наши потомки, Лаврэнтий?

– Так точно, товарищ Сталин. Кодовый сигнал от Кириллова однозначен. Встреча состоялась, наши потомки из две тысячи двенадцатого года к нам полностью лояльны. Он пока остается там, для координации и подробного ознакомления. Связь – как условились, на волне подплава СФ, нашим шифром и кодом.

– Можэт, всэ жэ настоять, идти им сразу в Архангельск? Комиссию по встрече мы подготовим. Ну а «Шээр» – нэ так уж он нам и нужэн. Вэдь на этот раз флот готов? И в Диксонэ – ждудт?

– Во-первых, несколько дней по большому счету ничего не решат. Во-вторых, предоставился уникальный случай взглянуть на наших гостей «изнутри», как они воюют. В-третьих, не факт, что сейчас они будут безоговорочно слушаться Кириллова: они пока нам союзники, а не подчиненные. И в-четвертых, от них уже идет важная информация стратегического значения, могущая оказать серьезное влияние на ход Сталинградской битвы.

– Насколько сэрьезное, Лаврэнтий?

– По их словам, послезавтра, двадцать третьего, немецкие танки едва не ворвутся в Сталинград. Чисто случайно на их пути окажется наш 1077-й ЗенАП, и девушки зенитчицы погибнут все – но сумеют задержать танки на пару часов. Что позволит нашим организовать хоть какую-то оборону. Тогда немецкая авиация нанесет массированный удар силами до двух тысяч самолетов. Город будет полностью разрушен, погибнет очень много жителей и беженцев. Эти сведения были переданы нам потомками еще раньше – тогда мы рассматривали это как один из возможных сценариев. Теперь же Кириллов настаивает – надо полагать, имея на то основания, – что это случится, если мы не примем меры. Особенно после того, как потомки указали нам на достаточное количество упущенных возможностей и прямых ошибок. Так, например, наш 282-й стрелковый полк, передаваемый в другую дивизию, будто бы простоял в эшелоне, в ста километрах от Сталинграда целых пять дней. И тому подобное – все было в моей записке, товарищ Сталин!

– Это очэнь нэ хорошо, что дэвушки погибают за Родину, в то время как бойцы прохлаждаются в тылу из-за чьей-то халатности, глупости... или вредительства. Надеюсь, ты уже принял мэры, Лаврэнтий, – чтоб сэйчас такого нэ случилось?

– Так точно, товарищ Сталин. Вот перечень самого необходимого – и еще указания местным товарищам, что произойдет послезавтра, может, найдут что-то еще. Также я взял на себя ответственность показать Шапошникову информацию, якобы полученную нашей разведкой.

– Мы удэржим Сталинград?

– По словам потомков, удержим – после полугода упорного сражения, перед которым померкнет Верден. И это будет нашей победой, поворотной точкой войны – после чего начнется наше наступление на запад, еще два года войны, Курск, Украина, Белоруссия, от Вислы до Одера, Берлин. Мы возьмем Берлин в мае сорок пятого, и Гитлер примет яд в бункере, окруженном нами. Но наши потери будут страшными, двадцать шесть миллионов. Что ослабит СССР перед нашими бывшими «союзниками», которые после сорок пятого станут нам врагами и начнут замышлять против нас новую войну. О последующих политических собы-

тиях, в отличие от хода этой войны, потомки говорят очень мало – можно предположить, что последует или новая война, или контрреволюционный переворот с реставрацией капитализма и монархии. По крайней мере, нам известно, что в момент встречи наши потомки были под Андреевским флагом и с царской символикой – двуглавым орлом. Что также заставляет нас с осторожностью относиться к отдаче им прямых приказаний.

– Что ж, Лаврентий, будем ждать дальнейшего развития событий... А вот указания в Сталинград – отправь нэмэдлэнно!

Командующему Сталинградским фронтом, передано 21 августа 1942 года

Ввиду ожидаемого 23 августа прорыва немецкофашистских войск на территорию города Сталинграда, рекомендую срочно осуществить меры:

1. Всячески ускорить переправу эвакуированного из более западной местности населения, которое нельзя трудоустроить в городе, на правый берег.

2. Увеличить количество противопожарных команд из незанятой на заводах молодежи, подростков.

3. Перевести курсантов танкового училища на территорию СТЗ и Судоверфи.

4. Отобрать беженцев на предмет призыва медперсонала (в том числе ветеринарного), трактористов и водителей (в том числе недоученных, без учета пола и возраста), рабочих механических и металлургических производств.

5. Перенаправить поток остальных беженцев из черты города на север (Дубовский, Балыклейский районы) и юг (Светлоярский район) без переправы через Волгу.

6. Сформировать ополчения из жителей, не занятых на военных заводах и производстве продуктов (хлебозаводы, например), и беженцев, выдвинуть сформированные отряды на линию позиций 1077-й и 1078-й ЗенАПов.

7. Доукомплектовать дружинниками части 10-й стр. див. НКВД.

8. Обратит особое внимание на скорейшее прибытие 282-го стрелкового полка, передаваемого из 11-й див. в 10-ю.

9. Всемерно ускорить прохождение эшелонов с Судоверфи на СТЗ с целью передачи задела (бронекорпусов и башен).

10. На Судоверфи срочно передать с СТЗ запас двигателей от СТЗ-НАТИ для выпуска с ними Т-60 из имеющегося задела.

11. Добиться экстренной поставки на СТЗ двигателей М-17 из резерва ВВС (снятых по ресурсу и еще не прошедших ремонт и конвертацию в Ярославле) для установки на Т-34, после переделки в М-17Т силами экспериментального цеха СТЗ.

Начальник Особого отдела Сталинградского фронта, старший майор ГБ Селивановский Н. Н.

(Приписано карандашом: *Дело на контроле у Самого. Отнестись предельно серьезно!*)

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Морской волк». Карское море, 21 августа 1942 года

– Зря вы так, Михаил Петрович, – говорит Большаков. – Зачем вам о всякую погань руки марать? Сказали бы Юрке – он бы ему с одного удара инвалидность сделал, до конца дней. Если уж он разведке живым нужен, так языком чесать и в коляске можно, как Островский роман свой писал.

– Узко мыслите, Андрей Витальевич! – вставил слово старший майор. – Не в одном допросе дело! Вытрясут его, конечно, что он знает и не знает – а после что, как вы думаете?

– В лагерь пленных, мы ж гуманисты, – говорю. – Будет наш паек жрать вдали от фронта. А после победы и репатриации служить пойдет в какое-нибудь бундесмарине, готовясь наших топить. Да, и еще мемуары напишет, выливая на нас самый грязный бред. Нам это надо?

– Я в центральный аппарат в тридцать девятом пришел, при Лаврентии Палыче. До того погранцом был, Север, затем Дальний Восток. С разным народом дело иметь приходилось. И много чего узнать. Есть вот у китайцев мудрец такой, Сунь-Цзы – так учил он, что любой человек и любая вещь использованы могут быть с толком; понять лишь надо, как именно. В ваше время о нем знали?

Вот это сюр! Гэбэшник из тридцатых учит людей двадцать первого века восточной философии? Недооценивали мы предков, ей-богу!

– И как вы намерены использовать этот материал?

– Прежде всего, отметим, что здесь, в вашей ветке истории, как вы говорите, он ничего не совершил.

Ага. Так и вспоминаю при этих словах сцену в телящике из моих времен. Кого-то, руки за спину, пихают в «воронок», женский крик «убийца!», и толстый мент с назидательно поднятым пальцем – «преступником человека назвать может только суд».

– ...не нанес нам абсолютно никакого вреда, а значит, наказывать его не за что. С другой стороны, мы знаем его моральные качества. Подтверждаемые, кстати, моими личными наблюдениями и, что любопытно, словами второго спасшегося, его же вахтенного офицера. Трус, дурак, полный ноль как командир. В вашей истории он, кажется, так и не потопит никого до самой своей гибели через год? А теперь вопрос к вам, Михаил Петрович и Андрей Витальевич, – вот вы сказали, после войны он будет служить в их военноморском флоте. И что лучше для нас – если у нашего вероятного противника офицерами, а то и адмиралами, примерами для подражания, воспитателями нового поколения, будут настоящие люди или такие, как этот?

– Секретность. Он нас видел. Ему тоже – подписку о неразглашении?

– Положим, сидеть ему не до сорок пятого, а полные десять лет. По статье «уничтожение социалистической собственности в крупных размерах»²⁶. В лагере – не военнопленных, а с уголовными. Судя по тому, как он довел всего за пару дней экипаж Щ-422 – там его «опустят» в первую же неделю. А если и нет – в оперчасти шепнут что надо и кому надо. Рассказать, что это такое и как он проживет эти десять лет? Многие и в первый год вешаются. Через десятилетие этот секрет уже можно будет списать в архивы – когда у нас уже будет флот таких лодок, как «Волк». А если еще не будет – невелика трудность, прибавить еще лет пять-восемь срока «по открывшимся обстоятельствам». Это вас устроит? Нас – вполне. Да, кстати, передайте вашему связисту. Пусть отправит на этой вот волне, здесь записано – сообщение: «Штурм. Сталинград-23».

– Могу полюбопытствовать, что оно означает?

– Можете, Михаил Петрович. «Штурм» – это значит, мое предположение, высказанное товарищу наркомму, полностью подтвердилось. «Сталинград-23» – это значит отработать действия по описанному вами сценарию 23-го числа, прорыв немцев к Сталинграду и попытка штурма с ходу. Что можем, что успеем. Сильно изменить обстоятельства вряд ли удастся – но если даже потери будут у нас меньше, а у фрицев побольше, и то дело...

Из предисловия к роману А. И. Солженицына «В круге ледяном». 1952 год (Альтернативная история)

Я не могу молчать!

Человек может перенести голод и войну. Но когда ему указывают, что писать и о чем думать – это абсолютно недопустимо. В военное лихолетье я встречался с людьми, подлинно

²⁶ В РИ это присудили Хартманну за «триста наших сбитых».

свободными духом. Сейчас же, в сытое время славословий и побед, я все больше чувствую железную хватку Старших Братьев.

Это началось десять лет назад. Сначала мне показалось, что мои письма, в которых я обсуждал историю и будущее России, а также записывал первые наброски моих книг, подвергались перлюстрации, за моими друзьями ведется слежка, а в окружении моем и моих друзей стали появляться подозрительные лица, похожие на агентов из органов. Затем меня начали приглашать на «беседы», где вежливые люди в штатском, разложив передо мной листки моих произведений, которые я не показывал никому, пытались диктовать мне, что надо убрать, что усилить-углубить, какие темы в данный момент актуальны, а коих ни в коем случае касаться нельзя. Они говорили – считайте наши пожелания лишь дружеской критикой старшего брата, но настоятельно советуем их учесть!

И если я, простой советский гражданин, тогда ничем не примечательный и никому не известный, вызывал такое внимание, то какая же контролирующая мощь была направлена на весь двухсотмиллионный советский народ? Наши писатели, художники, сценаристы – кто выбирал темы и давал одобрение их творчеству вместо таланта, единственного справедливого судьи? Люди на улице – тысячи и миллионы – кто выбрал за них профессию, место жительства и работы? Говорю так потому, что подобные намеки неоднократно получал я, один из них, такой же, как все!

Самое страшное, что никто этого не видит или не хочет видеть, опасаясь репрессий, или не видят в том зла, считая самым собой разумеющимся. Все мои знакомые и даже лучшие друзья, с которыми я заводил разговор об этом, или удивлялись, отрицая, или, достаточно редко, признавались в малой части того, что было со мной. И было невыносимо видеть, как те, кого я считал своими друзьями, с самым честным видом лгут мне в глаза – а я знал, что они лгут, ибо не мог член правления Союза писателей вызывать меньший интерес, чем я, не издавший пока ничего. Но еще страшнее было то, что все без исключения слушались своих Старших Братьев. Их указания, завершающие каждую беседу с ними, не говорить никому ничего, все до единого – все отрицали! Но я-то точно знал, что Старшие – есть!

Я пережил предательство друга, который в ответ на откровенную беседу упрятал меня в сумасшедший дом, и врачей – которые, очевидно повинуясь приказу, целых полгода лечили меня от несуществующей «мании преследования». Но я горжусь, что ни разу не поддался ни на посулы, ни на угрозы. Я живу в деревне, в доме без всяких удобств, работаю в школе учителем математики, за малую зарплату – отклонив «архивыгодное» предложение работать расчетчиком в одной из бесчисленных оружейноделательных контор. Я, сражавшийся на фронте Отечественной войны, страстно желаю поражения своей страны в войне следующей – ибо не хочу, чтобы эта бесчеловечная система завоевала весь мир, или даже хоть еще одну соседнюю страну. Это я, смеясь, сказал в лицо своим Братьям при очередной встрече.

Тогда меня наконец арестовали. И я воспринял это с облегчением. Ибо открытый, видимый враг все же не так страшен, как невидимый. Меня отвезли в лагерь на Колыме – причем, как мне показалось, Старшие не оставили надежду меня сломать; я – признавший над собой власть Системы, был для нее более желанен, чем умерший несломленным; меня не били, не пытали, не морили голодом – но оттого это было еще страшнее и ненавистнее.

Из всех несчастных заключенных мне больше всего запомнился один. В виде его уже не осталось ничего человеческого от постоянных унижений и охраны, и своих товарищей по несчастью; однажды я видел, как его заставляли ходить на четвереньках, в другой день – лаять перед всеми по-собачьи. У него не было имени – лишь песья кличка, Шарик. Когда я пытался с ним заговорить, он вжался в стену, глядя на меня с животным ужасом и ожидая, что я сделаю с ним что-то нехорошее. Мне сказали, что он не понимает русских слов, кроме общеизвестных команд, и почти не говорит сам, фашист проклятый, только на своем собачьем языке!

Я заговорил с ним по-немецки – и он понял! Он действительно оказался немцем, хотя уже несколько лет как кончилась война! Нашей злосчастной победой, позволившей Системе выплеснуть свою заразу в прежде мирную, цивилизованную Европу. Германская оккупация и связанные с ней эксцессы были кратковременным явлением – теперь же, боюсь, несвобода придет надолго!

Я люблю свою Родину, когда она страдает. Тогда в ней проглядывают лучшие, святые черты. Я ненавижу ее, когда она упивается победой, позволяющей законсервировать все затхлое, косное, несвободное. Пусть этот несчастный немец стрелял в нас на честной войне – но теперь, когда наконец настал мир, он для меня прежде всего человек, имеющий такие же общечеловеческие права, как любой. И первое из них – это право на свободу, даже более значимое, чем право на жизнь.

Звали его Броддек или Бродде.

От Советского Информбюро, 24 августа 1942 года

В течение ночи наши войска вели бои с противником в районах юго-восточнее Клетская, северо-восточнее Котельниково, юго-восточнее Пятигорска и южнее Краснодара. На других участках фронта никаких изменений не произошло.

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Морской волк». Карское море

Это полный сюр – старший майор НКВД читает Солженицына на борту атомного подводного крейсера, посреди Карского моря, в тысяча девятьсот сорок втором году!

Освоился старший майор Кириллов у нас на удивление быстро. Причем интересовали его в первую очередь не технические новшества – а информация и люди. Он неизменно присутствовал на «накачках» Григорича личному составу, перезнакомился со всеми командирами БЧ, легко говорил и с мичманами, и со старшинами – и как-то незаметно стал в каюткомпании почти своим. Даже нашел общий язык с Пиночетом. Ну и конечно, уделил особое внимание Сан Санычевой библиотеке, а также всем книгам, оказавшимся на борту.

Войны, понятно, никто не отменял. Радиообмен шел интенсивный – со штабами флота, Беломорской флотилией, с Диксоном, Щ-422, и даже с К-22, которая, задержавшись с выходом, должна была лишь сегодня вечером присоединиться к нам. Но старший майор уверенно держал руку на пульсе – теперь наши уже знали все и были ко всему готовы, в отличие от той истории, когда все у нас пришло в судорожное движение лишь после гибели «Сибирякова». Никто не будет теперь метаться в поисках несуществующих рейдеров – состав и дислокация сил противника были известны точно. Тем более сил этих осталось... U-251, что болтается сейчас поплавок где-то на севере Карского моря – если наши о ней не вспомнят и не возьмут в плен, ох, не завидую фрицам! – и «Шеер», тщетно пытающийся сейчас пробиться сквозь льды. Что совершенно напрасно, поскольку наш караван, «Третий Арктический», уже прошел мыс Челюскина на сутки раньше, чем в нашей истории, и уходит все дальше. Кстати, у нас этот караван, чудом избежавший встречи с «Шеером», пройти сквозь ледяные поля не смог, вернулся, и суда его «капельными рейсами» шли позже в Исландию, причем кого-то утопили подлодки. Теперь, надеюсь, проскочат – сутки в северных морях – это очень много!

Двадцать третьего немцы должны были бомбить Сталинград. А немецкие танки едва не ворвутся в город, но будут встречены у Латошихи девчонками-зенитчицами, которые все погибнут, но задержат фашистов на несколько бесценных часов, позволив нашим организовать оборону. Двадцать четвертого будут бомбить Архангельск. Но Кириллов успел передать информацию – интересно, кто его адресат, неужели сам Лаврентий Палыч? – и, надеюсь, наши успели хоть что-то предпринять. Если и там, а не только у нас на Севере, дело идет лучше, чем в реале, – значит, история уже переводит стрелки с того пути на новый.

Оставшееся время товарищ старший майор заполнял чтением. И беседами с людьми, которые, несмотря на «партполитработу», все больше осознали, не абстрактно, а по-настоящему, что вместо РФ-2012, они по возвращении попадут в сталинский СССР. Естественно, разговор зашел о «зверствах кровавой гэбни», в доказательство которых Родик с «Региона» стал размахивать «Архипелагом», прихваченным с собой.

– Прочешь дай! – попросил Кириллов. – А то ты обвиняешь, а я ни сном ни духом, в чем... Что, в вашем времени это в школьной программе, как Лев Толстой? Так тем более интересно, что там о нас пишут. Ну и талмуд! Как кирпич. Это на сколько ж мы там назверствовали? К вечеру осилю – и отвечу. Лады?

Читал Кириллов на удивление быстро. На мой вопрос, как, он ответил нехотя – методика есть. Учили их, когда он в Москву с границы служить приехал, в тридцать девятом – объяснять долго, и подписка.

Ага, секретная! Три правила: не проговаривать, взгляд по странице не возвращать и расфокусировать, чтобы сразу несколько слов ухватить. Есть еще что-то, но эти главные. Система скорочтения супругов Бородиных была популярна в Питере в конце восьмидесятых – подлинное спасение для студентов и курсантов в ночь перед зачетом. Оно?

Кириллов лишь руками развел. Вы потомки – у вас прогресс!

Сразу скажу – лично я к Солженицыну равнодушен. В отличие от моего отца. Именно благодаря ему я впервые взял в руки его «шедевры», еще в Питере, в училище, в конце 80-х. Кстати, с самыми лучшими ожиданиями – да и официозная критика в те времена была скорее в плюс. «Иван Денисович», «Матренин двор», «В круге первом». «Архипелаг» я до самого конца не дочитал, а на «Красном колесе» споткнулся окончательно. Ну не мое это – категорически!

Причем виноват в этом, как ни странно, тоже мой батя, учивший, что хорошая книга должна обязательно делать мир лучше. Заставить что-то понять, повернуть под неожиданным углом. Именно это имел в виду еще Нобель, завещав, что премия по литературе имени его должна вручаться за лучшее ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЕ произведение – не путать с сусально-слащавым. Безвыходная чернуха же, «все плохо», «мы в полной ж...» имеет право на существование лишь в одном случае: «люди, проснитесь – хватит спать!», привлечь внимание к чему-то страшному, уже надвинувшемуся, ну, как Чапек в «Саламандрах». Тогда в этом ключе «Архипелаг» следует расценивать исключительно как призыв к свержению существующей власти! Перестройка, начавшаяся в тридцать седьмом, – и двадцать второе июня; на германо-японской границе все спокойно – дальше объяснять?

– Талантлив, местами очень даже неплохо, – сказал Кириллов, возвращая книгу, – что единственно в плюс. А в минус – все остальное. Оправдываться не буду, поскольку неблагодарное это дело – укажу на иное. Человек получил лагерный срок (справедливо или нет, вопрос другой). Но вышел, абсолютно не раскаявшись, уверенный, что ему ни за что сломали жизнь. И как он будет расплачиваться, мстить, если талант литературный у него, безусловно, есть? Верите, что он будет абсолютно беспристрастен?

Дальше – сидел он, судя по приведенной биографии, в Казахстане. Так откуда он про колымские лагеря знает? Ах, ему записки присылали? Так вы поверьте, нет ни одного сидельца, который бы не уверял, что тяжесть не по вине или вообще ни за что – ВСЕ так говорят! Кроме того, есть и такая вещь, как лагерный фольклор, которым матерые зеки новичков пугают: часть страшилок точно оттуда!

Ну например: «На Кемь-Ухтинском тракте близ местечка Кут в феврале 1929 года роту заключенных, около ста человек, за невыполнение нормы загнали на костер, и они заживо сгорели». Двадцать девятый? Это, выходит, через шестнадцать лет кто-то записал? Что до возражений – так я на вашем «компьютере» нашел, лучше и мне не выразить:

«...ведь любой лагпункт – это не только место, где зеки „тянут срок“, а еще и хозяйственная единица со своим планом работ. Лагпункт – это производственный объект, где зеки –

работники, а начальство – управляющие производством. И если где-то „горит план”, то лагерное начальство может иногда удлинить рабочий день зеков. Такое нарушение режима ГУЛага часто и случалось, в рот им пароход. Но чтобы своих работников уничтожать ротами – это дурь, за которую само начальство непременно было бы жестоко наказано. Вплоть до расстрела. Ведь в сталинские времена дисциплину спрашивали не только с рядовых каторжан, с начальства спрос был еще строже! Так что резолюция моя будет такая... Сука он позорная, ваш Солженицын. Больше мне нечего сказать».

– Автор цитаты – ваш, господа-товарищи. Из вашего, двадцать первого века. Что до солженицынского «патриотизма» – мол, я люблю Россию, но не люблю коммунизм – так, судя по вашей истории, вам вашей перестройки мало? Что выйдет в итоге – если вот так попробовать? И вы поверите в патриотизм человека, который прямо заявляет: «Я – друг Америки. США давно проявили себя как самая великодушная и самая щедрая страна в мире. Ход истории сам привел вас – сделал мировыми руководителями. Пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела».

М-да, крыть нечем. Даже Родик, чей «Архипелаг», молчит.

Вообще, чем больше беседую с товарищем старшим майором, тем больше убеждаюсь, что история наша в реальности была совсем не такая, как пишут. Причем в подтверждение Кириллов приводил не какие-то «секретные материалы» – а говорил о фактах в то время общеизвестных. Которые я, к своему стыду и удивлению, обнаруживал в Сан Санычевых материалах мелким шрифтом.

Вот Ленин помер – и Сталин тотчас же взял власть. Всех запугал, даже Надежду Крупскую – смотри, назначим Ильичу другую вдову! И стал править, убивая всех, кто в нем хоть чуть усомнился – Фрунзе, Кирова. Установил железную диктатуру – а кто хоть пискнет против, к стенке или на Колыму!

Ага, щас! Реальная история: Яков Охотников, герой гражданской, во время какого-то торжества вбежал на Мавзолей и врезал Сталину кулаком по затылку (после хвастался этим перед сослуживцами и уверял уже, что по морде). Или другой красный кавалерист и герой, комбриг Шмидт, на партийном съезде во всеуслышание бранил Сталина матерными словами, хватался за шашку и грозил «уши отрезать». Дело было в двадцатые – и оба «героя» не только не были расстреляны, их даже с должностей не сняли! (В тридцать седьмом обоих подмели, но это уже другая история.)

Понимать – отказываюсь! Есть вещи, которые первое лицо государства (без разницы – император, президент, генсек) ни при каких обстоятельствах не должно спускать своим генералам! Это ж не простые люди, у них вооруженная сила в подчинении – а если они, сговорившись, завтра из тебя сделают альенде в ла монете? Если б году в семьдесят пятом какой-нибудь маршал в Политбюро махал пистолетом и орал, что сейчас Ленку как собаку – где бы он назавтра был? Наверное, не расстреляли бы – но однозначно, или в спецпсихушку, или «в отставку по состоянию здоровья», или командовать дивизией на китайской границе без права приближаться к Москве ближе пары тысяч кмэ. Что это за абсолютный диктатор, которого свои же вояки не ставят ни во что?

А что, кстати, так взбесило товарищей краскомов? Четко обозначившаяся сталинская линия на социализм в одной стране, которую не кто иной, как Бухарин тогда же обозвал «социализм под елкой». Мировой революции – ек, не будет, «даешь Варшаву, даешь Берлин!» – до лучших времен. И причиной тому не только романтика революции и жажда подвигов, но и та реальность, что в мирное время армия значила гораздо меньше; а это включало в себя и банальное сокращение, упразднение, расформирование, понижение в чинах.

(Ох, представляю – что бы тогдашние герои-краскомы с Сердюковым сделали. Одними ушами точно не отделался бы!)

Причем из высшего генералитета однозначно на стороне Сталина был один лишь Фрунзе, имеющий помимо поста наркомвоенмора (по-современному министра обороны) еще и громадный авторитет и популярность в войсках, как маршал Жуков в сорок пятом. И снимать с доски такую свою фигуру... Нет, в шахматах, бывает, жертвуют и ферзя, но за форсированный мат в энное число ходов – чего не было, так как прямой и немедленной выгоды от смерти Фрунзе Сталин не получил. Хотя в шахматах есть и «позиционная» жертва за улучшение позиции – но лишь пешки, а никак не ферзя!

Киров? А кто первым крикнул о том, что это сделал Сталин? Оказывается, Троцкий, благополучно пребывая в Мексике. Который, кстати, будучи еще в России, на пленуме ЦК, опять же объявил во всеулышание, что он со своими сторонниками будет делать, когда захватит власть: расстреляет «эту тупую банду бюрократов, предавших революцию. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но не смеете. А мы посмеем».

«Эх, огурчики, помидорчики – Сталин Кирова пришил в коридорчике». Думаете, этот плод «народного творчества» созрел после, на кухнях, с оглядкой? Да нет – постарался Бухарин, «Коля Балаболкин». Что до Кирова – то он конкурентом Сталину не был, поскольку при всех своих качествах и заслугах за пределами Ленинграда был мало известен. Зато в Питере его влияние было абсолютным, а Ленинградская парторганизация была тогда крупнейшей в СССР, и она однозначно пошла бы за Миронычем. Что, кстати, было учтено в резолюции того самого съезда, действительно избравшего Кирова членом Политбюро ЦК, но «с оставлением на должности первого секретаря Ленинградского обкома»! То есть никаким ведущим партийным лидером Киров бы не стал, поскольку не должен был работать в Москве – а вот оппозиции его устранение было выгодно чрезвычайно.

Вообще, нравы тогда были – мама, не горюй! Женю Егорову (чьим именем названа улица в Питере), большевичку со стажем и сторонницу Сталина, на партийном собрании завода «Красный треугольник» избили так жестоко, «как даже жандармы не били». Старый большевик Смирнов (проспект имени Комиссара Смирнова в Питере тоже есть) открыто говорил знакомым: «Как это во всей стране не найдется того, кто решился бы его (Сталина) убить?» Мартемьян Рютин на очередной «тайной вечере» заявляет о необходимости «силой уничтожить клику Сталина и спасти дело коммунизма». Ну и куча тому подобных эпизодов.

И я лично этому верю, поскольку в курсантские свои годы застал еще конец 80-х в том же Питере – все эти «народные фронты», Казанку и сиделки на квартирах. Когда каждый знал лучше всех, как нам обустроить Россию – призывал к самым радикальным мерам, из которых самой мягкой было «сослать всю бюрократию на урановые рудники, пока они там не загнутся». Это было с нами, людьми из мирных и сытых восьмидесятых. Что же думали, говорили и готовы были совершить те, кто только что пережил мировую войну, революцию и гражданскую – люди, привыкшие решать все проблемы с помощью нагана? Который, кстати, тогда был в кармане у каждого второго, не считая каждых первых. Ясно, как!

«На ленинградской табачной фабрике собрались сторонники „линии Сталина“ под председательством С. А. Туровского. Ворвались оппозиционеры под командованием бывшего эсера Баранова, собрание разогнали, а Туровского избили рукояткой нагана».

Что-то не похоже на железную диктатуру, где вся оппозиция, которая пока на свободе, сидит тихо-тихо, как тараканы за плинтусом!

И ведь все за светлое будущее, за коммунизм. Вот только понимают его по-разному. И считают правильным убить того, кто понимает иначе, чтоб не мешал!

Да ведь и реальных врагов хватало! Настоящих вредителей, шпионов, диверсантов – меньше, конечно, чем туда приписали расстрелянного народа, может, даже намного меньше, но ведь они однозначно были! Потому что совсем недавно закончилась революция с гражданской, то есть смена власти с переделом собственности, и образовалась туева куча «бывших» – людей, потерявших все, или почти все. Плюс враждебное окружение превосходящих по силе

держав. Если в девяностые по России болтались толпы представителей всяких там «фондов» и «некоммерческих организаций», получавших зарплату в ЦРУ, а через границу целыми бандами набегали нанятые америкосами боевики, то что же творилось в двадцатые-тридцатые?

А затем пришел лесник – и разогнал всех. Здравствуй, тридцать седьмой!

Причем лекарство оказалось еще хуже болезни. Процесс пошел неуправляемо – помня, опять же, восьмидесятые, могу поверить, что ко всяким разговорам, а то и составлениям планов, созданием всяких «союзов» и «фронтов» оказались причастны очень многие. Плюс – банальный оговор, зависть, меркантилизм. Плюс – «палочная система», так знакомая нашим ментам. Плюс – очень может быть, реальные дела в нашей армии.

Как раз в то время: «Гренада, Гренада моя!», – бои под Мадридом, строки Хемингуэя, отвага интербригад. И тупой тиран Сталин, по возвращении пустивший под нож наших героев той войны, летчиков, танкистов, моряков, уже закаленных в огне. А также Михаила Кольцова, в «шпионаж» которого можно поверить разве что в белой горячке.

А что вообще Испания тогдашняя собой представляла помимо революционной романтики? Поближе взглянем – да тут жарче, чем в аду! Жуткий котел смуты, непрерывно кипящий еще с тридцать первого. Основных политических партий целых восемь. Причем монархических две – каждая со своим кандидатом, друг друга ненавидят круче, чем буржуазия и пролетариат. Еще сепаратисты в Каталонии и у басков и куча партий поменьше. Две партии буржуазных, которых циники именуют бандами, также люто воюют друг с другом. Только до тридцать шестого 269 громких политических убийств – а сколько было «не громких»! – и 1287 попыток таковых же.

Самая массовая партия – анархисты. Лучшие друзья второй по массовости – троцкистов, и этим все сказано. Сколько в СССР тогда полагалось за троцкизм? Десять лет без права переписки? Коммунистов мало, всего-то тридцать тысяч. Но у них железная организация и дисциплина, и потому они играют роль, соизмеримую с двухмиллионными анархистами.

А бардак вообще страшный. Так называемый Народный фронт это вообще черт-те что, никто никому не доверяет, все угрожают друг другу оружием, баски и каталонцы согласны воевать лишь у себя дома; принять хоть какое-то общее решение – это такой геморрой с демократией и обсуждением в газетах! Где сегодня наступать будем – за, против, воздержались? А враг тоже газеты читает, благо и язык тот же. Дальше объяснять?

И каким местом надо было думать, чтобы до победы орать о будущей коллективизации? Вкупе с разрушением церквей – как это должны воспринимать крестьяне? Ясно как – вот вам и армия Франко (кстати, ее элита, «марокканцы», это полный аналог наших «афганцев» – не арабы, а колониальные войска, из испанцев же, ведшие против тех же арабов уже десятилетнюю войну), поначалу весьма малочисленная, разбухает как на дрожжах, и свои бегут туда же или массово дезертируют по домам, и в спину стреляют всюду.

А уж терпимость – прям как при дерьмократии. Поймали кого-то в работе на врага – пальчиком погрозили, и служи дальше на том же посту, лишь не попадайся больше. Блин!

Самое смешное, что будь во главе коммунисты – быть бы Испании социалистической страной! Они бы и железный порядок с дисциплиной навели, как в нашу Гражданскую. И свои же лозунги подальше упрятали в интересах дела, как у нас и «Декрет о земле», и нэп; после победы – ну, будем посмотреть, быть колхозам и церквям? А уж с врагами – до ближайшей стенки! Но был всего лишь Народный фронт.

А вот революционная романтика – была. И разговоры – «Эй, руссо компаньеро, вот дело настоящее, мировой пожар. Когда вы у себя перестанете отсиживаться? Да плюньте вы на вашего слишком осторожного вождя. Если он иначе думает, значит, предатель дела мировой революции, которого в расход, ну а мы поможем!» Романтики и велись – вроде Кольцова. Эх, Гренада, ты, Гренада!

Еще – флота не было. Заточенность на «малой войне» вблизи своих берегов привела к тому, что нечем было нашим сопровождать конвои, обеспечивать бесперебойные поставки оружия и всего прочего дружественному нам режиму. Так было позже, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, но вот в Испании – нет. Ну не тянули крейсера типа «Красный Крым» против «Канариаса» или «Фиуме», тяжелых восьмидюймовых! Нужен все ж России дальний, океанский флот!

– При мне, в тридцать восьмом, командующего ТОФа расстреляли, – рассказывал Кириллов. – Там, конечно, разговоры были всякие, но главная причина – злостное пренебрежение своими обязанностями. Вот вы, Михаил Петрович, как моряк, понять должны. Главной ударной силой флота всерьез считаются торпедные катера, которые едва для Финского залива годны, а в океане их заливает²⁷, и три десятка подлодок «малюток», едва подходящие для ближнего базового дозора; да, были еще два эсминца-«новика». И это против японского флота, где одних современных линкоров восемь, а еще тяжелых крейсеров полтора десятка, эсминцев и подлодок сотнями – и бои на Хасане. Всерьез тогда опасались десанта в Приморье, а уж север Сахалина удержать не надеялись. Понятно, что промышленность многого дать не могла. Но какого... ты, комфлотом, молчал, тревогу не бил! Вот и расстреляли.

Да, суровое все ж время. Неужели анекдот про Жукова – это чистая правда? «Полковник, к вечеру взять этот город! Сделаешь – дам Героя, генерал-майора и дивизию. Не сделаешь – расстреляю».

– Однако простите, товарищи командиры. – Кириллов упорно называл нас по-старосоветски. – У меня связь с Диксоном сейчас. Проверить надо – готовы ли? Вдруг «Шеер» действительно туда пройдет?

Он встал и вышел из кают-компании. Все молчали.

– Ну что, товарищи, – сказал наконец Петрович, – поздравляю! Процесс пошел.

– Какой процесс? – не понял Родик, все еще держа в руках «Архипелаг».

– Нашего перехода на «темную сторону Силы» – с точки зрения истинного демократа. На службу, не только телом, но и душой – Красной империи зла.

– Но как же... – замялся Родик. – Формально мы не...

– А реально? – говорю уже я. – Сколько еще у нас продлится автономность? А после – топиться всем? Нет уж, придется нам гавань искать. И где?

– Деды наши при Сталине жили, – поддержал Сан Саньч, – и мы проживем, дай бог!

– Жить – это одно. Служить – другое.

– Слушай, мы все ж не гэбэшники, а бойцовые морские волчары. Натасканные, чтоб рвать врагов внешних. Которые у державы нашей, хоть империи, хоть дерьмократии, есть всегда. И эту работу надо кому-то делать. В любое время. Возражения, боец?

– Убедил же вас этот иезуит!

– Скорее уж жандарм из бывалых – читал, такими они и были.

После того дня за Кириловым как-то закрепилось прозвище «Жандарм». За глаза – но произносимое с уважением.

От Советского Информбюро, 25 августа 1942 года

На Северо-Западном фронте происходили бои местного значения. На ряде участков наши подразделения отразили атаки пехоты противника. Около населенного пункта В. советские бойцы ворвались в траншеи противника и вели рукопашные бои с гитлеровцами. Наши летчики сбили в воздушных боях 3 немецких самолета. Кроме того, огнем зенитной артиллерии сбито 5 немецких транспортных самолетов «Юнкерс-52».

²⁷ Ш-4 – первые наши ТК.

– Боевая тревога!

И нет больше на лодке отдельных людей со своими характерами, памятью и даже жизнью. Все – как одно целое, на своих постах, стали частями машины, Корабля. Нет людей – есть функции, которые должно выполнять. Даже если в отсек рвется вода или горит огонь – никто не может бросить пост и уйти без доклада и без приказа. Потому что иначе Корабль может погибнуть. И вместе с ним – все.

Автономке конец, путь на базу, домой.
Тихо лодку глубины качают.
Спит девятый отсек, спит девятый жилой,
Только вахтенный глаз не смыкает.

Что он думал-гадал? Может, дом вспоминал,
Мать, друзей или очи любимой?
Только запах чужой все мечты оборвал:
Из отсека повеяло дымом.

Сообщить бы куда – не уйти никуда,
И в центральном ведь люди, не боги.
Только пламя ревет, и сильней душу рвет
Перезвон аварийной тревоги.

Кто читал, отдыхал или вахту держал
По постам боевым разбежались,
А в девятом, кто встал, кто услышал сигнал,
За себя и за лодку сражались.

Ну а кто не успел, тот заснул навсегда,
Не почувствовав, что умирает,
Что за миг до конца им приснилось тогда,
Никогда и никто не узнает.

За живучесть борьба! Ставка – жизнь!
ИП забыт, Гидравлические рвутся трубы.
Смерти страх. К переборке восьмого открыт
Путь к огню! Дым и новые трупы!

Бьет струя ВПЛ, но огонь не поник,
Тщетно ищут спасенья в десятом...
Сквозь удары туда пробивается крик:
– Что ж вы держите?! Сволочи! Гады!
Отзывается сердце на каждый удар,

Рядом гибнут свои же ребята,
И открыть бы. Да нет, смерть войдет и сюда.
И седеют от криков в десятом. Тишина.
Нет страшнее такой тишины.
Смирно! Скиньте пилотки, живые.

Двадцать восемь парней, без вины, без войны
Жизнь отдали, чтоб жили другие.
Встаньте все, кто сейчас праздно пьет и поет,
Помолчите и выпейте стоя!
Наш подводный, ракетный, наш атомный флот
Салютует погибшим героям!!!²⁸

Вот только погибать, по справедливости, должны те, кто по ту сторону. Сколько их там, на «Шеере»? Тысяча сто пятьдесят – по штату. Те, кто в нашей истории расстреляли «Сибирякова». И пусть кто-то в светлом будущем брезгливо морщит нос – атомная подлодка с само-наводящимися торпедами против корабля давно прошедшей войны! Для нас эта война, куда мы попали, не прошедшая. И мы идем не меряться силами в честном бою – мы идем убивать. Для того, чтобы будущее было светлым, для того чтобы оно было вообще. Потому что в этом мире, как мы установили опытным путем, ничего не предрешиено. Не дай бог здесь Сталинград не устоит и немцы прорвутся! Наших там – никто не жалел. И мы никого жалеть не будем.

Нет, гуманность на войне тоже оружие. Если сдадутся – будут жить. «Шеер» в составе нашего флота это хорошо, но тысяча сто единиц рабсилы ценность не меньшая. Как удивился Кириллов, когда я спросил, на чем они собираются вывозить в Архангельск пленных.

– А зачем в Архангельск? Тут же рядом, по Енисею подняться до Дудинки, Норильсклаг! Туда везти и быстрее, и дешевле, хоть на речных баржах. Пусть кайлом помашут, чтоб ваш товарищ молодой не говорил про одних лишь «врагов народа».

Да, фрицы, это будет вам немногим лучше ледяной воды. Как там у Пикуля в «PQ-17», «американские моряки на плотках еще не знали, что впереди их ждет концлагерь, и очень скоро отозвавшиеся на переключке будут завидовать мертвым». Читал я Норильские дневники Сергея Снегова – а это не Солженицын с его сборником лагерных баек. Ох и не завидую же я колбасникам, сколько из них до победы доживет? Из попавших в плен девяноста двух тысяч вояк армии Паулюса домой вернулись пять! А тут похуже.

Зато стране нужен цинк и никель. Что все ж гуманнее, чем поведение союзников, после войны истребивших «пропавший миллион» немецких пленнх в своих лагерях голодом, болезнями, зверским обращением – просто так. Причем особенно лютовали битые французы – мстили, однако, за дранг нах Париж, вместо того чтобы Берлин взять в ответ, петухи драные. Интересно, кстати, на «Шеере» они есть? А то читал, что французские вояки и моряки очень даже охотно просились в гитлеровскую армию и флот. Ги Сайер, служивший в дивизии «Великая Германия», написал о том широко известные мемуары. Впрочем, мы политкорректны – утопим любого.

Ну куда ж ты к зюйду прешь, сцуко, так на мелководье уйдешь, придется тебя «пятьдесят третьими», а это не лечится, ты уже вроде как бы наша собственность, жалко. Нет, снова вправо изменяешь курс к весту. Ну да, ты район этот знаешь не совсем, боишься на мель сесть. Снова почти что нам в лоб, нет, все ж мы мористее, на глубине. В принципе, уже можно стрелять, по паспорту «малютки» на тридцати узлах, за десять миль достанут. Нет, торпеду жалко, ну нет у меня пока абсолютного доверия к «Пакету», так что подпустим, куда ты денешься, урод?

Акустики не подвели – взяли эту тварь устойчиво, за сорок миль. А то мы уже беспокоиться начали – остров Белуха давно прошли, где в нашей истории «Сибиряков» затонул. Утешало лишь то, что мыс Челюскин, по докладам уже накачанного бдеть поста, «Шеер» точно не проходил – а значит, избежать встречи с нами не мог никак. Вот только Диксон дальше, не

---

²⁸ Песня «Девятый отсек», автор Владимир Ветчинников.

дай бог заштормит. Ну да, он же у нас гнался за караваном сквозь льды, а здесь дольше не мог обнаружить, что удаляются, радиомолчание у наших, больше ждал – но тогда и был ближе, так что по-всякому могло выпасть – вот и задержался на шесть часов. Ближе тебя подпустить – меньше буксировать придется? А после фрицы в шлюпках дружно драпанут на остров, где у нас кочегар Матвеев с «Сибирякова» робинзонил тридцать шесть дней. Наплевать и забыть – сами там передохнут с голода, но куда больше соблазн затопить корабль, когда они землю увидят, а это будет жаль.

«Сибиряков», кстати, тоже здесь. Ползет за нами в двадцати милях по тому же маршруту под охраной наконец подошедшей К-22. А вот «Щука» Видяева гораздо ближе, но и ей не угнаться за нами, даже на нашем малом ходу, без чрезмерной траты своих батарей (у нее десять узлов под водой предел, и то на пару часов). Ничего – она потребуется нам добывать подбитого, если все ж не сдадутся. По «сидячей утке» без хода не промажут. И наконец, еще позади «Сибирякова» следует «Дежнев», по официальной версии, озвученной капитанам, для его охраны, а на самом деле трофеей буксировать.

Да, есть еще все так и болтающаяся где-то севернее U-251. А на помощь ей спешит U-255, уже вошла в Карское и даже обстреляла нашу метеостанцию на мысе Желания, все как в нашей истории, сцуко! Но вмешаться она уже никак не успеет, далеко. А вот мы, разобравшись с «Шеером», займемся этой парочкой всерьез – и хрен они уйдут!

Сгодятся, кстати, и самолеты, пусть это в большинстве древние МБР-2, которые в этой истории заблаговременно перебросили на аэродромы Амдермы и того же Диксона. Хотя бы, чтоб в конце найти все ту же 251-ю, которая, вспомнив про радиомолчание, выходит на связь два-три раза в сутки. Ну и, конечно, обследовать район на предмет неучтенных, которые появятся, когда фрицы поймут, что произошло, и попробуют отбить трофей.

Ну вот, уже пора! Как на полигоне – да, это не в Атлантике подкрадываться к американской АУГ – не окружает цель кольцо эсминцев и фрегатов, нет ни патрульных вертолетов, ни самого страшного врага, таящейся в глубине атомарины-охотника. Цель на мушке – и нас не видит. Но это уже проблемы врага. Как говорил мой друг, если на вас лезет гопота с ножами, а у вас в кармане пистолет, то это проблемы исключительно гопоты! (Друг был чином в правоохранительных, и вопрос «превышения чего-то» его тоже не касался.) Так что наши самонаводящиеся торпеды были проблемой исключительно гопоты европейской, которая вообразила себя юберменьшами. Что исправляется лишь битием. И чем качественнее – тем лучше.

«Пакету» – пуск двумя!

Идет отсчет времени.

– Цель поворачивает вправо, увеличивает ход!

Засек все ж торпеды, когда они уже почти дошли. Хороший акустик у тебя. Теоретически полуциркуляция с выходом на контркурс к своему прежнему, максимальный ход у тебя двадцать восемь, у «малюток» тридцать, был бы шанс оторваться до исчерпания их дальности хода – но поздно, ни маневр завершить, ни разогнаться не успеешь. «Малютки» засечь труднее, да и сигнал от них другой. И сам ты на двадцати восьми хрен что услышишь, да еще с твоими сверхшумными дизелями. Но и нам не мешает подстраховаться.

– БЧ-5 ход, восемьдесят от полного! ГАС активное, уточнить дистанцию, сканировать дно!

Если даже оторвется, будем бить накоротке, на первом режиме – противоторпедном. От пятидесяти узлов не уйдешь. Только сблизиться придется, на милую, не больше. И не хватало еще на скорости врезаться в дно. Хотя здесь по карте – больше ста. Это ты маху дал, отрываться в сторону глубин, повернул бы влево, к берегу, у нас были бы проблемы. Но ты ведь тоже боишься сунуться на неучтенную мель?

Кириллов за моей спиной заинтересованно смотрит на тактический планшет, где компьютер отображает положение, курс и скорость – наши и цели. То, чем на лодках времен войны

занимался штурман – вручную, на бумаге, ведя прокладку по пеленгам или короткому наблюдению в перископ.

Время хода «малюток» близится к предельному. Неужели увернулся?

– Пеленг цели совпал. Попадание, взрыв! Еще попадание, взрыв! Шум винтов цели прекратился.

Ну еще бы, теперь, наверное, и винтов-то у нее уже нет! И нам некуда спешить.

– БЧ-5, ход двадцать от полной.

Медленно приближаемся. Радиолокация, гидролокация – но опытный командирский глаз в некоторых случаях ничем не заменить. И если в начале похода мы атаковали из-под перископа, как подводники Отечественной, исключительно из-за отсутствия акустических «портретов» – невозможности определить, кто конкретно скрывается за безликим сигналом с ГАС, – то теперь нам надо было оценить степень поражения цели. Акустики докладывают – винтов не слышно, хотя есть работа дизелей на холостом. В перископ видно, что вроде бы «Шеер» сел на корму, но немного. Снова доклад акустика, совсем некстати – Щ-422 вызывает нас по звукоподводной. Ну да, она же у нас на левой раковине, им видно хуже, и оптика у них слабее. Нам теперь ГАС на них фокусировать и передавать заранее обусловленным кодом – четыре, четыре, четыре. Что значило: обе наши торпеды попали куда надо – то есть первая часть прошла успешно, переходим ко второй. «Шеер» обездвижен, надо теперь заставить его сдаться.

А он стреляет! Куда-то в сторону, где ни нас, ни «Шуки» нет. Акустики докладывают – разрывы, по пеленгу... Чревато ему, конечно, течь усугубить от сотрясения корпуса при стрельбе, но что ему еще остается, если лодка где-то рядом, сейчас торпеду в борт – и все? По обнаруженному перископу фугасным с замедлением, чтоб рванул уже под водой – если близко, лодке мало не покажется. Что там ему сигнальщики доложили? Вот только найти нас – хрен вам! Карское море студеное, и суровее Баренцева. Тут плавающий лед даже сейчас, в разгар полярного лета, причем как мелкие куски-однолетки с прошлой зимы, так и отколовшийся паковый, принесенный с севера, этот обычно торосистый, и ветер всегда разводит волну, штить бывает раз-два за все лето. Короче, увидеть за всем этим перископ в трех милях – проще иглу в сене разглядеть. Еще раз стреляет – ну, блин! Он же ценный боезапас изводит, где мы снаряды к его пушкам пополнять будем? Надо вздумлять.

Поднимаем антенну. Первое сообщение – «Сибирякову», пусть пока держится подальше. Второе – К-22, а вот она нужна будет здесь. Наконец, третье «Шееру», заготовленное заранее – причем на его волне, с его позывными и правильным шифром.

Сначала предполагалось послание, самого обычного в таком случае содержания – командиру крейсера такому-то, требуем сдать ваш корабль, во избежание бессмысленного кровопролития, в противном случае вы будете потоплены – и так далее. Идея возникла совершенно случайно, когда Кириллов рассказывал о предположениях насчет нас в штабе флота.

– Группа немецких антифашистов захватила одну или несколько подлодок? – переспросил Три Эс. – А что, комитет «Свободная Германия» уже создали? А, Сан Саныч?

– Создали, кажется, еще в сорок первом, – буркнул Саныч, чиркая что-то на листе бумаги. – Не мешай! Я немцам ультиматум составляю! Сидорчук потом переведет.

– А что, если...

Мы все дружно взглянули друг на друга. Кириллов, как мне показалось, даже с мелькнувшим восхищением.

– Бред полный, – сказал Петрович, – хотя... Вот у нас на «Шуке» целый командир одной из лодок сидит. Но все равно – белыми нитками. Чуть копнут, и...

– Когда копнут, – заметил Сан Саныч. – Черт, а может и проскочить! В форс-мажоре, в первый момент.

– А второго и не будет, – вставил Григорич. – Когда фрицев пленных уже в трюмы? Да ради бога! Вот только как? Нет, не пройдет – по почерку узнают!

– Эт вряд ли! – ответил Саныч. – Конкретно эти лодки и «Шеер» между собой раньше не взаимодействовали. Так что не думаю, что «почерк» их радистов на «Шеере» на слуху. А если они с машинки передают, а не ключом – так тем более!

– Короче, что теряем? – подвел итог я. – Но если выйдет, фрицы рожей в такое гуано! А уж что после гестаповцы их морячкам учинят, ну так не у нас же одних тридцать седьмой! А также семьям якобы предателей, что вряд ли поднимет моральный климат в их тылу!

– Bravo! – завершил Кириллов. – Вам, Михаил Петрович, в нашем ведомстве бы работать. Только можно одно маленькое дополнение? Советовал бы не U-209, а U-601. Вы же этого Броду к аппарату все равно не подзовете? А одна «взбесившаяся» лодка у немцев уже есть, тут главное, что прошла уже игра от ее имени, и немцы вроде поверили. По ошибке – что ж, пусть теперь окажется, что это была не ошибка. Назначим предателем не Генриха Броду, а Петера Грау – какая разница? Возражения?

Возражений не было. И теперь командир «Адмирала Шеера», капитан цур зее Меендсен-Большкен, сам не веря своим глазам, читал:

«От лица командира и экипажа U-601 заявляем о переходе на сторону „Свободной Германии“, так как убеждены, что безмозглый ефрейтор приведет к краху нас всех. Категорическое условие, поставленное мне русскими – или сдача им вашего корабля с минимальными повреждениями, или уничтожение его со всем экипажем. Оцените меткость нашей стрельбы – не желая бессмысленной гибели соотечественников, мы хотим предоставить вам возможность сохранить жизнь хотя бы в русском плену. Вам надлежит немедленно спустить флаг, в знак того, что мои условия приняты, развернуть все орудия на ноль, и как можно скорее оставить корабль в шлюпках, без оружия. Гребите на зюйд – не позднее чем через два часа встретите русский транспорт, который возьмет вас на борт. В противном случае я вас потоплю, а затем расстреляю шлюпки и никого не буду спасать. Это же наказание последует, если корабль потопит до того, как вас возьмут на борт. Если же корабль не будет доставлен благополучно до ближайшего русского порта Диксон – то вас расстреляют. Помните, что корабль – это билет на жизнь вам всем. Жду вашего ответа полчаса, затем вы будете торпедированы. Петер Грау, командир подводной лодки U-601 комитета «Свободная Германия».

Сначала хотели вставить сюда обращения из нашего «письма моряков немецкому султану». Остановило лишь то, что немецкие ругательства столь же разнообразны, как наши – и столь же непередаваемы. А «ругается как матрос» – вообще немецкая идиома. При любой неточности поймут, что не немец писал – и вся игра насмарку. Так что будем корректны.

Из мемуаров Меендсена-Большкена «Схватка среди суровых льдов». Издание Нью-Йорк, 1962 год

Первым моим чувством был гнев. Эти мерзавцы мало того что переметнулись к врагу в разгар сражения, когда Германия напрягает все свои силы, они еще и стреляли в своих боевых товарищей, чтобы заслужить снисхождение русских! Проклятые славяне, не могущие сражаться и побеждать честно, а лишь с исконно византийским коварством, что они наобещали этим ублюдкам, что те забыли присягу и долг?

Наскоро спущенные водолазы доложили, что наше положение безнадежно. Левый винт и перо руля полностью снесло взрывом, у правого винта утеряны все лопасти, кроме одной, и, похоже, погнут вал. Ход дать невозможно. Даже не будь рядом подводной лодки, у нас не было бы шансов; согласно лоции Карского моря, здесь нет течений, которые могли бы вынести нас на запад вместе с дрейфом льдов, как русский пароход «Седов» в 1940 году; мы были бы обречены болтаться по волнам, пока нас не затопит штормом, не раздавит льдом, или же нас не убьют голод и холод, когда кончатся запасы на борту.

Под моим началом было больше тысячи человек. Сыны Германии, доверившиеся моему опыту. Я не оправдал этого доверия, но обязан был хотя бы спасти их жизни. Армия фюрера

стоит на Волге – скоро уже эта война закончится нашей победой и капитуляцией русских, и тогда мы вернемся домой. Я готов был предстать по возвращении перед справедливым судом, но моя совесть была бы чиста, потому что я сохранил для Германии тысячу молодых жизней.

Мой старший помощник предложил план – части команды, а именно артиллеристам, тайно остаться на корабле, и когда лодка предателей всплывет, расстрелять ее в упор. План был отвергнут из-за своей очевидности. Именно так действовали суда-ловушки еще в ту войну, это знает каждый грамотный подводник. Именно поэтому предатели попросили у русских транспорт – сами они не всплывут.

Решили захватить этот транспорт. Для того в шлюпки была тайно снесена часть оружия, к сожалению, в большинстве не винтовки, а МР-40, как оказалось впоследствии, совершенно бесполезные.

Поскольку предатели не догадались запретить нам это, мы стали готовить к старту самолет – для эвакуации секретных документов. Больно было видеть, как спускают флаг, также бережно уложенный вместе с почтой. лейтенант Фридрих Вайс занял место в кабине, один – вместо штурмана-стрелка, был взят дополнительный запас бензина. По той же причине отказались от предложения подвесить к «Арадо» две пятидесятикилограммовые глубинные бомбы и после взлета провести противолодочный поиск – шанс найти лодку был невелик, а боезапас отнимал часть веса у драгоценного топлива. Гидроплан взлетел с катапульты, провожаемый нашими завистливыми взглядами – это был единственный человек из экипажа, на которого не ляжет позор.

Ровно в назначенный срок, ни минутой раньше, мы всем караваном шлюпок и спасательных плотов отошли от борта нашего «Адмирала Шеера». Славный корабль, наводивший ужас на британцев при смелом рейде в самое логово льва, пал жертвой подлого предательства! Утешало лишь то, что радиogramмы этих мерзавцев наверняка были приняты не только нами, но и в Норвегии – а значит, на родине станет известно, что не мы виноваты в сдаче корабля.

Мы успели отойти от корабля на милю, когда перед нами совсем близко из воды показалась рубка подводной лодки. Это не была U-601 «Грау», это была русская лодка. И только тогда мы поняли, что нас обманули.

Капитан-лейтенант Видяев Федор Алексеевич.

Подводная лодка Щ-422. Карское море, 25 августа 1942 года

Честно признаюсь – в реальность плана наших потомков я не верил. Сдать свой корабль противнику – какой командир, верный присяге, на это пойдет? В безвыходном положении надлежит уходить на дно, с поднятым флагом – погибаю, но не сдаюсь; уже сто лет не было иных примеров, – ну если не считать Цусимы, где продажные царские адмиралы сдали эскадру самураям за японское золото, как говорили нам в училище. Эти же немцы, после той войны, в Скапа-Флоу, под дулами пушек британских дредноутов, затопили весь свой флот, чтоб не достался англичанам – так отчего здесь они должны вести себя иначе? Потому я ожидал, что или фрицы отвергнут ультиматум, и нам придется их топить, или они покинут корабль в шлюпках, прежде открыв кингстоны – что ж, потеря врагом тяжелого крейсера – это тоже очень неплохой результат.

Однако же «Шеер» не стал тонуть, после того как шлюпки с плотами на буксире отошли от борта. Мы дали им отдалиться на достаточное расстояние, а затем всплыли примерно в кабельтове от шлюпок, так чтобы они оказались между нами и «Шеером» – на случай если на корабле кто-то остался у пушек, то, стреляя в нас, попадали бы по своим. Но орудийные башни крейсера остались неподвижны, а вот фрицы на шлюпках в ответ на наш приказ стоять и не двигаться, отданный в рупор по-немецки, открыли стрельбу из автоматов и винтовок, причем несколько шлюпок вырвались вперед, очевидно, пытаясь пойти на abordаж. Так как было волнение, шлюпки качало гораздо сильнее, чем лодку, отчего огонь немцев был неточен. Эта

попытка была пресечена выстрелами из наших сорокапятимиллиметровых пушек, две шлюпки были разбиты и потонули со всеми бывшими в них, после чего фрицы прекратили пальбу и стали махать белыми тряпками.

Мы тоже перестали стрелять и крикнули немцам, чтобы они выбросили все оружие в воду. Сейчас подойдет транспорт, беря их на борт, будем обыскивать, у кого найдем хоть нож или пистолет, самого выкинем в воду. Если же в шлюпке окажется оружие, неизвестно чье, то это будет с каждым десятым из бывших в ней. Фрицы подчинились – видно было, как они выбрасывают свои железки. После чего мы приказали явиться на лодку командиру и старпому. От сбившихся в кучу шлюпок отошла одна, к нам на палубу поднялись двое немцев в парадных мундирах с кортиками – один из них, представившийся как капитан цур зее фон Меедсен-Большкен, козырнул мне, пытаюсь сохранить лицо, и сам отдал свой кортик и пистолет. Затем он спросил у меня, обещаем ли мы сохранить жизнь экипажу, на что я ответил утвердительно. Тогда он попросил вернуть ему на минуту его пистолет с одним патроном.

– Раньше об этом надо было думать! – ответил я. – Если хочешь, прыгай за борт, вода холодная, проживешь минуты две-три, не больше – спасать не будем. Переведите ему!

После старший майор Кириллов бранил меня за этот жест – а если бы немец решился, и мы бы утратили важный источник информации? Но фриц, весь такой важный и холеный, с опаской глянул за борт, сказал что-то и замер, ожидая ответа.

– Говорит, немецкому офицеру так умирать не подобает. – Наш лейтенант Ермилов выполнял обязанности переводчика. – И напоминает нам о Гаагской конвенции, что-то там о военнопленных.

Вот сцук! Наслышаны уже, как они с нашими пленными – а как сами тут же поют о правах и конвенциях. Ну я тебе сейчас.

– Вы сами разорвали все конвенции своим зверским обращением с нашими пленными и мирным населением. То, что вы сейчас все живы, это исключительно моя добрая воля. В полученном мной приказе не было – обязательно оставить вас живыми. Марш на нос, и стой там тихо. Ермилов, переведи.

А куда мне еще девать этих двоих? В кубрике – те двое фрицев с лодки сидят. Тот, который командир, еще проболтается, что видел. Так что на палубе переждете, не сахарные!

Вдали «Шеер» болтается. Рядом с нами куча шлюпок с плотами, на волнах целая тысяча фрицев – однако же, ведут себя смирно. Мы в полной готовности, на всякий случай – расчеты у сорокапяток, стволы на немцев повернуты.

Уф, наконец-то! «Сибиряков» показался.

А ведь получилось!!!

Каچارава Анатолий Алексеевич, капитан парохода «Сибиряков». Карское море, 25 августа 1942 года

Слушай, ну и событие! Ну и рейс! И не только для нас. Когда после войны Диксон станет громадным городом и портом, построенным по «сталинскому плану преобразования Арктики», его жители будут, наверное, говорить – «до» и «после» этого дня.

Знаешь, Арктика – это пустыня, где очень мало людей и все друг другу известны. А суда ходят исключительно по графику. Если появляется кто-то неожиданный – то это уже случай из ряда вон! Значит, что-то где-то случилось, кому-то требуется помощь. Здесь все должны держаться за жизнь и друг за друга – иначе тут не выжить.

Видел я Нарьян-Мар на Печоре, так это перед Диксоном – столица. Русский, поморский Север, особенно если подняться до Котласа, уже лес, редкие деревни, где можно встретить рыбаков. Диксон тоже на реке стоит, и какой – Енисее; но здесь никогда не было людей, кроме редких оленеводов, летом пригоняющих стада. Порт и поселок встали здесь уже в советское время, для перевалки грузов с моря на реку и назад. Что везли – сюда «северный завоз», за

короткое лето забросить все, что нужно на зиму, ну а назад в основном лес, сплавленный по Енисею. Самый дальний порт Западного сектора. До мыса Челюскин, самой северной точки СССР, больше ничего нет, а за ней уже начинается сектор восточный.

Как началась война, еще летом сорок первого, у нас поставили береговые батареи – целых три. Одна – пара морских «стотридцаток» на капитальных основаниях, вторая – две сухопутные шестидюймовые гаубицы образца еще той войны, третья – по мелочи, трехдюймовки и сорокапукалки против немецкого десанта. Секреты, говорите, рассказываю – так весь Диксон давно знает, что, где и кто поименно на какой батарее служит.

Послушай, ну не было тут раньше войны! И что немцам здесь ловить – наши бревна? По ту сторону Новой Земли – так там море Баренцево, незамерзающее, там и подлодки немецкие встречались, и с эсминцами их наши перестреливались. А в Карском – лед девять месяцев стоит. Ну не было тут немцев, даже не слышали про них!

Других забот полно. Лето короткое – значит, нужно быстро успеть все развезти. А «Сибиряков» что-то вроде почтальона: по мелочи туда, сюда. Как было задумано и в этот рейс:

«Задание получили – принять на борт груз строительных материалов для доставки на мыс Молотова на острове Комсомолец (Северная Земля). Там планировалось построить новую полярную станцию. Мы должны были сначала подойти к самой северной точке Северной Земли, доставить туда четырех зимовщиков и все оборудование для строительства новой полярной станции – срубы двух домов, топливо и продовольствие. Если льды не позволят пробиться к намеченному месту, был второй вариант – высадить зимовщиков на остров Визе, что в северной части Карского моря. Для сборки домов «Сибиряков» мы везли бригаду сезонных рабочих-строителей – 12 человек. Затем маршрут лежал к острову Домашний – небольшому низменному островку вблизи западных берегов Северной Земли, и произвести там смену зимовщиков полярной станции. Для этого на борту судна находилось четыре человека нового состава станции. Последним пунктом захода был назначен мыс Оловянный, где нужно было высадить четырех зимовщиков».

Вот так: туда, сюда. А парадный ход у нас девять узлов, а расстояния большие, а лето короткое – успевай!

Восемнадцатого в Диксон пришли – грузимся. Как обычно все было – до вечера двадцать первого. Радиogramма какая-то пришла – и все забегали, как наскипидаренные, особенно начальство. На батареях учения, стволами крутят во все стороны. В чем дело – говорят, ожидается нападение немецкой эскадры. Фрицы отомстить хотят – за то, что наши морячки им в июле еще врезали хорошо – «Лютцов» утопили, «Кельн», еще кого-то. Теперь они «Тирпиц» посылают вместе с «Шеером» и «Хиппером», но на Полярный и Мурманск идти боятся, а потому ударят, где мы слабей. Телефонист рассказывал с батареи, с которым наш боцман в корешах; а телефонисту тому еще кто-то.

Лично меня эти слова успокоили. Попрется сюда «Тирпиц», как же, мы хоть и торговые, но что такое линкор, представляем – он же топлива одного сожжет больше, чем Диксон весь стоит. Опять у кого-то начальственный зуд, а кому-то – исполняй! Ну и ладно, нам все равно в рейс! Грузимся.

Двадцать второго снова радиogramма. Из радиocентра посыльный к начальству бегом – и все начинается по новой. На этот раз народ собрали, на взводы рассчитали, у кого какое оружие поинтересовались – у многих винтовки свои были – и давай муштровать, сначала пехота в атаке, в обороне, а затем окопы рыть, это в мерзлоте-то! На складе проволока колючая оказалась, для Норильсклага – реквизируют. По-прежнему никто ничего толком не знает – но все выглядят гораздо серьезнее, чем вчера. Кажется, это все-таки не начальственная придурь, в солдатики поиграть: что-то будет. Грузимся.

Двадцать третьего прилетели самолеты. Наши, гидро, шесть МБР-2. Еще пришло радио, что к нам идут подлодки – тоже наши. А вот немецких лодок в Карском море нет. Ситуация

накаляется. Скорей бы в море! Немцы с запада придут, от Карских Ворот – ну а мы к Северной Земле уходим, где нас сам черт не достанет и не найдет. Вернемся, когда тут все уже завершится.

Двадцать четвертого все наконец приняли на борт, готовы к выходу. И тут вызывает меня местный особист – а вы что думали, раз населенный пункт есть советский, значит, обязательно есть в нем и Те Кто Надо – но никакой беседы не проводит, а вручает секретный пакет, «вскрыть только в море». Я расписался, взял. И еще, говорит, этот вот товарищ с вами пойдет – не обсуждается! Да ради бога – разместим, только без удобств, вместе с сезонниками, итого сто одиннадцать человек у нас будет на борту!

Вышли. Собрались вместе с Вайнером (замкомиссара ледокольного отряда) и Элимелаксом (а это уже наш комиссар). Вскрыли, читаем. Ничего себе!!!

Оказывается, фашистский крейсер «Адмирал Шеер» уже в Карском море. Причем как раз в том районе, куда мы идем – у мыса Челюскин. И предположительно пойдет оттуда к Диксону – вот против кого готовились! Но зато здесь есть сразу три наших подлодки: К-25, К-22, Щ-422 – и они будут поблизости от нас. Вот сигналы для опознавания визуально, а также позывные и длина волны, причем их команды нам, особенно с К-25, обязательны к исполнению! А так идите как должны – да, вслед за вами «Дежнев» выходит, якобы тоже для нашей защиты. Это как СКР «Дежнев» нас от тяжелого крейсера защищать будет? Если только фашист по пути нашим лодкам не попадет.

А нам что делать? Возвращаться? Так черт знает, когда фашист домой уберется – а лето, каждый день на счету, если сейчас груз не успеем закинуть, значит, до следующего года. По карте прикинули – решили рискнуть. Вот до этой точки, вдоль берега, а затем сразу на север, к границе льдов. Авось проскочим.

Вызвали товарища, которого нам навязали, взяли в оборот. «Слушай, дорогой, нам твои секреты без надобности – но если ты знаешь что-то, что помочь может, скажи: ведь если «Шееру» попадемся, так мы для него на один зуб! Все на дно пойдем, и ты тоже – так что, если можешь, помоги!» А тот на нас: «Да вы что, не знаю я ничего, я вообще корреспондент «Правды Севера», в Диксоне в командировке, меня вдруг вчера в НКВД вызвали и сказали, что я с вами, без всяких объяснений. Причем показалось мне, что сами они не знают – а приказ получили свыше. Я думал, вы мне проясните!»

Наблюдателей выставили – бдят. Кочегары стараются, шуруют уголек – ясно, что чем быстрее проскочим, тем лучше. Самый опасный участок – ушли мы уже с мелководья, свернули на норд. Если сейчас крейсер на горизонте – то всё! Есть у нас пушки на борту, целых четыре, две трехдюймовых и две сорокапукалки, и военная команда при них, тридцать два человека, под командой лейтенанта Никифорова. Лодку всплывшую отгоним – а крейсеру лишь краску поцарапаем на броне, если вообще достанем. А вот немец просто расстреляет нас издали, как «Тумана», один-два крупнокалиберных «чемодана» от него прилетят, и нам конец! Одна лишь надежда – не может фашист хорошо море наше знать и во льдах чувствовать себя так же уверенно, как мы. Главное, до кромки льдов дойти – а там уже спокойнее будет и легче.

Накаркал. Доклад – корабль, пеленг двести шестьдесят, дистанция тридцать. Крейсер? Нет, лодка. Ну, с этим справимся – хотя говорилось, что фашистских лодок здесь нет, но все-таки боевая тревога. Ждем. Подходит, не погружаясь, сигналист. Наши!

С флотскими мы вообще сталкивались мало. И флот Северный, самый маленький, в пару-тройку дивизионов Балтфлота – и нечего было им делать в Арктике; вон только в тридцать пятом эсминцы по Севморпути перегоняли на Тихий океан. У нас своих дел полно – короче, отсигналиваем: «В чем дело?» Да ни в чем – просто следуйте курсом... А мы за вами. Имеем сведения, что в этом районе «Шеер».

Похоже, решили «на живца» поохотиться, а в роли живца мы! Запрашиваю Диксон, штаб Западного сектора. В ответ полное подтверждение, и категорически – приказ исполнять! Это

с каких пор флотские в нашу епархию лезут, да еще и командуют? Но против приказа не попрешь.

До полудня двадцать пятого все тихо. И вдруг впереди – явно звуки артиллерийской стрельбы, раза два, причем хорошим калибром! И нам радио – стой, жди. Чего ждать? Когда нас потопят?

И корреспондент этот всех донимает. Расспрашивает, записывает, фотографирует – аппарат у него «Лейка» или ФЭД, я в этом плохо разбираюсь. Любопытно ему все – слушай, дорогой, отстань, тут неизвестно еще, дойдем ли?

Снова радио – скорее сюда. Нужна помощь. А вот это уже серьезно. Пусть пока не SOS – но на северах все измениться может в минуту.

Честно скажу – если бы не флотские, бежали бы мы без оглядки. Вот же он – крейсер! Странно только, почему явно в дрейфе лежит. И лодка с нами рядом не погружается, а скорее бежит на фашиста! Приблизилась, глянули получше – ну, дела! Там еще одна лодка, наша, а перед ней... Это ж Арктика, здесь сто – это огромная толпа, а тут не меньше тысячи народа на шлюпках и плотках. Хорошо еще, волна слабая, а если заштормит? Тогда на открытом плотике выжить можно максимум сутки, потому что захлестываемый волнами, в мокром, замерзаешь почти как в самой воде. И что мне со всем этим делать?

Сигнал с подводной лодки – принять пленных на борт. Куда я их дену, такую ораву? У меня в трюмы влезут голов четыреста, и это если их как селедку пихать, груз же тоже не выбросить! На палубу еще – так они же нас передуют и захватят! Так и отвечаю.

– За вами идет «Дежнев». Примите сколько сможете.

Павловский, боцман наш, за голову схватился – они ж в трюмах все загадят, кому убирать?

Флотские по-умному распорядились – сначала нам их офицеров и унтеров брать. Чтобы, значит, толпу всю, без вожakov оставить. Они там чего-то в рупор проорали по-немецки – и пошли шлюпки к трапу нашему, по одной. Фрицы поодиночке поднимались, и под стволами в трюм. Закончили с верхушкой, стали всех брать, пару шлюпок боцман тоже успел оприходовать. Триста двадцать семь голов напихали – всё.

Как раз когда завершали, и «Дежнев» подошел. Сначала к нам, корреспондента забрал и двух немцев, одного из боцманской, второго из трюмных – чтобы, значит, помочь разобраться. После к крейсеру, призовую команду высадил, готовить к буксировке, а затем стал фрицев с плотиков брать. А мы – назад, в Диксон, под конвоем подлодки. После я узнал, что флотские фрицев предупредили – если вы пароход захватите, то потопим, и спасать будем лишь своих. Так что назад шли под прицелом, целые сутки. Сами, впрочем, тоже не зевали – вахту вооруженную выставили на палубе, трюмы закрыли. Фрицам хуже было. Чем бы мы их кормили? У нас продовольствие на борту, – это часть груза для зимовщиков, его потратить – значит, в Диксоне снова стоять грузиться? Да и гадить будут меньше. По бочке воды в каждый трюм спустили – и всё. Холодно – не околеете, небось!

Когда пришли, наконец – из первого трюма фрицы выползают едва, а кого-то и выносят. А вот во втором ржут, фашисты проклятые. Господи, у нас же там часть продовольствия была загружена – почти половину сожрали, а что не успели, так рассыпали, истоптали и даже обгадили, специально, чтоб испохабить! Павловский чуть не плачет, матерится! А что сделаешь?

Бегу в контору порта – так и так. Что с продуктами делать, это ж надо выгрузить и погрузить – время! И порченное куда деть – война, а мы на выброс, добро сгноили! Начальник тоже не в радости – ему оправдываться, акт составлять. Тут особист давешний появился – в чем дело? Всего лишь – ну, это поправимо. Мы тут головы ломали, чем пленных кормить, пока баржи за ними не придут – ну вот пусть сами свое г... и жрут, соскребнут как-нибудь, нельзя ж их вовсе не кормить, негуманно это – а лишнего продовольствия нет. Сейчас распоряжусь –

сколько тебе этих гавриков нужно, – пусть сами и грузят, тащат, а заодно и трюм вычистят, ведь принцип социализма – это кто не работает, тот не ест. Только смотрите, чтоб не отлынивали.

Одно лишь не по правде вышло. Пленных всех скопом на мыс загнали, колючкой отгородив. Так из толпы той, конвойные наши по головам вытаскивали – столько-то, вышли и марш! А переписали их всех по именам уже на берегу, и кто в каком трюме был – то неизвестно. А впрочем, фашисты проклятые – что их жалеть?

Этот же день. Москва, Кремль

– Лаврэнтій, ты увэрэн, что это надо? Лететь тебе самому?

– Нужно, товарищ Сталин! Кавказ – специфика своя. Я уверен, лучше ее пойму. Замечу то, что другие не увидят.

– Смотри, Лаврэнтій, особэнно нэ рискуй. Ты мнэ живым нужэн. Как только все наладится – сразу возвращайся. Если бы не нефть... Архиважнэйшэ дэло!

– Так, товарищ Сталин, потомки карту нам передали с месторождениями полезных ископаемых, все, что будет открыто на нашей территории до конца века. Согласно ей, нефть есть и в Поволжье, и под Тюменью – по их словам, даже больше, чем в Баку. Сибирь, положим, освоить сейчас сложно, а вот близ Волги это достижимо уже в следующем году.

– И ты мнэ нэ докладывал? Почэму?

– Так, товарищ Сталин, проверить же надо было! Например, они указывают, что у нас в Якутии алмазы, как в Южной Африке, а все светила геологии, у кого спрашивали, ответственно заявляли, что такого быть не может!

– Ответственнó, говоришь? Что ж, если алмазы там все-таки есть, ответят эти «светила» по строгости, коли сами напросились. Спэшить нэ будэм, но вот геологоразвэдку пошли, трата малая, не разоримся.

– Уже, товарищ Сталин! Я распорядился. А чтоб свои своих не покрывали, приказал людей на месте набрать. Из тех, кто невиновно осужден – ускорить пересмотр дел. Ну а если найдут...

– У тебя там что, и геологи в достаточном количестве? Это ты для дэла хорошо придумал, Лаврэнтій, они там носом зэмлю рыть будут! Что ж, подождем.

– И еще одна информация от потомков подтвердилась. Позавчера, двадцать третьего, как и указывалось, немцы пытались применить под Мгой тяжелые танки. Первые экземпляры тех, что массово пойдут в сорок третьем и под Курском доставят нам много бед. Следует отметить товарищей с Волховского – список прилагаю, – они к нашей информации отнеслись очень серьезно, хорошо подготовили и провели операцию. Благо местность позволяла – все там утыкали минами, замаскировали на прямой наводке батарею стодвадцатидвухмиллиметровых, подтянули гаубичный полк для контрбатарейной борьбы, даже пару КВ приготовили – буксировать. В итоге: три танка уничтожены, такой калибр на прямой их броня не держит, три танка эвакуировали, правда, в полной исправности только один, второй без башни, у третьего – вернее, у того, который первым шел, гусеница сбита на mine, и повреждения от арт-огня. Подробный доклад вот, а трофеи сейчас в Кубинку везут.

– Видишь, Лаврэнтій, потомки себя уже показали. Так что их информации – зеленый свет. Хотя... а передай-ка ты мне для подробного ознакомления все, что они тогда прислали. А уж я сам распоряжусь, чтобы быстрее. У тебя всё?

– Нет, товарищ Сталин. Сообщение из Карского моря – «Шеер» захвачен, экипаж снят и пленен, корабль ведут на буксире в Диксон, наши потомки его охраняют вместе с силами СФ. Кстати, они и там уже три немецкие субмарины утопили и одну вывели из строя. Болтается без винтов, как поплавок, ожидая, пока мы ее или в плен возьмем, или добьем.

– Так это просто отлично, Лаврэнтій! Сколько в истории бывало, когда боевой корабль в плэн? За такоэ – сразу Гэроя можно дать всэм отличившимся!

– Вот только с кем им на связь выходить, пока меня здесь не будет? Здесь, в Москве, о них знаю один я. Даже Серов не в курсе. В смысле, главной тайны не знает.

– И не надо. Передай Кириллову – если возникнет необходимость, пусть выходит прямо на «товарища Иванова».

Капитан-лейтенант Видяев Федор Алексеевич.

Подводная лодка Щ-422. Карское море, 26 августа 1942 года

Ну вот, как там Петр Великий повелел на медали выбить, когда они с Меншиковым на шлюпках два боевых корабля захватили? «Небываемое бывает»?

В общем, распахали по трюмам «Сибирякова» и «Дежнева» экипаж немецкого броненосца, он хоть и карманный, но все-таки линкор, 1100 человек на борту.

Было.

Теперь там боцманская команда с СКР.

«Сибиряков» под конвоем К-22 в Диксон убежал, а «Дежнев» эту лоханку неуправляемую подцепил, хоть и не с первого раза, и пыхтит, тянет потихоньку.

Потомки не показываются, только перископы да антенны из воды торчат.

Мы вокруг этого «каравана» бегаем.

На вторые сутки нас немецкая лодка пыталась атаковать. Акустики «Волка» обнаружили – нам передали, что идут наперехват. Через час возвращаются, радируют – утопили фашиста, U-255.

И вдруг еще через несколько часов потомки всплывают. Представляю, как с «Дежнева» смотрели. А нам команда флажками – подойти к К-25 и пришвартоваться.

Потомки застопорились, мы подошли – во второй-то раз уже легче. Прицепились, тут по штормтрапу ко мне Кириллов скатывается, уже умело лазит, быстро освоил: «Федор Алексеевич, отдайте распоряжение команде переодеться в парадное и через полчаса всех, свободных от вахты – на палубу «Морского волка». Будем новую боевую единицу в наш флот принимать. Ну а флаг у них будет тот, который Щ-422 предназначался. Поэтому вам, Федор Алексеевич, флаг этот и поднимать».

Ну, ради этого дела не только свободных от вахты, а просто всех, кого только можно, чтобы лодка не потопла, напряг.

Через полчаса начали мои орлы на борт «Морского волка» перебираться.

Смотрю – птиц двуглавый на рубке уже покрашен, а вместо него звезду нарисовали. Красную. А на ней, в центре, циферка такая скромная – «18».

Молодцы, потомки. Хоть у них и оружие – не нашему в пример, но восемнадцать кораблей за месяц? Летопись их вспоминаю, которую они нам читать давали – ну да, восемнадцать: две подлодки в Атлантике, минзаг «Ульм», три транспорта, «Лютцов», «Кельн», три эсминца, плавбаза – уже двенадцать? Плюс в Карском море – U-209, U-456, U-601, U-251 (эта, правда, еще не утопла и даже флаг не спустила, и по радио иногда орет, но хрен ее фрицы до дома доташат!), «Шеер» и теперь вот U-255.

Потомки тоже в парадном – непривычно, с погонами.

У офицеров – перчатки белые, кортики и бляхи ремней начищены, звезды на погонах сверкают.

У этого «Волка» за рубкой места – кажется, в футбол играть можно запросто. Вот и построились там друг напротив друга два экипажа.

Старший майор речь говорит:

«Товарищи, мы поднимаем на этом корабле боевой гвардейский флаг, который предназначался подлодке Щ-422. Вы своим боевым трудом заслужили это гвардейское звание. Вами уничтожено пять боевых кораблей противника, два вспомогательных, шесть подводных лодок,

три транспорта, обеспечен захват „Шеера”, выведена из строя еще одна подлодка. Спасибо вам за это. Капитан-лейтенант Видяев, поднять флаг».

Я флаг к тросику цепляю, а у самого руки дрожат.

Тут музыка заиграла.

Вроде знакомая, партийный гимн, а слова не те:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Великий, могучий Советский Союз...

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил²⁹.

И уже не только у меня слезы на глазах выступили.

Вот так и приняли К-25 в РККФ.

---

²⁹ «Гимн ВКБ(б)», 1938 год. Мелодия действительно была похожа на более поздний Гимн Советского Союза.

Часть вторая

От Советского Информбюро, 27 августа 1942 года

В районе северо-западнее Сталинграда наши войска вели напряженные бои с крупными силами противника. На одном участке немцы после артиллерийской подготовки и бомбежки с воздуха бросили в атаку значительную группу танков. Наши артиллеристы с открытых позиций расстреливали вражеские машины и вывели из строя 18 немецких танков. Нескольким танкам противника удалось прорваться в глубину нашей обороны, но они были там уничтожены гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью.

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Морской волк». Диксон.

Ну и деревня, ну и дыра! Даже не знал, что такие бывают!

Эти слова героя Стругацких поневоле вспомнились мне при взгляде на главную улицу Диксона. Хотя какая улица тут считается главной, пес ее знает – будем считать, эта, на которой дом с флагом, что примечательно, не обком-райком, а контора Севморпути. Место – в сравнении с этим какой-нибудь Мурманск-999 (от которого до настоящего Мурманска почти столько же) это просто светоч культуры и цивилизации!

В мое время в Диксоне были и дома-многоэтажки, и асфальт, и фонари. Сейчас присутствовали лишь одно- и двухэтажные бараки – и те самые, «система коридорная, на тридцать восемь комнаток...», и паратройка «многозвездочных»: два этажа, два подъезда, восемь квартир. Еще был клуб такого же барачного вида, магазин, радиоцентр, котельная, портовые склады возле причалов, какие-то мастерские и, конечно же, НКВД. Тротуары были деревянными, как в песне Городницкого, людей было мало, и все они, независимо от возраста и пола (женщины тоже иногда встречались) были одеты если не в военную форму, то в ватники и телогрейки. И еще – под ногами путалось огромное количество собак, которые здесь не просто так, а главный ездовой транспорт зимой!

А все же – земля! Небо над головой – а не подволок отсека. И воздух – пахнущий совсем по-особому.

И «Адмирал Шеер». Вот он – стоит в гавани, кормой к берегу. Между ним и причалом – баржа со сходнями, а к борту крейсера ошвартован наш «Воронеж». Отсюда вижу – фигурки на его палубе, кто тоже вылез воздухом подышать.

А возни-то было сколько с этой фашистской сво...! Хорошо еще, волна слабая, не штормит – и то четырежды буксирный конец по пути рвался, по новой заводить пришлось. Двое суток «Дежнев» тянул, «Щука» рядом, как овчарка возле стада, ну а мы, под перископом, в роли ПЛО – слушаем акустику, ловим эфир. Поймали приказ фрицевского «Адмирала Арктики» лодке U-255 – сначала найти и утопить «Шеер», и затем лишь снимать экипаж с «двести пятьдесят первой», что так и болтается где-то поплавром. Думали, идти навстречу или подождать, пока сама подгребет. Решили подождать, куда она денется? Главное сейчас «Шеер», ну а лодка – если она не сумеет нас найти, так мы после ее найдем, когда она к 251-ой пойдет, район-то известен!

На свою голову немцы нас нашли, выйдя в точку последнего известного им места «Шеера» и повернув на зюйд-зюйд-вест – здраво решили, что мы будем вести его в Диксон. Мы засекли их на тридцати милях, развернулись, сблизились, выпустили торпеду. Немцы услышали что-то, задергались, но сделать ничего уже не могли. Пеленги совпали – попадание – звуки разрушения корпуса. Когда-то в Атлантике я отдал последнюю дань уважения неизвестному фрицу, теперь же я испытывал лишь холодную рассудочную ненависть, желание нанести этим фрицам наибольший вред. Наверное, на меня повлияли старые кадры трофейной кино-

хроники в документальных фильмах, которые показывал экипажу Григорич – веселые фрицы с закатанными рукавами идут по сталинградской степи в предвкушении, что очень скоро их фюрер наградит поместьями на русских землях с русскими рабами. Через пять месяцев они будут жрать мерзлую дохлую конину и замерзать тысячами, но это еще будет. Я же хотел, чтобы это случилось раньше, и ценой меньших наших жертв. В отличие от пилота, сбросившего бомбу на Нагасаки и кончившего жизнь в психушке, я не испытывал сейчас абсолютно никаких сомнений – выпустить ядерную боеголовку по Берлину или любому другому городу Германии, если бы это помогло нашим на фронте. Останавливало меня лишь отсутствие такой возможности – «Гранит» не «Томагавк», до Берлина отсюда не долетит.

И кстати, максимальный вред врагу можно нанести, не обязательно, убив. Та же U-251 будет полезнее нам захваченной, чтобы наши спецы изучили ее конструкцию, нашли слабые места, а полсотни человек экипажа – это полсотни лишних рабочих рук на Норильскстрое или в других подобных местах.

– Не навоевались еще, Михаил Петрович? – спросил Кириллов. – Когда в гавань думаете?

Я пожал плечами. Хотелось бы, но... Надо сбежать на север Карского моря, разобраться с этой U-251 – сначала ультиматум, после утопить, если не примут; пусть лишь кого-то для буксировки дадут и судно, куда пленных погрузить. Затем проводка «Шеера» в Архангельск – фрицы наверняка не смирятся с потерей и позором, так что драки не избежать. Ну и наконец мечта каждого подводника, королевская дичь – «Тирпиц». Это все уже знакомо и привычно. А что будет на берегу? Идет война – мы и воюем.

– Воюем, – согласился Кириллов. – Но вот представьте: разведчик наш, с важными сведениями, которые и победу могут принести, и тысячи наших жизней спасти. Каждый день промедления дорого стоит – а он, вместо того, чтобы скорее доставить, свой личный счет увеличивает. Даже если набьет он сотню-другую, что бы вы, товарищ капитан первого ранга, ему дали? Орден или трибунал?

Я качаю головой. Кто бы стал разговаривать с нами, приди мы сразу в Полярный, месяц назад?

– А сейчас? – спрашивает Кириллов. – Выполнил «Морской волк» свою задачу целиком и полностью. Другое сейчас намного более важно, чем охота за головами врагов в стиле Тома Клэнси, прочел, знаете, из любопытства, этого вашего писаку. Не могу я объять необъятное – вот из зенитчиц тех сталинградских половина живы остались, успели им в помощь перебросить батальон ополчения с танковым взводом. А сколько еще случаев таких, которых мы предотвратить не успели и не успеем? А чем блох ловить – лучше играть на опережение, менять все по-крупному, зная заранее наши ошибки. И в практику внедрять то, что для вас обыденно. Я вот с врачом вашим говорил, это ж сколько раненых можно было бы спасти, если б пенициллин у нас был сейчас, а не в сорок третьем. Ведь даже те сведения, что у него есть, могут разработки наши здорово ускорить – но это уже по радио не передать, тут образцы нужны и литература. В общем, приготовил я посылочку в лабораторию Ермольевой, которая и в вашей истории пенициллин сделает, но через год – как отправить? С информацией вашей, и военной, и научной, и технической, спецам нужно работать, а не одному мне.

– А как с секретностью? – спрашиваю. – Если выплывет откуда? Тут даже не фрицы – союзники вой поднимут. Как бы в наше время сказали – «не может быть достоянием одной страны, принадлежит всему человечеству». Затем, в веке двадцать первом, последовали бы санкции с бомбардировкой и вводом войск «миротворцев», ну а здесь просто обрежут ленд-лиз. Не будет такого, что у вас наверху решат – во избежание, концы в воду? Замполит наш докладывает – ходят в команде такие разговоры.

– Товарищ капитан первого ранга! – отчеканил Кириллов. – Запомните раз и навсегда: мы можем сурово наказать за провинность, но мы никогда не сдаем своих в угоду чужим! Ради какой угодно выгоды. И уж поверьте, для наших «наверху» иностранное мнение значит

много меньше, чем для ваших «народных избранников». Скажите это и вашему замполиту, и команде. Вы все – уникальные в своем роде, и неразумно подвергать вас излишней опасности. Всякое может случиться. Кстати, ведь ваша лодка того же типа, что и «Курск», который погиб без всякой войны. А что касается секретности – так это мы обеспечим!

– Ну да! – усмехается Петрович. – Дивизия НКВД для такого уникального случая, оцепление на километр вокруг, что в бинокль не увидишь. Инженеры и рабочие, подписками опутанные и много раз проверенные, чего-то построят, чтобы было все шито-крыто. Слух точно пойдет про что-то жутко секретное и огромное, но что конкретно – никто не узнает. Или плавбаза в отдаленной бухте, и все дела. С комфортом проблемы – так война ведь, а отдыхать выводить сменами в какие-нибудь места, опять же оцепленные и проверенные. В наши, советские времена, после похода, так экипаж организованно и централизованно в дома отдыха отправляли, так что нам не привыкать.

– Не получится, – ответил Кириллов. – У нас все дивизии НКВД или на фронте, или в тылах фронтовых, шпионов и диверсантов ловят. Нет у нас пятисот миллионов личного состава! А детально проверить, даже одного человека – не был, не состоял, не участвовал – вы представляете, сколько времени надо? И уж поверьте, у настоящего шпиона анкета будет чистой-пашей. Честно признаюсь, сначала я тоже о чем-то подобном думал, как вы сказали. Но после того немца на палубе понял, нет никакой возможности у каждого, кто вас видел, подписку брать. Вы представляете, сколько их будет? Какая, к черту, плавбаза в отдаленной бухте, если с вашей техникой спецы должны будут работать в заводских условиях? А ваши же матросы, если их за проволоку с охраной, решат, что их без вины в ГУЛаг – сам разговоры такие слышал на вашем корабле. Ну зачем же – сила есть, ума не надо – если можно много менее затратно? И кстати, не я, а механик ваш план придумал, он предложил, а я оценил и поддержал. Сергей Николаевич, расскажите!

– Что есть высший класс дезы? – заговорил Сирий. – Когда все внешние признаки совпадают, а по сути полное расхождение. Идея «единого двигателя» для подлодки – ведь задолго до атомных была! Самая первая, еще в девятьсот тринадцатом, лейтенанта Российского флота Никольского. Замкнутый цикл – выхлоп дизеля обогащается кислородом, обрабатывается химикатами – и снова на впуск. У немцев был аналогично, в сорок третьем – «крейслауф-двигатель» (а также вальтеровская турбина). У нас, уже после войны – проекты А615 и 617.

Так мы – это оно и есть (для шпионов, естественно). Корпус широкий, где шахты «Гранитов» – это цистерны для химии и кислорода. Реакторный отсек – это реактор и есть, только химический. Паровая турбина, не дизель – это для возможности форсажа, по вальтеровской схеме, на перекиси водорода. Ну никто не подумает сейчас про атом! А вот такие хитрые схемы замкнутого цикла у всех на слуху. Сложно жутко, ненадежно, дорого. У нас, если помните, «шестьсот пятнадцатые» на флоте прозвали «зажигалками». Химия, которая разлагает углекислоту обратно на кислород и что-то еще – страшно пожаро- и взрывоопасная, ядовитая, агрессивная и летучая, а вот состав ее – секретный!

– Не пройдет! – покачал головой Петрович. – Я еще школьный курс химии помню, учитель у нас очень хороший был, Вячеслав Юрьевич. Нельзя углекислоту назад разложить, очень уж процесс энергоемкий. Во всех схемах, на которые вы ссылались, углекислота не разлагалась, а связывалась и удалялась за борт. Может, им схему Вальтера подкинуть? Вот немцы зашевелиятся! А мы посмотрим, как они будут свои подлодки ремонтировать и экипажи хоронить.

– Так и у нас ведь это случилось, – усмехнулся Кириллов. – В походе авария произошла, с жертвами, едва спаслись. Кстати, можно и песню вашу «Девятый отсек» в жизнь выпустить, убрав слова несоответствующие. Тяжелая авария, после которой лодку отправили на завод, ученые с инженерами там толпами, пытаются довести. Год пытаются, два, три.

– А кто ее построил? – спрашиваю. – НКВД в шарашке на берегу? Мы ж размером почти как линкор! Как скроешь?

– Михаил Петрович, никто же не будет цельного резюме давать, – замечает Кириллов. – Так, обрывки слухов! Которые, по определению, отрывочны и недостоверны. Это не мы, а они должны будут целостную и непротиворечивую картину пытаться собрать – а если что не ложится, значит, плохо копали. И уж поверьте, никто даже не задумается насчет версии «из будущего», ну если только прямо информация не утечет, конечно. Логика простая: корабль есть? Значит – строительство прохлопали! Например, вместо одного из линкоров типа «Советский Союз», что были в Молотовске заложены перед войной. Так что готовьтесь – придем с «Шеером», и станете к заводской стенке. Чтобы Доллежаль Николай Антонович, сейчас еще не академик, чуть раньше, чем в вашей истории, работать начал. «Яки» и без него летать будут, а вот флот атомарин в океан выйдет в конце сороковых. Так что привыкайте к своей новой роли, экипаж опытового секретного корабля НКВД. Главное, сами не проболтайте – те, кому надо, будут на самой строгой подписке, ну а тех, кому не надо знать, посылайте ко мне.

– Ну, хорошо, – отвечаю. – Но первое дело сейчас, все равно, на север сбегать, к U-251. Буксир только обеспечьте – сюда притащить.

– Уже! – говорит товарищ старший майор. – Туда вышли тральщики ТЩ-54 и ТЩ-62. И авиация им в помощь – так что разберутся без вас. У вас же первоочередная задача совсем другая. Товарищ нарком, адмирал нашего комфлота Кузнецов запрашивает про захват «Шеера» – а он ни сном ни духом, все ведь через меня шло, Особый отдел, и напрямую силам флота. А это непорядок – нельзя особистам штабы подменять! Так что очень хочет встретиться с вами капитан первого ранга Зозуля Федор Владимирович, начальник штаба Беломорской флотилии, на предмет – что доложить вице-адмиралу Головки. И второе – организация взаимодействия при проводке «Шеера» в Архангельск.

– Место, время? – спрашиваю. – Хотя по карте... С запада острова Диксон место есть – если «Воронеж» поставить на якорь, мили за три, то никто не увидит, кроме обитателей полярной станции. Да и они увидят маловато.

– Михаил Петрович! – покачал головой Кириллов (то, как он это произнес, напомнило мне незабвенное «Семен Семеныч!»). – Вы теперь не абы кто, а, повторяю, опытовый корабль НКВД! Временно прикомандированный в оперативное подчинение Северному флоту, но проходящий исключительно по нашему ведомству. Так что встреча состоится в Диксоне, на твердой земле – довольно вам скрываться, аки тати, пора к легальному статусу привыкать. Вот только орла и триколор закрасьте, во избежание вопросов!

– А флаг какой поднимать? – спрашивает Петрович. – У нас же советского нет. Вот только...

И мы все дружно посмотрели на переборку с экспонатами.

– Годится, – заявил Кириллов. – Он же этому кораблю по приказу перешел? Значит – ваш по праву.

Как мы в море церемонию подъема флага устроили – про то Видяев рассказал.

Да-а, весь Диксон, наверное, смотрел на такое чудо! Сначала во внутреннюю гавань, где уже стояла К-22, «Дежнев» с натугой втащил «Шеера». За ним появилась «Щука» Видяева. А уж за ней мы, полностью продувшись, чтоб уменьшить осадку до восьми метров. И оттого «Воронеж» казался еще крупней. После мы ждали, когда «Дежнев» с помощью еще пары пароходиков запихнет «Шеер» на выбранное место. Так как мы вплотную к причалу подойти все же не могли, фашист был назначен нам дебаркадером – хорошо, что тяжел и бронирован, навалом не разнесет.

Как только организовали трап и сходни, первым на берег сошел Кириллов. Встречало его, надо полагать, все местное начальство – ну а после того, как он предъявил свою грозную бумагу с подписью «И. Ст.», сразу стало ясно, кто главный петух в этом курятнике. Затем он обернулся и махнул нам рукой – что вы ждете?

И мы сошли на берег – естественно, кто был свободен от вахты.

С «Дежнева» сгружали немцев, которые тоже пялились на нашу лодку. Их окружал конвой – похоже, даже не солдаты, а вооруженные жители (помню радиogramму, «мобилизовать ополчение на случай отражения десанта»). Фрицы имели вид весьма жалкий – каково же им было в трюмах «Дежнева» двое суток, и почти без кормежки, как я позже узнал, им туда несколько мешков сухарей скидывали, и все! Их без злобы прогнали по улице и запихнули в наскоро сооруженный загон из колючки – как скотину, под открытым небом, хорошо еще не зима. Затем их еще профильтруют – на предмет склонных к сотрудничеству, чтобы привлечь к помощи в проводке «Шеера», ну а прочих в Норильск, завтра будут баржи с конвоем. Ай да НКВД – они что, конвой затребовали еще до – или нет, сразу по получении радиogramмы о том, что «Шеер» сдался. Оперативность, однако!

– Ну что, Михаил Петрович, пока отдыхайте и гуляйте на берегу! – сказал подошедший Кириллов. – Караван из Архангельска дня через два придет: спасатель-водолей «Шквал», плавмастерская «Красный горн» и эсминцы. Адмирал – простите, пока еще капитан первого ранга Зозуля на «Гремящем» будет. Хотя, может быть, ему быстрее на Ли-2 прилететь?

Мне что-то не давало покоя. Как заноза в мозгу.

– Александр Михайлович! – вдруг вспомнил я. – Перед сдачей с «Шеера» взлетел гидроплан «Арадо196», у него дальность – у Сан Саныча смотрел – где-то километров семьсот. С одним пилотом и запасом бензина – тысяча. Все равно до Норвегии не дотянет. Так куда же он полетел? В наше время, слухи ходили, что обнаруживали следы тайных немецких аэродромов на Новой Земле и даже под Архангельском, у горла Белого моря. В истории нашей – там наши самолеты бесследно пропадали.

– Твою мать!

Старший майор времени не терял. Сначала вместе с Петровичем наскоро перешерстили информацию из будущего, ища любое упоминание о тайных аэродромах. Затем Кириллов отправился допрашивать командира «Шеера», здраво рассудив, что тот должен был знать, куда по его приказу отбыл гидроплан. Вернулся, снова о чем-то долго говорил с Сан Санычем, опять ушел в местное НКВД, где держали немецкого командира и офицеров – и по причине важности их как источников информации, и ради изоляции от экипажа. Вообще, к возможному бунту пленных отнеслись с полной серьезностью – вплоть до того, что береговые батареи были подготовлены для стрельбы по острову, на обратных директрисах, на случай если фрицы вырвутся на свободу – но те пока вели себя смирно.

Кстати, тот мыс, где держали пленных, в этой истории так и остался у диксонцев с названием Фрицев Конец. На долгие годы вперед.

Со второго допроса герр Меедсен-Больдкена Кириллов вернулся повеселевшим. И сразу попросил меня приказать Ухову отправить сообщение в Архангельск. Сопоставлением информации от немца и из нашего времени было установлено четыре точки – две на земле Франца-Иосифа, одна на Новой Земле (куда и улетел гидроплан с «Шеера») и одна, самая опасная – в архангельской тундре, близ восточного берега Горла Белого моря – достоверных координат командир крейсера не знал, но уже в девяностых там был найден заброшенный аэродром возле Окулова озера, похоже, что речь шла именно о нем. Именно с него немцы взлетали перехватывать наши самолеты, патрулирующие над Белым и Баренцевым морем. Отлетались.

Наши тем временем разминались на берегу. Притащили из окрестной тундры черники, брусники, грибов – сдали на камбуз. При этом едва не были арестованы местными батареями – но быстро опознаны кем-то из видевших наш сход на берег, в общем, завершилось как обычно – мир-дружба-водка. Были по возвращении допрошены совместно Кирилловым и Пиночетом – клялись и божились, что лишнего не болтали, однако же, наш «жандарм», как положено, не поверил и привлек местного особиста, который разыскал тех артиллеристов для «дружеской» беседы, брал ли он подписки о неразглашении, не знаю.

Посетили клуб, где оказалась кинопередвижка – смотрели то ли «Волгу-Волгу», то ли «Веселых ребят». Оценили выбор в столовой, где основными блюдами были вполне приличный борщ и, по сезону, перловка с грибами (как это провели по канцелярии, не знаю – но продаттестаты всем нам вручили).

Сидорчук с командой сделал набег на кладовые «Шеера». Как он договаривался и делился с «дежневцами» и местными, мне неизвестно. Французские сардины, оказавшиеся, кстати, гораздо вкуснее шпрот, французский же шоколад, вина, голландский сыр – хорошо же фрицы успели ограбить Европу! Что до бывших хозяев этого богатства – то кормили их, сидящих за колючкой, почти исключительно сухарями. Юрка-Брюс ради любопытства добыл образец и забил им в доску гвоздь – причем сухарь остался целым. Видевший это боцман с «Дежнева» лишь посмеялся:

– Размачивать надо: если в кипятке или в чифире, то прям как хлебушек делается. Можно и в холодной, но там держать надо подольше. А если так – конечно, зубы сломаешь. Мы привычные.

Интересно, а фрицам это кто-нибудь разъяснил? Сколько арийских зубов уже пострадало?

Пленные были в эти дни главным зрелищем и развлечением для местного населения, как заезжий зоопарк. Вид у вояк кригсмарине был вовсе не бравый – под открытым небом, на голой земле. А где тут найти свободное помещение на тысячу человек? Никакого сочувствия лично у меня эти арийские сверхчеловеки не вызвали – в конце концов, никто их на нашу территорию не звал.

На следующий день прибыл обещанный конвой для охраны пленных и сопровождения их в Норильск. Один пароход, три буксира, тянущие три больших баржи, несколько особистов, надо полагать, для первичного опроса и фильтрации, и рота охраны: старлей-командир, десяток сержантов и рыл двести хмырей. Говорю о них так, потому что на солдат они были абсолютно не похожи. Я хоть не пехотный майор-строевик, но только что призванного салагу от «годка», а тем более «пиджака» (имею в виду матроса – аналог сухопутного дембеля, а не гражданского недоофицера) отличу за двадцать шагов. И могу авторитетно заверить, что эти к армии имели такое же отношение, как я к балету. Мешковатые шинели, фуражки блином, петлицы мышинового цвета – у НКВД вроде другой был? – а рожи такие, что увидев в темном переулке, законопослушный обыватель закричит «караул», не дожидаясь, когда у него попросят кошелек и часы. Или в ГУЛаге уже охрану из контингента стали набирать?

Нам было по большому счету плевать – но десятка два этих морд хотели устроить драку с нашими прямо на берегу – причем, что характерно, местных морячков и батарейцев не трогали, а прицепились именно к нам по чисто уголовной манере незнакомых ставить на место. Наших было меньше, но в их рядах оказались аж четверо большаковских убийцев, так что результат, скорее всего, был бы в нашу пользу – однако все быстро закончилось, не начавшись. Прибежал местный особист вместе с командиром этих рыл, причем, едва увидев его, хмыри тут же сдулись – похоже, они боялись до одури. Затем старлей произнес речь, суть которой, если отсеять мат, была такова: это корабль НКВД, его экипаж тоже весь по ведомству НКВД, вы знаете, что полагается за нападение на сотрудников НКВД, да еще по законам военного времени? Или кто-то назад захотел – так мы сейчас это вмиг устроим! Ага, вот ты, ты и ты, еще и с оружием – товарищи моряки, они вам оружием угрожали?

Хмыри буквально побелели. Наши, в общем-то, крови не жаждали. Короче, старлей с прибежавшими сержантами погнало свое воинство прочь едва ли не пинками. Особист грозно поглядывал вслед, мы с Кирилловым, успевшие к самому концу, тоже.

– Не беспокойтесь, товарищ капитан первого ранга! – сказал особист. – Они теперь ваших за сто метров обходить будут, боясь чихнуть.

Оказывается, я был прав в догадке, точно, «контингент»! Еще до войны в гулаговскую вохру активно брали заключенных, естественно, не политических, а «социально близких», то есть уголовных. Они несли полноценную службу, с оружием – но числились отбывающими срок. Теперь же, когда охрану тоже перетрясли, послав надежных и боеспособных на фронт, доля таких «сидельцев» в ней резко возросла. Военнослужащими они, однако, не считались, воинских званий не имели, носили знаки различия серого цвета и серые же значки с надписью «охрана», вместо красноармейских звездочек на шапках. И обычным наказанием за провинность у них было разжалование назад, в обычные зека – но так как они, держась за свое место, лютовали больше обычных охранцов, то такой разжалованный легко мог из барака живым не выйти. А нападение на сотрудника НКВД, да еще в военное время, да еще с оружием – это высшая мера, однозначно!

Да, законность тут, однако. Вот не могу представить, чтоб горбатый главарь из «Места встречи» даже в пьяном бреду помышлял когда-нибудь стать уважаемым человеком! Депутатствовать, покупать заводы, чтоб снести и построить очередной бизнес-центр, давать интервью на тему «как обустроить Россию» и ногой открывать дверь в министерский или прокурорский кабинет. Или, как какой-нибудь Вахид из Дагестана, отслуживший десять лет назад, держать на военной базе кабак и попутно заниматься черт знает чем вместе с бандой головорезов, именуемых его родней – причем управу на них не могли найти ни милиция, ни прокуратура с комендатурой. Здесь с этим все гораздо проще. Организованная преступность – кем организованная, с какой целью? А ну, пройдемте, гражданин! Короче – «кто не работает, тот не ест» во всей красе: все обязаны вносить свой вклад в общее благо, даже уголовная сво...!

А ведь что интересно – немцы пленные, кому повезет вернуться домой, будут после рассказывать и писать мемуары о звероподобных русских солдатах. Сами абсолютно уверенные в своей правоте – поскольку видели своими глазами. Откуда колбасникам знать, что те, кто лупили их прикладами трехлинеек, к РККА имели такое же отношение, как коза к апельсинам.

А мы, выходит, уже числимся сотрудниками НКВД? Хотя, по справедливости, защитники Отечества и должны иметь куда более высший статус, чем всякая уголовная шваль. А абсолютное и всеобщее равенство оставьте бородатому Карлуше.

Ну и пес с ним – мне еще думать надо, что я завтра товарищу будущему адмиралу Зозуле скажу!

Однако же отойти наконец ко сну мне не дали. Едва я собрался, сообщают: там, у трапа, Видяев и с ним еще один. Назвался Котельниковым.

Ох, е! Еще одна легендарная личность! На СФ едва не с самого начала, в тридцать восьмом на лодке Д-3 шел папанинцев спасать (тогда ледоколы успели раньше), однако и он там отметился, впервые в истории нашего подплава пройдя подо льдом. С мая сорок первого командовал К-22, в апреле этого, сорок второго, получившей Гвардейский флаг. В нашем времени столь же знаменит, как Видяев, – был корабль «Виктор Котельников» в составе СФ, – но здесь и на текущий момент по праву считается более заслуженным и авторитетным. Он погибнет на своей К-22 в феврале следующего, сорок третьего года, успев до того стать командиром первого дивизиона подплава СФ.

И в этой операции он вообще-то должен был быть на месте Видяева. Кириллов рассказывал – послать сперва хотели большую крейсерскую лодку, тип К, но «Щука» Видяева оказалась в большей готовности, а ждать старший майор не захотел. В итоге Котельникову досталось лишь пробежаться в Карское море и конвоировать «Сибирякова» до уже сдавшегося «Шеера», и в Диксон. Причем он должен был при этом подчиняться приказам неизвестной ему К-25, в то время как Щ-422 отметилась больше. Что не могло не вызвать у него, мягко говоря, недоумения.

Похоже, что они, по приходу в Диксон и в завершение «официальной» части, взял в оборот Видяева. И что же Федор Алексеевич успел ему рассказать?

Да я себя перестану уважать, если такого человека прогоню прочь! К тому же встреча с ним будет для меня полезна и профессионально. У Котельникова на счету едва ли не самое большое среди подводников СФ число потопленных на сегодняшний день – без всяких самонаводящихся торпед, с большой лодки, куда менее поворотливой, чем та же «Щука». Надеюсь, он не откажется дать мне мастер-класс. Что бы нам ни говорили в теории, но беседа с тем, кто реально так делал, это много лучше!

Все это я высказал подошедшему Кириллову. А ведь товарищ старший майор на берег не съехал, при том, что не только прикомандированные сухопутные, но и настоящие моряки обычно с охотой меняют любое удобство кают на твердую землю, если предоставляется выбор. Считал, что мы – гораздо важнее, чем то, что на берегу?

Кириллов согласился – неожиданно легко.

– Что ж, Михаил Петрович, – под вашу ответственность. Заодно и легенду нашу проверим на прочность.

Капитан второго ранга Котельников Виктор Николаевич.

На тот день – командир Гвардейской подводной лодки К-22

Ну не люблю, когда со мной в молчанку играют! Когда все это началось, в Полярном разговоров было, кто это так лихо на нашей стороне – антифашисты, эмигранты, пришельцы с Марса? Вот они, пришельцы – ходят рядом, по твердой земле. Переодеть, так от наших не отличишь – говорят по-русски, а куртки без всяких знаков различия, похожи на те, какие англичане носят. И оружие у вахтенного незнакомое: вроде короткой СВТ, но с длинным магазином-рожком. Флаг, однако, над их лодкой, наш, и звезда на рубке нарисована. И особисты с ними как с писаной торбой носятся.

А ясности не прибавилось ни на копейку. И слухов – как бы еще не больше. Матросы с «четыреста двадцать второй» вообще говорят, что они из будущего провалились, как в романе Уэллса. Что, однако, не подтверждают ни сам Федор Алексеевич, ни его замполит. Другие, из видяевской же команды и с «Дежнева», рассказывают, что когда они флаг в море поднимали – наш флаг! – то были все в погонах. Потому большинство считает их белоэмигрантами – но опять же... Непонятно, что тогда особисты с ними так носятся – никакого недоверия, по должности положенного. После того, что в Гражданскую белое офицерье вытворяло, не забудется такое никогда, холод бы остался, даже вместе против фашистов сражаясь. Да и молодцы эти «пришельцы», чтобы в Гражданскую воевать. Или у них там уже дети выросли, их вместе собрали и экипаж обучили?

Воевать, однако, умеют. И оттого хочется мне на них посмотреть. Завтра ведь снова в бой, вместе, когда «Шеер» потащим, ведь не смиряются фрицы, утопить попробуют, а то и отбить назад. А ведь в охоте на «Шеер» они распоряжались, как комдив – ты туда, ты сюда. Когда у нас групповые действия подлодок не отрабатывались вовсе. Считалось, что лодка – это охотник-одиночка, а не корабль в составе эскадры.

В то, что это у нас тайно построили – верится с трудом. Просто взглянуть достаточно. Это корабль явно для открытого океана, ему даже в Балтике тесно будет. Каплеобразная форма корпуса под водой хороша, а на поверхности не очень – то есть для такой лодки подводный ход – это основной. Что интересно – когда же она успевает аккумуляторы заряжать? И ведь для таких размеров мощность нужна тысяча пятьдесят лошадок, не меньше – или будет ползать едва, а ход у нее, мне рассказывали, очень хороший. Что также загадка. Нет таких дизелей, это нужно их восемь штук ставить, как на «Шеер», или вообще турбины, что для подводной лодки фантастика.

И что с того, спросите вы – отчего такое у нас не могло быть построено? Вы точно в нашем флоте не служили – если не знаете. Наш рабоче-крестьянский Красный флот с конца двадцатых (раньше вообще разруха была) и до тридцать восьмого строился как прибрежный!

В расчете на войну, похожую на кампанию девятнадцатого года при обороне Петрограда от английской эскадры. Бой у своих берегов, на минноартиллерийской позиции, с атаками торпедных катеров, подлодок и эсминцев – даже крейсера «Киров» по замыслу это не рейдеры на дальних коммуникациях, а скорее вожаки дивизионов эсминцев. И лодки со стапелей – сначала «малютки», затем средние; большие крейсерские, «тип К» были заложены уже в конце тридцатых и строились с оглядкой, а вдруг будут не нужны?

В тридцать восьмом прежнюю линию признали вредительской, и с теми, кто ее отстаивал, поступили соответственно... Стране нужен большой флот! – линкоры, как «Советский Союз», крейсера тяжелые, как «Кронштадт», и легкие, как «Свердлов», эсминцы... Как в Испании петух в темя клюнул – франкистам двух крейсеров хватило, «Канариаса» и «Балеариса», чтобы все наше снабжение по морю оборвать! Но вот в строй вступить не успел ни один корабль. А если считать, что на «Катюшу» от закладки до вступления в строй два года надо потратить, а эта лодка гораздо больше... И надо ведь было и проект составить революционный, и никогда не стали бы сразу в таких размерах строить – сначала опытовую «малютку» бы сделали, а уж потом...

Если только и в самом деле НКВД. И какой-нибудь гений-изобретатель вроде Бекаури сумел бы убедить, да хоть Самого, в своей правоте. Наобещал столько, что получил «добро» строить по максимуму, причем в обход флота – а что, летуны рассказывали, что и ТБ-1 с ТБ-3 первоначально делались по заказу и инициативе не ВВС, а Остехбюро. Затем Бекаури вдруг оказался вредителем-троцкистом. Ну а если его втайне под замок, и дальше творить? Да и не один же он такой! Версия? Тоже, конечно, за уши притянута, но лучше явного бреда, что строили на верфи английской, американской, чьей-то еще. Отчего тогда таких линкоров подводных в тех флотах нет? Ну а сказки про тайную постройку в бразильских джунглях – это по части горячего бреда: те, кто об этом говорит, они хоть представляют, что такое судостроительная верфь, на которой можно построить, по сути, линкор?

А Федор Алексеевич, ну жук! Секретность, секретность, сам все поймешь – ну погоди, после выскажу тебе все, что думаю. Наконец-то – их дежурный идет. Повязка «рцы» на рукаве, сине-бело-синяя, как у нас.

Лезем сначала на «Шеер». Две шестидюймовки левого борта готовы к бою, развернуты и нацелены – часовой возле, кранцы первых выстрелов блестят, где-то, наверное, и расчет поблизости. А нацелены они – ну точно, куда пленных согнали, если вырвутся. Ну это вряд ли – уже если они отваги не проявили, когда были при оружии, так сейчас поздно пить боржоми!

Теперь вниз – на подлодку. Ну и размеры вблизи! А ведь при такой ширине осадка у нее меньше десяти, иначе бы не встала здесь, тут глубина меньше! Значит, не капля, а овал, сверху сплющено, с боков расширено – что целесообразно с точки зрения кораблестроения, лишь если надо вписать дополнительный объем, не увеличивая осадку. Они что, ЦГБ в борта вынесли, или тут еще что-то есть? А материал на корпусе – резина? Ай молодцы, ведь все звуки изнутри глушить будет хорошо, и о том подумали!

Труба вниз – ну, как у нас. А вот внутри – ничего себе!!

Что для подводника важнее всего? Конечно же свежий воздух и скорость! Оттого в лодке всегда очень затхло, и свет тусклый (чтобы аккумуляторы не разряжать). И теснота страшная – все время ходишь, пригибаясь. И всюду трубы, клапаны, вентили, манометры. А тут – ну прям как на «Наутилусе» Жюль Верна!

Нет, залов с картинами и фонтаном не было. Хотя были, как я узнал позже, баня и бассейн. Но меня при первом же взгляде поразили яркий электрический свет и чистый воздух. И вместо вентилей – лампочки, кнопки, рубильники, распределители. А надписи, маркировка – повсюду на русском! Тепло, даже жарко – все одеты очень легко, во что-то похожее на нашу «форму один», но синюю, а не белую. Трапы вверх, трапы вниз – несколько палуб на подлодке, непривычно!

Видяева приветствуют все – как своего. По мне лишь взглядами скользят: ну, пришел человек на лодку, значит, надо так, если его дежурный сопровождает, командиру видней, не наше дело, пока не скажут. И что интересно, ни одной знакомой рожи! Хотя я в подплаве нашем знаю очень многих, и меня знают хорошо.

И разговор за спиной, странный очень. Когда люк межотсечный открывали, замешкались чуть – и двое сзади:

– С кем это наш?

– Героев знать надо. Помнишь, кораблик был, «Виктор Котельников»? Или списали его еще до тебя?

Это где и когда в мою честь корабль успели назвать? Да еще и списать после скольких-то лет службы? КОГДА? Ну, если это не шутки...

В кают-компанию нас ждали. Старший майор ГБ, которого я видел еще в Полярном. И командир – назвался Лазарев Михаил Петрович, капитан первого ранга. Затем подошли еще двое, представились как старпом и командир БЧ-1. После взаимных представлений разговор плавно попытался свернуть в наезженное. Мне охотно отвечали про «атаку века» в норвежских фьордах, показали карты, схемы маневрирования. Интересные, однако, у них торпеды – чтоб вот так удачно попасть, с такой дистанции? Затем заговорили о прочем. Михаил Петрович признался, что он родом из Ленинграда. Причем оказалось, что он неплохо знал город, особенно Васильевский и Петроградку. Что мало вязалось с ролью «эмигранта»: в революцию ему было лет восемнадцать.

Чем дальше, тем яснее мне становилось – мои собеседники (старший майор участия в беседе почти не принимал, лишь слушал) не иностранцы, не эмигранты, а самые что ни на есть советские, хотя какие-то странные. Говорят, что дьявол, он в мелочах скрывается, так вот: слово «товарищ», которое господам офицерам обычно как серпом по одному месту, он проносил абсолютно естественно. Мне приходилось видеть «бывших» – хотя бы среди старых спецов и преподавателей в училище, – у них просто другой язык, разница была заметна. В то же время некоторые из слов командира, вернее их значений, были мне просто непонятны.

Интересно, не из Севастополя ли он? Только в этом случае он мог командовать подлодкой, при этом будучи неизвестен ни на Балтике, ни на Севере. Черноморский флот больше других варился в собственном соку.

И когда он стал говорить что-то про абсолютно новый проект, постройку корабля в полной секретности – при этом на лице старшего майора мелькнула скука, будто сам он в это не верил, а Видяев отвернулся, знал, точно знал правду! – я не выдержал...

Капитан первого ранга Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Морской волк», час спустя

Виктор Котельников показался мне похожим на Чкалова из одноименного, еще довоенного фильма. Если он и удивился поначалу интерьеру на борту «Воронежа», то виду не подал. После взаимных представлений и приветствия, мы сразу перешли к делу. Как я и ожидал, его интересовали наши атаки немецких кораблей у берегов Норвегии – на чужом опыте учиться спокойнее, чем на собственных ошибках. Я велел Саньчу принести журнал с описанием маневрирования, нашего и немцев. По большому счету в тех эпизодах особой секретности не было – стреляли мы в пределах видимости, на дистанции большей, чем обычно принято здесь, но все же не запредельной – если бы у нас были лучшие торпеды этих времен, вроде японских «длинных копий», и американские приборы управления стрельбой (благодаря которым их субмарины в ту войну с дальней дистанции стреляли лучше, чем вблизи – исторический факт!), такая атака была бы вполне реальной; ну, может, шесть из шести целей мы не поразили бы, но одну-две полным залпом абсолютно реально.

Затем он спрашивал что-то про Ленинград – где учился в тридцатых. К счастью, я мог поддерживать и этот разговор, поскольку достаточно знал от отца, правда не про тридцатые, а про первые послевоенные годы; однако же разница вряд ли была велика.

Видяев скромно держался в стороне, товарищ старший майор также предпочитал больше слушать. Я видел, как на лице Котельникова периодически мелькают едва заметные недоумение, досада и даже недоверие. А затем он меня ошарашил:

– Товарищ капитан первого ранга, я не понимаю, зачем вы пытаетесь водить меня за нос. Ну вот ни за что не поверю, что вы эмигранты! В то, что такую лодку у нас могли построить тайно – верю с трудом, у вас же все новое, как в романах Беляева, оборудование такое просто обязано проходить обкатку на наших кораблях. А значит, что бы там ни изобрели, должен быть и опрос нас, флотских, на предмет пожеланий в использовании, дополнений и улучшений. А экипаж откуда набрали – ведь чтобы управляться с таким кораблем, выучка и тренировка нужна, дай бог! Даже если и нашли где-то опытных моряков, не может быть боеспособного корабля без слаживания команды в учебном выходе на полигон! То есть ну никак не могло вас тут быть без того, чтобы флотские не знали! У нас же не Балтфлот, а фактически флотилия – все знают всех, как в деревне! И что это вот могло тайно выходить из Молотовска через все Белое море, в океан, и чтобы никто не видел? А уж в команду такого корабля обязательно отобрали бы лучших в нашем подплаве. Секретность? Так помню, как наших вот так же в Испанию отправляли, знакомое дело. Я ж на флоте, что у нас, что на Балтике – считай, всех командиров знаю: и чтоб у вас из знакомых никого? Поневоле верить начинаешь тому, что в команде говорят: будто вы с Марса прилетели или из будущего провалились, как у Уэлса. Может, так оно и есть?

Как старший майор при этом взглянул на Видяева – это камни можно было сверлить! Федор Алексеевич лишь руками развел – вы что, я ничего!

– А если и так? – вдруг говорю я, и уже Кириллову: – Александр Михайлович! Седьмого февраля сорок третьего – понятно? Грех такого человека для нашего флота не сохранить.

Кириллов подумал и кивнул. Но дальше решительно взял инициативу в свои руки...

Да, авторы романов про попаданцев – вот никогда не считайте предков дурее себя! Кто там говорил про футуришок? Историей техники поинтересуйтесь!

Ведь если вдуматься, 1940 год от 1920 отличался больше, чем, к примеру, 2010 от 1990-го! Авиация от «альбатросов», по сути этажерок, до «мессершмиттов» и «яков» – в сравнении с F-15, F-16, МиГ-29, Су-27, стоящих в строю с конца восьмидесятых? Танки, от неуклюжих ромбовидных коробок до Т-34 – и поставьте рядом Т-72 и Т-90? Даже автомобили ЗиС-101 и «Эмка» отличаются от «антилоп гну» начала века все ж больше, чем «Лексус» от «копейки». Армейские радиостанции Первой мировой, едва вмещающиеся в пароконную повозку – и знаменитый «Северок» два кило веса, почти транзистор по нашей мерке, образца как раз сорок второго.

Можно сколько угодно говорить про «отсталость» и «неэффективность» социализма. Но вот интересно – с чего это, как исчез СССР, так сразу во всем мире затормозился научно-технический прогресс; кроме электроники, все сводилось к мелким улучшениям. Что принципиально нового появилось в мире после 1990-го – сотовые телефоны и энергосберегающие лампочки?

А ведь мечтали когда-то – «...еще бродили экспедиции в болотах Венеры, пробивались ракеты сквозь бушующую атмосферу Юпитера, и не была составлена карта Сатурна – а к звездам уже шли корабли, чтобы поднять алый флаг единого коммунистического человечества на неведомых планетах. Начало двадцать первого – легендарное и восхитительное время». Мечты шестидесятых!

И журналы «Техника – молодежи», собираемые еще моим отцом с пятидесятых. Оптимизм, радость жизни, вера в лучшее завтра, в торжество науки – как все это все уменьшалось, сходило на нет уже к восьмидесятым. Но тогда, в начале, верили безудержно в торжество науки вообще и советской в частности. «Нам нет преград на море и на суше, нам не страшны ни льды ни облака» – это ведь было в умах, в это верили, этого ожидали! И написанные в тридцатые годы романы Беляева, умершего от голода в оккупированном фашистами Пушкине, в январе сорок второго. Был у него, кстати, и какой-то про «телеуправляемую» войну, как сто человек, нажимая на кнопки, управляют тысячами самолетов и танков – такие теории про «кнопочные» фабрики, города, армии были тогда чертовски популярны. Так что Котельников не сильно удивился, увидев наш центральный пост: именно так это было описано в том романе.

Ну, построило НКВД самую крупную подлодку в мире, лодку-гигант. Эскизные объекты подводных дредноутов в двадцать тысяч тонн составлялись еще в конце Первой мировой. А в Молотовске, когда закладывали перед войной линкоры проекта 23, один из них (кажется, «Советскую Белоруссию») перезаложили якобы из-за брака. А если на самом деле вместо линкора достроили подлодку размером почти с линкор?

Так что «Волк» вплыл в реальность предков, как айсберг в Гренландском море: с плеском и шумом, но не вызвав особого удивления. Ну подлодка, большая, внешне необычная – и что? По ведомству госбезопасности – так есть дивизии НКВД, почему не быть лодке?

Слухи, конечно, ходили. И «шукари», успевшие пообщаться с экипажем «Воронежа», а также видевшие подъем его флага, чесали языками – разумеется, под большим секретом и только лучшим корешам. Беды в этом большой не было: представляю шпионское донесение, «пьяный матрос в пивной хвастал, что к нам на помощь прибыли потомки из будущего» – ответом с большой вероятностью будет втык агенту с требованием пересылать проверенную и достоверную информацию, а не пьяный бред. Ну а байки – они и есть байки во все времена. Помните, у Твардовского:

Врывшись в землю с головой,
Самокруткой грел ты душу,
Когда жажнула впервой –
И пошла играть «Катюша».
Кто-то слух пустил про Марс –
Мол, сговорено заранее.
И по немцам, мстя за нас –
Долбанули марсиане.
Иль открылся фронт второй.
А войска, секрета ради –
Под землей прошли дырой.
Да не спереди, а сзади.

Но кое-чего мы категорически предусмотреть не могли, ни я, человек в этом времени новый, ни Кириллов, пусть и опытный, но сухопутный. «Молодые» флоты, Северный и Тихоокеанский, сформированные всего-то в начале тридцатых, и десяти лет не будет, брали и кадры, и корабли с Балтфлота, который и сам в то время был стиснут до размеров Ленинграда и Кронштадта. А командир подводной лодки – профессия весьма специфическая, и все они в те годы обязательно знали друг друга, или хотя бы слышали такую фамилию, вращаясь в одной и той же среде, в одних и тех же местах. Черноморцы еще могли стоять особняком, но и то там тоже имелось достаточно знакомых. Короче, командиры-подводники в те годы были наподобие офицеров Императорского флота – все знали всех, или как минимум были наслышаны. И

совершенно немыслимо, чтобы таким кораблем, как «Волк», командовал человек, никому не известный и никого не знающий из подводного братства.

Путь до командира лодки долг – незаметно его не пройдешь. В то же время на спеца из «бывших» я явно не подхожу по возрасту. А доверять новый и секретный корабль лицу без опыта и выучки – это полный маразм; идиотов в НКВД все ж не водилось.

Так что если вспомнить слухи и попробовать отнестись к ним серьезно. Что выйдет в сухом остатке?

– Вы понимаете, Виктор Николаевич, что эти сведения – особой государственной важности? И составляют строжайшую государственную тайну?

– А вы на что намекаете, товарищ старший майор? Что я с этими сведениями к немцам побегу?

– Да нет, Виктор Николаевич, но вот скажете вы какому-нибудь лучшему другу без всякого умысла, тот еще кому-то под большим секретом... И в итоге будет, как у Пушкина в «Капитанской дочке»:

«...никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями». Кстати, вы понимаете, что теперь ни в коем случае не должны будете попасть к немцам в плен живым? Так что простите, но подписку я с вас возьму по всей форме. И не надо мне говорить, как Федор Алексеевич, что нет у подводников плена! Только у меня аж двое их командиров сидят – этот Брода и еще радио с ТЩ-62, сдалась U-251 со всем экипажем, сейчас сюда ее на буксире волокут.

– А вы нас с фашистами не равняйте!

– Все мы люди-человеки, Виктор Николаевич. Броде этот, вон, уже на десять листов показаний наплел, все что знает и о чем не знает – а ведь к нему пока еще никаких мер воздействия не применяли. Вы представить можете, что будет, если про эту тайну узнают? И кстати, неизвестно еще, кто хуже – фрицы или наши заклятые союзнички. Михаил Петрович, раз Виктор Николаевич уже в посвященных, явочным порядком фильм ему покажите, который мне показывали позавчера. Что за мир ждет нас после победы.

Несу ноутбук. Нахожу нужную иконку, включаю.

Май сорок пятого. Знамя над Рейхстагом. Наши солдаты, радостные, у Бранденбургских ворот. В эшелоны – домой. Сожженные города и села, поля в запустении, разрушенные заводы, плотины, шахты. Вся страна, как большая стройка, встает из руин.

И американская «суперкрепость» над городом. Вспышка, ядерный гриб – оплавленные камни, выжженная земля. На куске стены – тени от испарившихся людей.

– Это что же, с нашими было? – спрашивает Котельников. – Они, сволочи, что, сразу нам войну объявили?

– Нет. Это Япония, города Хиросима и Нагасаки, август сорок пятого. Всего три месяца после нашей победы. В тех городах не было военных объектов – наши «союзники» просто хотели показать любому и нам, что будет с теми, кто посмеет с ними спорить.

Авианосцы у берегов Кореи – или Вьетнама? Десятки, сотни самолетов – кладут наземь «бомбовый ковер», сплошное море огня и дыма. Стреляют по берегу линкоры, подходят десантные суда, выбрасывают из трюмов танки. Тысячи солдат. Корабли в море, очень много кораблей – под звездно-полосатым флагом.

Всплывает подводная лодка. Открывается люк наверху непропорционально большой рубки, вылетает ракета с дымом и пламенем. Камера наезжает – и становится виден флаг на лодке, наш флаг. Еще лодки – уже другие, непривычно округлых очертаний – атомные. Пробив рубкой лед, такая лодка всплывает на Северном полюсе и поднимает там опять же наш флаг. Уже наши корабли на учениях. Скользят по волнам БПК «шестьдесят первые», с «Киева» взлетают «яки» – вертикалки. Снова подводные лодки – наши атомарины.

Причалы за кормой – конец сеанса связи.
Уходим в глубину, за Родину свою.
Лишь твой портрет со мной – и долгий курс до базы.
Но знай, что под водою я сильнее тебя люблю.

Поиск и патруль – для лодки цель святая.
Задача – в океане раствориться как мираж.
Боцман, крепче руль! И пусть противник знает,
Что в море вышел наш гвардейский экипаж!

Турбине – вперед, двести оборотов!
Впереди неизвестный кильватерный след.
За вражьей лодкой началась охота.
Она от нашей гвардии услышит вой торпед!

«Гепард» не подведет – он создан на «Севмаше».
Штурман, выдай пеленг! Боцман, курс держи!
Уходим мы под лед, чтоб спали дети наши,
И знали, что гвардейцы охраняют рубежи.

В отсеках тишина – лишь слышен свист касаток.
Ну что там впереди – лишь чуть слышны винты.
Акустик, на экран – что даст классификатор.
А аппараты все на «товсь» и ждут команды «пли».

Турбине – вперед, двести оборотов!
Впереди неизвестный кильватерный след.
За вражьей лодкой началась охота.
Она от нашей гвардии услышит вой торпед!

Ученья позади – а впереди задание.
На берегу друзья, на берегу семья.
Надейся или жди – цепь встреч за расставаньем.
Такая жизнь подводника, любимая моя!

Турбине – вперед, двести оборотов!
Впереди неизвестный кильватерный след.
За вражьей лодкой началась охота.
Она от нашей гвардии услышит вой торпед!³⁰

– Вот так и будет, – говорю. – Только завершится эта война, как «союзники» наши теперешние будут готовить новую, против нас. И будут устанавливать по всему миру свой порядок – бомбардировками, обстрелами и десантами. Будут вторгаться в страны, дружественные нам, и вести себя так, что эсэсовцы позавидуют. В мире будет – как у вас в конце тридцатых, Испания, Китай: проба сил перед большой войной. А у нас будет только два настоящих, верных союзника: наша армия и наш флот. Флот даже важнее – наши противники в этот раз державы морские. Таков будет тот мир, откуда мы.

---

³⁰ Песня Александра Викторова.

– А кем же там были вы?

– Тем же, кто здесь и сейчас, – отвечаю. – Я командир подводного крейсера, истребителя авиаударных эскадр. Очень жаль, что не командир ПЛАРБа – так у нас назывались подводные линкоры. Одним залпом сметало целую страну. Эта война бы завершилась в один день, оставив вместо Германии пепел и пустыню. Впрочем, побежденные немцы после были нашими лучшими союзниками в Европе. Но это будет лишь после того, как мы Берлин возьмем и главарей повесим.

– Так будет, – подтвердил Кириллов. – Теперь понятно, почему не только фрицы, но и союзники знать ничего не должны, вообще никто? Ну и что теперь с вами делать, орлы подводные? Вы понимаете, что, волею случая, узнали то, что на флоте пока даже адмиралам знать не положено? В свое время узнают.

Котельников с Видяевым лишь слаженно кивают.

– Авансом вам дано, – продолжает старший майор, – за то что вы одни из лучших подводников флота, я надеюсь, станете такими же командирами таких вот кораблей, как этот, лет через десять. Фрицев, в общем, разобьем и так – а вот с заокеанскими «заклятыми друзьями» без флота не выйдет. И такие, как вы, будете Родине очень нужны. С вами, Федор Алексеевич, мы уже разобрались, а с вами, Виктор Николаевич... Михаил Петрович, просветите!

– В нашей истории вы погибли седьмого февраля сорок третьего, у Гаммерферста, – говорю я. – К-22 подорвалась на минном поле, выставленном там, в семи милях от берега. Саныч, информацию найди, подробно. Главное – координаты!

Сан Саныч быстро щелкает мышкой, находит, открывает нужный файл. Котельников впивается взглядом в экран.

– А в этой? – спросил он после слегка ошалело. Как, впрочем, и подобает человеку, услышавшему дату своей смерти.

– А в этой не знаю. У нас ведь «Лютцов» потопили лишь в сорок пятом и «Шеер» не захватывали. Мы уже изменили историю и продолжаем ее менять. И потому – ничего не предрешено.

– Так что постарайтесь, Виктор Николаевич, до победы дожить, – добавляет Кириллов. – Вы очень нужны будете, когда такие вот К-25 войдут в строй серийно. Еще и адмиралом станете. А вот подписочку – извольте сейчас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.